

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОСУДИЯ»**

На правах рукописи

ТХАЗЕЦЛОВ КАНТЕМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

**РАССМОТРЕНИЕ В СУДАХ ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА
ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА
ПРАВ ДОСТУПА**

Специальность 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Научный руководитель:
д.ю.н., профессор
Фокина Марина Анатольевна

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА.....	15
§ 1.1 Международно-правовые стандарты рассмотрения дел о возвращении ребенка ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа .	15
§1.2 Материально-правовая и процессуально-правовая характеристика дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.....	49
ГЛАВА 2. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА	95
§ 2.1 Подсудность дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа	95
§ 2.2 Специфика субъектного состава гражданских процессуальных правоотношений по исследуемой категории дел	120
§ 2.3 Доказывание по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа	161
§ 2.4 Исполнение решений по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа	212
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	249

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Необходимость исследования правовой природы дел о возвращении ребенка в государство его обычного проживания или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, подписанной в городе Гааге 25 октября 1980 г. (далее – Конвенция 1980 г.), обусловлена тем, что на данный момент в современном российском обществе остро стоит вопрос защиты прав несовершеннолетних, в том числе в трансграничных спорах. Присоединение России в 2011 г. к Конвенции 1980 г. привело к формированию в нашей стране нового процессуального механизма защиты нарушенных прав ребенка и потребовало произвести изменения отечественного гражданского процессуального законодательства.

Конвенция 1980 г. применима к любому не достигшему шестнадцатилетнего возраста (*ratione personae*) и обычно проживающему на территории какого-либо из договаривающихся государств непосредственно перед нарушением прав опеки или доступа ребенку, которого незаконно переместили или незаконно удерживают (*ratione materiae*) в другой стране-участнице Конвенции 1980 г.

До присоединения к указанному международному договору российские суды не обладали четким механизмом решения проблем, возникающих при рассмотрении дел о детях, незаконно перемещенных в другое государство, либо удерживаемых в иностранном государстве, а также дел о защите прав опеки и доступа. Нередко, к примеру, правоприменительная практика складывалась таким образом, что российский суд принимал решение об определении места жительства ребенка в пользу того родителя, который обладает гражданством нашей страны. В свою очередь, суд иностранного государства выносил судебное постановление о проживании ребенка со своим гражданином. В итоге появлялись два

взаимоисключающие друг друга судебных решения. Подобная ситуация становилась тупиковой. Присоединение нашей страны к Конвенции 1980 г. призвано устранить подобные противоречия, что крайне необходимо в современном мире, в котором с каждым годом увеличивается число как межнациональных браков, так и «межнациональных» разводов.

Опыт других государств-участников международного договора показывает, что процедура рассмотрения дел исследуемой категории, заложенная в Конвенции 1980 г., эффективна, уникальна и может быть приспособлена к любой судебной системе. Стоит отметить и быстроту применения процессуальных механизмов, предусмотренных данным международным договором.

В 2014 г. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) был дополнен новой Главой 22.2 «Производство по рассмотрению заявления о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации». Изменения затронули и иные статьи аспекты гражданского процесса, в частности, касающиеся розыска ответчика и (или) ребенка (ст. 120 ГПК РФ), отложения разбирательства дела, (ст. 169 ГПК РФ), обязанности суда приостановить производство по делу (ст. 215 ГПК РФ) и др. Так, в частности, дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа могут рассматриваться всего в восьми судах Российской Федерации. Специфика исследуемой категории дел проявляется и в их субъектном составе, кратких сроках рассмотрения заявлений, обжалования, исполнения судебных решений и т.д.

Необходимость исследования правовой природы дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа обусловлена тем, что на данный момент в современном российском обществе остро стоит вопрос защиты прав ребенка. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что существует ряд проблем, связанных с применением, как норм Конвенции 1980 г., так и норм Главы 22.2 ГПК РФ.

Это обусловлено как несовершенством процессуального законодательства (проблемы терминологии, двойственности понимания, «новизны» многих процессуальных положений), так и сложностью реализации новых для российского правоприменителя понятий.

Многие вопросы, касающиеся рассмотрения в судах дел исследуемой категории, такие как их подсудность, субъектный состав лиц, участвующих в деле, доказывание, исполнение судебных решений, не получили должного развития в современной процессуальной доктрине.

Введение в ГПК РФ Главы 22.2 потребовало теоретической разработки процессуальных институтов, нормы которых регулируют вопросы рассмотрения в судах исследуемой категории дел, анализа новых понятий, появляющихся в процессуальной науке, в целях совершенствования правоприменительной практики и повышения эффективности разрешения данных дел. Вместе с тем, можно констатировать, что значимые вопросы, касающиеся рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, вплоть до настоящего времени не только не нашли однозначного научного решения, но и не в достаточной степени поставлены и проанализированы в науке гражданского процесса.

Исходя из вышеизложенного теоретический анализ дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа следует признать актуальным как в научном, так и в практическом плане.

Степень разработанности темы. На данный момент в гражданском процессуальном праве проблема рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа не подвергалась монографическому и диссертационному исследованию. Соответствующие вопросы анализировались преимущественно на уровне научных статей, либо же затрагивались попутно, при рассмотрении проблематики, касающейся защиты прав несовершеннолетних, мигрантов, проблематики брачно-семейных отношений с иностранными гражданами и др.

Из работ, непосредственно посвящённых заявленной проблематике, представляется необходимым выделить «Научно-практический комментарий к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.» (ответственные редакторы – О.А. Хазова и Н.В. Тригубович). Несмотря на несомненную содержательность этой работы в части анализа международной практики применения Конвенции 1980 г., глубину раскрытия установленных международным договором понятий, акцент в ней сделан на материально-правовой составляющей Конвенции 1980 г.

Помимо этого, в периодических изданиях опубликован ряд работ, посвященных различным аспектам рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, что позволило их авторам указать на несомненно имеющиеся недостатки правового регулирования и предложить пути решения этих проблем. Их авторами являются такие ученые, как Д.С. Борминская, Л.В. Войтович, Н.Г. Галковская, Е.В. Ерохина, В.Л. Кабанов, Н.В. Кравчук, Н.В. Лялина, Т.А. Семина, А.Н. Сухаренко, К.В. Тихонина, Н.В. Тригубович, О.А. Хазова и другие.

Вместе с тем нельзя не отметить фрагментарность и неполноту проведенных изысканий, что, в целом, позволяет говорить о том, что объем исследования соответствующих вопросов в науке гражданского процесса остается несопоставимым с объемом исследования иных институтов отечественного гражданского процессуального права. Научные статьи названных авторов посвящены, в основном, изменениям процессуального законодательства по вопросам возвращения ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, а также перспективам развития законодательства в этой сфере.

Таким образом, полный и комплексный анализ особенностей рассмотрения в судах дел о возвращении ребенка или об осуществлении в

отношении ребенка прав доступа в гражданском процессуальном праве отсутствует.

Объектом исследования выступают гражданские процессуальные правоотношения, складывающиеся между судом и другими участниками гражданского судопроизводства в связи с рассмотрением дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

Предмет исследования составляют положения современного гражданского процессуального законодательства, а также судебная практика российских судов и Европейского Суда по правам человека по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

Необходимо особо подчеркнуть, что предмет нашего исследования составляют вопросы рассмотрения судами дел на основании Гаагской конвенции 1980 г. Соответственно, им не охватываются аналогичные споры, возникающие между российскими гражданами, незаконно переместившими либо удерживающими ребёнка в пределах нашей страны.

Цель исследования обусловлена актуальностью темы диссертации и заключается в выявлении и решении теоретических и практических проблем, повышении эффективности рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, в разработке научно-практических рекомендаций по совершенствованию законодательства в области гражданского процесса, а также практики его применения. Достижение указанной цели предполагает постановку и решение следующих **задач**:

- проанализировать международную практику рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа;
- выявить соотношение материально-правовых и процессуальных норм, их влияние друг на друга по исследуемой категории дел;
- проанализировать специфику подсудности данной категории дел;

- охарактеризовать круг субъектов гражданских процессуальных правоотношений по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа;
- определить структуру предмета и бремени доказывания в исследуемой категории дел;
- выявить специфику исполнительного производства в данной категории дел;
- разработать и теоретически обосновать рекомендации и предложения по совершенствованию российского гражданского процессуального законодательства в области защиты прав ребенка при его незаконном перемещении или удержании.

Методологическая основа исследования включает универсальные общенаучные (анализ и синтез, описательный, формально-логический, аналогию, обобщение) и специальные частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания.

Нормативная и эмпирическая базы исследования. *Нормативную* основу диссертационного исследования составили Конвенция 1980 г., иные международно-правовые акты, Конституция РФ¹, федеральные законы, ГПК РФ, процессуальное законодательство других стран (Бельгии, Великобритании, Нидерландов, Новой Зеландии, Словакии, Франции и др.). В качестве *эмпирической* базы исследования выступили результаты изучения решений Европейского Суда по правам человека за 2002-2017 гг.; постановления Пленума Верховного Суда РФ, судебные решения Тверского районного суда г. Москвы, Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга и Пятигорского городского суда Ставропольского края, судебные

---

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

решения национальных судов других стран (Бельгии, Великобритании, Испании, Словакии, Франции и др.).

Теоретической основой исследования послужили доктринальные положения, содержащиеся в трудах отечественных правоведов в области общей теории права, гражданского процессуального права, семейного права, международного права и других отраслей науки: Т.Е. Абовой, С.С. Алексеева, М.В. Антокольской, А.Т. Боннера, Е.А. Борисовой, Е.В. Васьковского, М.А. Викут, Н.В. Витрука, Н.А. Громошиной, Р.Е. Гукасяна, М.А. Гурвича, П.Ф. Елисейкина, В.В. Ершова, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова, И.М. Зайцева, Н.Б. Зейдера, О.Ю. Ильиной, О.В. Исаенковой, Р.Ф. Каллистратовой, А.Ф. Клейнмана, К.И. Комиссарова, Е.А. Крашенинникова, М.Н. Маркеловой, А.М. Нечаевой, С.В. Никитина, Е.И. Носыревой, Г.Л. Осокиной, Н.А. Петухова, Л.М. Пчелинцевой, Л.Н. Ракитиной, Н.А. Рассахатской, И.В. Решетниковой, В.А. Рясенцева, Т.В. Сахновой, М.К. Треушниковой, Н.В. Тригубович, О.А. Хазовой, М.А. Фокиной, Д.А. Фурсова, Д.М. Чечота, Н.А. Чечиной, М.С. Шакарян, М.Л. Шелютто, В.М. Шерстюка, К.С. Юдельсона, В.В. Яркова и других.

Автором использовались работы зарубежных ученых, таких как: P.R. Amato, A. Booth, P. Beaumont, E.M. Clive, M. LDalley, G.F. DeHart, M. Freeman, S. Hillebrand, B.E. Lubin, P.E. McElevy, M. Peternel, Rh. Schuz, K. Telly и других.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация является первым комплексным монографическим и диссертационным исследованием, посвященным анализу процессуальных особенностей рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Конвенции 1980 г. Автором осуществлен правовой анализ не только указанного международного договора и процессуального законодательства, но и судебной практики, выявлены проблемы, касающиеся применения исследуемой главы ГПК РФ, в

результате чего разработаны теоретические положения и законодательные предложения.

Выявлены взаимосвязи между нормами материального и процессуального права, регламентирующими складывающиеся в связи со спорами о возвращении ребенка и осуществлении в отношении ребенка прав доступа общественные отношения. Обосновано, что именно эта взаимосвязь определяет процессуальную форму по делам данной категории. Дана авторская интерпретация обусловленных правовой природой спорных материально-правовых отношений и положениями Конвенции 1980 г. особенностей: предмета судебной защиты; иска как средства защиты нарушенного права; искового производства; состава участников судебного разбирательства; предмета доказывания; сроков, определяющих возможность судебного разбирательства, а также предмет доказывания.

На защиту выносятся следующие основные положения.

1. Дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа – это осложненные иностранным элементом и не предусматривающие возможность подачи встречного искового заявления или соединения нескольких исковых требований семейные споры о восстановлении нарушенных в стране-участнице Конвенции 1980 г. прав ребенка, прав опеки оставленного родителя или иного законного представителя и прав доступа, рассматриваемые и разрешаемые по правилам искового производства на основе учета наилучших интересов ребенка, посредством возвращения ребенка или устранения препятствий к доступу к ребенку в случае незаконности его перемещения или удержания и отсутствия позволяющих оставить ребенка обстоятельств-исключений из принципа незамедлительного возвращения похищенного ребенка.

2. Повышению эффективности и сокращению сроков разрешения споров о возвращении ребенка и об осуществлении в отношении ребенка прав доступа должно способствовать расширение сферы использования семейной медиации. В этих целях необходимо: активизировать

международное сотрудничество в данной области, в том числе расширить медиативное сотрудничество в рамках межгосударственных контактов, направленных на разрешение дел о возвращении ребенка и обеспечение прав доступа к ребенку; возложить функции семейной медиации на имеющих профессиональную подготовку сотрудников Центрального органа, специализирующихся на делах этой категории; создать контактный центр по организации медиации по делам, касающимся Конвенции 1980 г.; оформить соответствующие медиативные процедуры в виде специально разработанных регламентов, охватывающих порядок одобрения, взаимного признания и исполнения медиативных соглашений в странах-участницах Конвенции 1980 г.

3. Целесообразно делегировать Центральному органу право на подачу искового заявления по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Реализация этого предложения направлена на ускорение судебного рассмотрения данной категории дел, поскольку, во-первых, в задачи Центрального органа входит принятие всех необходимых мер для инициирования судебного рассмотрения дела, во-вторых, благодаря взаимодействию Централных органов государств-участников Конвенции 1980 г. друг с другом, у них есть возможность полноценного участия в рассмотрении дела и предоставления необходимых доказательств в кратчайшие сроки.

4. Участие органов опеки и попечительства в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа следует ограничить консультативной помощью, проведением бесед с ребенком с целью выяснения его мнения относительно целесообразности возвращения в страну постоянного проживания или оставления в стране перемещения, а также оказанием помощи ребенку в его общении с судом в случае вызова несовершеннолетнего в суд с целью заслушивания его мнения. Специалисты органов опеки и попечительства в своих заключениях не должны затрагивать вопросы воспитания ребенка, его адаптации и жилищно-

бытовых условий проживания, так как это не отвечает предмету спора и цели судебной защиты по делам данной категории.

5. Пределами, при которых допустимы возможность отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа необходимо считать ограниченный круг обстоятельств: болезнь ребенка, а также чрезвычайные происшествия, которые могут затруднить перемещение ребенка в государство его обычного проживания (военные действия, природные катаклизмы, техногенные катастрофы и т.п.).

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в анализе особенностей рассмотрения судом заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, выявлении теоретических и правоприменительных проблем при защите нарушенных прав ребенка, связанных с незаконным перемещением и удержанием, а также обеспечением прав доступа.

Автором рассмотрены изменения российского законодательства, обусловленные присоединением Российской Федерации к Конвенции 1980 г., что способствовало расширению научных представлений о действии гражданских процессуальных норм, об объеме диспозитивных полномочий сторон, о специфике судебного доказывания, об особенностях исполнения судебных решений по исследуемой категории дел.

Научный аппарат дополнен дефинициями новых категорий, обогативших доктрину гражданского процесса в результате присоединения нашей страны к Конвенции 1980 г., которые критически проанализированы и интерпретированы автором.

Сформулированные в диссертации идеи и выводы способствуют углубленному научному изучению процессуальных особенностей рассмотрения не только дел исследуемой категории, но и других гражданских дел, связанных с защитой прав ребенка.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в законотворческой, а также правоприменительной деятельности в качестве доктринальной основы для дальнейшего совершенствования гражданского процессуального законодательства и судебной практики его применения.

Материалы диссертации также могут быть использованы в процессе преподавания дисциплины «Гражданский процесс», спецкурса «Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел», при проведении занятий на факультете повышения квалификации судей судов общей юрисдикции.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование выполнено и обсуждено на кафедре гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия при Верховном Суде Российской Федерации. Документы и материалы, выступившие в качестве его основы, были собраны автором в российских и зарубежных библиотеках.

Основные положения диссертации, содержащиеся в ней предложения и выводы нашли отражение в 6 научных статьях, 3 из которых опубликованы в отечественных рецензируемых изданиях – в журналах, включенных в Перечень ВАК.

Кроме того, результаты исследования апробированы посредством очного участия автора диссертации в научных конференциях, проходивших: в *Российском государственном университете правосудия (г. Москва)* – VII Всероссийская научно-практическая конференция аспирантов, соискателей и молодых ученых «Принципы права: проблемы теории и практики» (26 апреля 2016 г.); в *Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)* – Международная научно-практическая конференция «Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений» (28 октября 2016 г.); в *Российском государственном университете правосудия*

(г. Москва) – VIII Всероссийская научно-практическая конференция аспирантов, соискателей и молодых ученых «Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики» (25 апреля 2017 г.); в *Российском государственном университете правосудия* (г. Москва) – IX Всероссийская научно-практическая конференция аспирантов, соискателей и молодых ученых «Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики» (25 апреля 2018 г.).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА

§ 1.1 Международно-правовые стандарты рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа

Права, свободы и законные интересы ребенка давно и последовательно являются объектом защиты со стороны международного права и международных организаций.

Уже в Женевской декларации прав ребенка 1924 года особо подчеркнуто, что человечество обязано отдавать детям все лучшее, что имеет, и обеспечивать им специальную охрану и заботу, включая надлежащую правовую защиту до и после рождения¹. Всеобщая декларация прав человека 1948 года², принятая Генеральной Ассамблеей ООН, обусловила разработку и реализацию Декларации ООН о правах ребенка 1959 года³, которая, в свою очередь, впервые провозгласила, что законом и другими средствами ребенку должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, что позволило бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно, в условиях свободы и достоинства.

Самостоятельным объектом международно-правового регулирования права, свободы и законные интересы ребенка стали в 1989 году, когда

---

¹ См.: Женевская декларация прав ребенка 1924 // Международные акты о правах человека: Сб. документов. - М., 2002. С. 30-32.

² См.: «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. № 67.

³ См.: «Декларация прав ребенка» (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 385-388.

Генеральной Ассамблеей ООН была одобрена Конвенция о правах ребенка¹ (ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г.), которая оказала заметное влияние на отечественное семейное законодательство². Как отмечает О.Ю. Ильина, государства, «присоединившиеся к Конвенции, несут юридическую ответственность за свои действия в отношении детей. При этом национальное законодательство, определяющее правовой статус детей, должно быть приведено в соответствие положениями Конвенции»³.

В качестве целей Конвенции 1980 г. провозглашены: обеспечение международно-правовой защиты детей от вредоносных последствий их незаконного перемещения или удержания; установление процедур, обеспечивающих их незамедлительное возвращение в государство их постоянного проживания, а также обеспечить защиту прав доступа. По мнению специалистов, данная Конвенция считается одним из наиболее удачных международных документов, выработанных под эгидой Гаагской конференции по международному частному праву. Она уже позволила оперативно разрешить тысячи дел о похищении детей⁴.

Конвенция 1980 г. была принята на Четырнадцатой сессии Гаагской конференции по международному частному праву. Согласно ст. 38 этого документа, государствам, не являющимся членами Четырнадцатой сессии Конференции, предоставлено право присоединиться к Конвенции. В

---

¹ См.: «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.

² См.: Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Норма-Инфра-М, 2013. С. 210-211; Титова Т.А. Конвенция о правах ребенка в системе общей регламентации прав человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2000. С. 8; Кулапов В.В. Защита субъективных прав и законных интересов детей в Российской Федерации (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2004. С. 27; Бахарева О.А., Цепкова Т.М. Лишение родительских прав. - Саратов, 2010. С. 11-12, 40.

³ Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. - М., 2006. С. 16.

⁴ Хазова О.А. Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года и Гаагская конвенция о защите детей 1996 года: сопоставительный анализ основных положений // Гаагские конвенции о защите детей в Российской Федерации. Применение, исполнение и возможное присоединение. М., 2013. С. 136.

частности, Российская Федерация присоединилась к ней в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей». Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 1 октября 2011 г., т.е. в первый день третьего календарного месяца после депонирования документа о присоединении (ст. 38 Конвенции 1980 г.).

Для России присоединение к Конвенции имеет особое значение, так как она позволяет разрешать многие конфликтные ситуации, которые раньше оказывались тупиковыми. По образному сравнению Н.В. Ростовцевой, «международное похищение детей одним из родителей приобретает уровень эпидемии мирового масштаба, ежегодно охватывающей несколько тысяч детей. Однако против нее создана «вакцина»: 25 октября 1980 г. в Гааге была принята Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей»¹.

Как было отмечено во введении к диссертации, вплоть до присоединения нашей страны к Конвенции 1980 г., при рассмотрении дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа была широко распространена практика принятия российскими судами и судами зарубежных стран взаимоисключающих решений. Ситуация осложнялась отсутствием системы взаимного признания и исполнения решений иностранных судов на территории Российской Федерации и решений российских судов на территориях других государств. До 1980 г. с целым рядом стран были заключены международные договоры, предусматривающие возможность признания и исполнения судебных актов. В числе этих стран, в частности, Австрия, Албания, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Ирландия, Испания, Италия, Новая Зеландия, Румыния, Финляндия, Франция и др. Тем не менее, говорить о наличии

---

¹ *Ростовцева Н.В.* О применении в России Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Судья. 2014. № 8. С. 45.

системы взаимного признания и исполнения решений иностранных судов на территории Российской Федерации и решений российских судов на территориях других государств применительно к рассматриваемым правоотношениям было вряд ли возможно.

В качестве примера можно привести конфликт между родителями Элизы Андре – Ириной Беленькой (гражданкой России) и Жаном-Мишелем Андре (гражданином Франции), которые не смогли договориться об определении места жительства дочери. В 2007 году Ирина Беленькая тайно, без разрешения Жана-Мишеля вывезла двухлетнюю дочку в Россию. Жан-Мишель приехал в Россию и попытался вернуть дочку на основании постановления французского суда, в соответствии с которым решение вопросов воспитания дочери было предоставлено отцу. Однако в отсутствие международного договора между Россией и Францией решение иностранного суда не подлежало обязательному исполнению в Российской Федерации. В 2008 году во время прогулки девочки с няней Жан-Мишель похитил ребенка и увез во Францию. А в 2009 году Ирина во второй раз организовала похищение ребенка, однако была арестована на венгерской границе. Элизу Андре передали на воспитание отцу¹.

Следует согласиться с оценкой В.Л. Кабанова, по которой «присоединение Российской Федерации к настоящей Конвенции не только отвечает современным объективным тенденциям демократизации, гуманизации права, его интернационализации, но и создает цивилизационные юридические механизмы использования конкретных норм Конвенции для более эффективной защиты прав, интересов российских несовершеннолетних детей, их родителей, других заинтересованных лиц»².

---

¹ См.: Дело Ирины Беленькой, обвиняемой в похищении дочери URL: http://ria.ru/trend/kidnapping_Belenkaya_17042009 (дата обращения: 10.02.2020).

² Кабанов В.Л. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей как компонент российского права // Семейное и жилищное право. 2014. № 1. С. 29.

Как следует из «Обзора практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года», утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г.¹, наиболее часто разногласия по рассматриваемым вопросам у граждан нашей страны возникают с жителями Германии, Израиля, Испании, Украины и Франции.

Закрепляя материальные и процессуальные механизмы сотрудничества между странами, Конвенция 1980 г. способствует решению в сжатые сроки проблем, возникающих при незаконном перемещении или удержании ребенка, позволяет осуществлять эффективную коммуникацию между Центральными органами и судами, рассматривающими дела о возвращении детей, что способствует своевременной защите нарушенных прав ребенка.

Отдельного внимания среди международно-правовых актов в области защиты прав и законных интересов ребенка заслуживает также Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г. (далее – Конвенция 1996 г.), в связи с чем представляется целесообразным проследить взаимосвязь Конвенций 1980 г. и 1996 г.

Ст. 50 Конвенции 1996 г. оговаривает возможность применения положений данного документа в том числе в случаях, когда применима Конвенция 1980 г. Предусмотрено, что в отношении вопросов, связанных с незаконным перемещением и/или удержанием ребенка, правами доступа к нему, устанавливается главенство Конвенции 1980 г. Несмотря на это, нет ограничений в возможности использования положений Конвенции 1996 г. в целях возвращения ребенка или осуществления прав доступа в отношении него.

---

¹ См.: «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Конвенция 1996 г. в немалой степени усиливает действие Конвенции 1980 г. В соответствии с Конвенцией 1996 г., с изменением места обычного проживания ребенка происходит и изменение юрисдикции, а именно – компетентными органами, рассматривающими вопросы о мерах защиты ребенка, становятся органы государства-места его фактического проживания. Важно понимать, что это правило действует с учетом ограничений, касающихся незаконного перемещения и удержания ребенка. Как пишет Н.В. Тригубович, «незаконное перемещение часто направлено на изменение юрисдикции и связано с попыткой получения благоприятного для родителя-похитителя решения в принимающем государстве (как правило, «у себя дома») без учета всех обстоятельств дела и подлинных интересов ребенка»¹.

При рассмотрении судами дел исследуемой категории первоочередное внимание следует уделять претворению в жизнь требования учета наилучших интересов ребенка. Необходимость обеспечения наилучших интересов ребенка следует из Декларации прав ребенка 1959 г.: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства. При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка»².

«Преимущества определения наилучших интересов ребенка, как пишет М.Н. Маркелова, заключаются в особой защите и уходе за ребенком, лишенным защиты своей семьи, в возможности узнать его мнение и в возможности оценки зрелости ребенка, если его возраст неизвестен. Перечисленные достоинства способны минимизировать возможные

---

¹ Тригубович Н.В. Определение юрисдикции по спорам, связанным с воспитанием детей, с участием иностранных граждан // Семейное и жилищное право. 2017. № 6. С. 25.

² См.: Декларация прав ребенка, принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 г. Док. ООН A/RES/1386(XIV).

нарушения прав ребенка в ситуации вынужденной миграции, а также сократить случаи дискриминации детей по признаку возраста, социального положения и др.»¹

В п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка 1989 г. сказано, что «наилучшее обеспечение интересов должно быть первоочередным соображением при любых других действиях, затрагивающих детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами». Названное требование дополнено такими принципами, как принцип недискриминации (ст. 2 Конвенции), принцип обеспечения права на жизнь, выживание и здоровое развитие ребенка (ст. 6 Конвенции), принцип обеспечения права ребенка быть заслушанным (ст. 12 Конвенции). Указанные принципы имеют равное значение и применяются во взаимосвязи друг с другом.

Следует согласиться с В.Л. Кабановым в том, что «реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка и конкретное его применение соответствующими органами и сотрудниками государства возможна исключительно только посредством толкования и применения п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка в сочетании с другими положениями Конвенции»².

Требование наилучшего обеспечения интересов ребенка прописано и во многих иных международно-правовых документах, в частности, в таких, как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.³ (ст. 5, ч. 1 ст. 16), Конвенция о защите детей и

---

¹ Маркелова М.Н. Международно-правовая защита прав детей в условиях вынужденной миграции: Дис. ... к.ю.н. - М., 2019. С. 205.

² Кабанов В.Л. К вопросу о концептуальном содержании принципа наилучших интересов ребенка в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10. С. 65-68.

³ См.: «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (Заключена 18.12.1979) // Ведомости ВС СССР. 23.06.1982. № 25. Ст. 464.

сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г.¹ (ст. 4 (b)), Конвенция о правах инвалидов 2006 г.² (ст. 23 (2)), Африканская хартия прав и основ благосостояния ребенка 1990 г.³, Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, 2011 г.⁴ (преамбула, ст. 2, ч. 2 ст. 3) и Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г.⁵ (ч. 3 ст. 8).

Важно подчеркнуть, что приоритетность тех или иных интересов ребёнка должна устанавливаться с учётом мнения самого ребёнка. Так, согласно ст. 12 Конвенции о правах ребенка 1989 г.: «1) Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка; 2) С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган, в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства».

---

¹ См.: «Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления» (Заклучена в г. Гааге 29.05.1993) // Международное частное право. Сборник документов. - М.: БЕК, 1997. С. 712-720.

² См.: «Конвенция о правах инвалидов» (Заклучена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.02.2013 № 6. Ст. 468.

³ См.: Африканская хартия прав и основ благосостояния ребенка // OAU doc. CAB/LEG/24.9/49 (1990).

⁴ См.: Факультативный протокол 2011 г. к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 66/138 от 19 декабря 2011 г. Док. ООН A/RES/66/138.

⁵ См.: Факультативный протокол 2000 г. к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 54/263 от 25 мая 2000 г. Док. ООН A/RES/54/263.

На необходимость учёта мнения ребёнка прямо указывает и Комитет ООН по правам ребенка¹. Это, безусловно, не исключает того, что мнение несовершеннолетних, в том числе и малолетних, должно оцениваться с учётом их возраста и психофизиологической зрелости.

Термин «наилучшие интересы ребёнка» встречается и в иных международно-правовых документах. Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев разработаны специальные Рекомендации по определению наилучших интересов ребенка². Так, в частности, рекомендуется: производить сбор всей доступной информации о ребёнке; опрашивать как самого ребёнка, так и членов его семьи и близких ему лиц; производить сбор информации, касающейся безопасности в местности предполагаемого проживания ребёнка, доступности и качества медицинских и образовательных услуг; выяснять мнения экспертов, имеющих соответствующий опыт (§2 части 3).

Как сказано в п. 87 Замечаний общего порядка № 14 о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3), «государства должны разработать подкрепленные строгими процессуальными гарантиями формализованные процедуры, призванные обеспечить оценку и определение наилучших интересов ребенка в связи с принятием решений, затрагивающих ребенка, включая механизмы оценки достигнутых результатов. Государства должны разработать транспарентные объективные процедуры, регулирующие принятие законодателями, судьями или административными органами любых решений, особенно по вопросам, непосредственно затрагивающим ребенка или детей».

---

¹ См.: Замечание общего порядка № 14 о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3). Комитет ООН по правам ребенка (КПР). 29 мая 2013 г. Док. ООН CRC /C/GC/14.

² См.: Рекомендации УВКБ ООН по определению наилучших интересов ребенка. УВКБ ООН. 1 мая 2008 г. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4b697d1e2.html>

Ребёнок обладает неотъемлемым правом на то, чтобы его интересы были наилучшим образом учтены и поставлены во главу угла при разрешении затрагивающих его судьбу споров. Этому праву корреспондирует соответствующая обязанность государства, для исполнения которой оно должно прописать детальную процедуру, соблюдение которой позволит должным образом выявить и оценить наилучшие интересы ребёнка в каждом конкретном случае.

В п. 6 Замечаний общего порядка № 14 о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3) Комитет, наряду с прочим, подчеркивает, что концепция наилучших интересов ребенка предполагает правило процедуры.

Требование приоритетного учета наилучших интересов ребенка напрямую не прописано в российских федеральных законах, что в определенной степени можно считать пробелом.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, касающиеся значимости учета наилучших интересов ребенка для рассмотрения дел анализируемой категории, представляется необходимым прямо закрепить данное требование в гражданском процессуальном законодательстве. Статью 244.12 ГПК РФ, регламентирующую порядок рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении прав в отношении ребенка доступа, целесообразно изложить в следующей редакции:

«Дела по заявлениям о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа на основании международного договора Российской Федерации (далее – дело о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа) рассматриваются и разрешаются по общим правилам искового производства *на основе учета наилучших интересов ребенка и с особенностями, установленными международным договором Российской Федерации и настоящей главой*».

Реализация данного законодательного решения позволит повысить гарантии защиты прав детей, разлученных с кем-либо из своих родителей

или законных представителей, и закрепить не только обязательность учета наилучших интересов ребенка, но и обеспечить реализацию права на судебную защиту ребенка с обязательным приоритетным учетом его прав и законных интересов.

Необходимо помнить о том, что, во-первых, наилучшие интересы ребенка *не обязательно совпадают* с интересами отца или матери, во-вторых, в исследуемой категории дел концепция наилучших интересов ребенка должна оцениваться в свете обстоятельств-исключений, предусмотренных Конвенцией 1980 г., так как данные дела отличаются от дел об опеке над ребенком.

Гармоничное толкование Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конвенции 1980 г. может быть достигнуто при соблюдении следующих условий: «факторы, представляющие собой исключения для немедленного возвращения ребенка при применении Конвенции 1980 г. должны учитываться судом, выносящим решение; наличие данных факторов должно быть обосновано в полной мере; названные факторы должны оцениваться в свете статьи 8 Европейской Конвенции, а именно при рассмотрении исследуемой категории дел суды должны принимать во внимание не только спорные утверждения о серьезном риске, который может быть причинен ребенку в случае возвращения; они должны вынести решение с указанием конкретных причин, дать объективную оценку всем обстоятельствам дела»¹.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка – это направленный на защиту прав ребенка принцип, устанавливающий приоритет интересов ребенка над другими обстоятельствами вследствие особого его положения и незащищенности. В делах анализируемой категории названный принцип проявляется в защите ребенка от вредоносных

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 18.06.2019 «Дело «Владимир Ушаков (Vladimir Ushakov) против Российской Федерации»» (жалоба № 15122/17) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 6.

последствий и предполагает, что при рассмотрении дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа суды должны в полной мере изучить все обстоятельства дела, проанализировать риски, которые могут быть причинены ребенку, решить в каком случае будут наилучшим образом учтены интересы ребенка и обосновать свое решение.

Исходя из того, что в решениях Европейского суда по правам человека можно проследить уже сложившийся опыт отправления правосудия по исследуемой категории дел, который заслуживает несомненного внимания, представляется необходимым проанализировать правоприменительную практику данного суда, представив результаты проведенного анализа в трех группах:

- решения, касающиеся обстоятельств-исключений;
- решения, затрагивающие сроки рассмотрения;
- решения, связанные с исполнением судебных актов.

Думается, что именно в этих решениях наиболее полным образом освещены затруднения, возникающие при осуществлении правосудия по исследуемой категории дел.

Разрешая дела анализируемой категории, юрисдикционный орган, с одной стороны, должен соблюдать право на уважение частной и семейной жизни, воздерживаться от вмешательства в частную и семейную жизнь и, с другой стороны, принимать все необходимые меры для всестороннего изучения обстоятельств дела. Ситуации, при которых государством не обеспечено выполнение требования о возврате незаконного перемещенного ребенка в соответствии с положениями Конвенции 1980 г., следует рассматривать как нарушение ст. 8 Европейской конвенции по правам человека.

На необходимость воздерживаться от вмешательства в частную и семейную жизнь, как правило, указывают заявители, обосновывающие наличие оговоренных ст.ст. 12, 13 и 20 Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. оснований для отказа в

незамедлительном возвращении ребенка. Заявители исходят из того, что решение о возврате ребёнка нарушает запрет на вмешательство в частную и семейную жизнь.

Европейский суд по правам человека оценивает действия национальных властей по реализации требования обеспечения наилучших интересов ребенка на предмет соответствия требованиям Европейской конвенции о защите прав человека и Гаагской конвенции 1980 г. При конкуренции интересов ребенка с интересами кого-либо из родителей или же публичными интересами, предпочтение должно быть отдано интересам ребёнка.

Как верно подчёркивает В.П. Кабанов, необходимость достижения цели Конвенции 1980 г. «допускает исключение из обязательства вернуть незаконно перемещенного ребенка в место его постоянного проживания по причине того, что не всегда такие возвращения будут соответствовать интересам ребенка. Несовершеннолетнего необходимо оставить в той юрисдикции, которая наилучшим образом обеспечит защиту его интересов и благополучие. Таким образом, в обязанности национальных властей входит проведение тщательного и всестороннего изучения той или иной ситуации и определение в каждом индивидуальном случае, какое решение будет соответствовать интересам конкретного ребенка»¹.

Конвенция 1980 г. предусматривает следующие основания отказа в возвращении ребенка в государство его постоянного проживания:

- государство, на территорию которого истец требует вернуть ребенка, не является местом его постоянного проживания;
- не установлены оговорённые в ст. 3 Конвенции 1980 г. условия незаконности перемещения или удержания ребенка;

---

¹ Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве. Дисс. ... докт.ю.н. - Москва, 2019. С. 156.

– процедуры начались по истечении срока в один год со дня незаконного перемещения или удержания ребенка и доказано, что он адаптировался в новой среде (ст. 12);

– выступающие против возвращения ребенка лица, учреждения или иные организации предоставили доказательства того, что лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания ребенка или дали согласие на его перемещение или удержание и впоследствии не выразили возражений против таковых; или имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия (п. п. «а», «b» ст. 13 Конвенции 1980 г.);

– несовершеннолетний, достигший возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение, высказывает возражения против своего возвращения в государство постоянного проживания (ст. 13 Конвенции 1980 г.);

– возвращение ребенка находится в противоречии с основополагающими принципами запрашиваемого государства, касающимися защиты прав человека и основных свобод (ст. 20 Конвенции 1980 г.).

В качестве проблемы необходимо расценить то, что Конвенция 1980 г. не даёт развёрнутого представления о сущности и содержании обстоятельств-исключений, которые позволяют суду не возвращать ребенка в страну постоянного проживания. На практике это может иметь своим следствием ограниченное или же, напротив, расширительное толкование национальными судами соответствующих обстоятельств-исключений. А решения о судьбе ребёнка будут выноситься с нарушением требования наилучшего обеспечения его прав, без детального изучения всех оговорённых Конвенцией 1980 г. обстоятельств дела. На дальнейшее совершенствование российского законодательства, регламентирующего вопросы рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в

отношении ребенка прав доступа, а также гармонизацию гражданско-процессуальных отношений и правоприменительной практики в анализируемой сфере позитивное влияние должны оказать разработка и принятие Протокола к Конвенции 1980 г., а также присоединении России к Конвенции о контактах, связанных с детьми, заключенную в городе Страсбурге 15 мая 2003 г.

Сложность применения обстоятельств-исключений, заключается в том, что нет определенных критериев их определения, так как они не конкретизированы ни в тексте Конвенции 1980 г., ни где-либо еще и оставлены на усмотрение суда, что вызывает достаточно много споров и вопросов при установлении данных обстоятельств. Так, например, неясно, с какого момента следует считать ребенка адаптировавшимся в новой среде, как эффективно оценить степень адаптации, с помощью каких критериев? Некоторые дети могут адаптироваться в течение года, а некоторым необходимо больше времени. Следовательно, получается, что ограничиться временным фактором при оценке степени адаптации ребенка к стране пребывания нельзя.

Неясности возникают и при определении психологического или физического вреда, который может быть причинен ребенку в случае его возвращения в государство обычного проживания. Что именно в подобных случаях можно расценить как психологический вред? Психологическое давление и негативное воспитание со стороны оставленного родителя или более серьезные обстоятельства, к примеру, такие как невменяемость родителя, факты избиения ребенка и т.п. Можно с уверенностью сказать, что обстоятельства-исключения, заложенные в Конвенции 1980 г., предлагают правоприменителю широкий выбор возможного поведения, в связи с чем, понимая это, Европейский суд по правам человека в своих решениях призывает национальные суды к полному и тщательному изучению всех обстоятельств дела, которые могут «пролить свет» на понимание отмеченных фактов. Ключевым является учет наилучших интересов ребенка, анализ того,

в каком случае права ребенка будут наиболее защищены – в случае его возвращения в страну постоянного проживания или же в случае оставления на новом месте.

Хорошим примером подобного подхода служит дело «Neulinger and Shuruk v. Switzerland»¹. Как следует из материалов дела, заявительница-гражданка Швейцарии вышла замуж в Израиле и родила там сына. После развода она тайно вывезла ребенка в Швейцарию. Её бывший супруг обратился в швейцарские суды с исковым заявлением о возвращении ребенка. Первоначально в удовлетворении исковых требований было отказано, но в итоге Федеральный суд Швейцарии встал на его сторону.

В свою очередь в Постановлении Большой Палаты ЕСПЧ пришел к выводу о нецелесообразности возвращения ребенка в связи с тем, что он приехал в Швейцарию в июне 2000 года, в 2006 году начал посещать детский сад, а на момент рассмотрения дела Европейским судом по правам человека уже ходил в школу. Несмотря на потенциальную возможность адаптации ребенка после его возвращения Израиль, вынужденное возвращение в Израиль без матери, в сочетании с повторным изъятием из места, к которому он привык, способно оказать на него пагубное психологическое воздействие. Исходя из этого, Большая Палата ЕСПЧ решила, что возвращение ребенка в Израиль не отвечает принципу его наилучших интересов.

Европейский суд сравнил стресс, который причинит повторный переезд ребенка, с теми плюсами, которые могут от этого переезда произойти. Суд учел обстоятельства, касающиеся того, что отец ребенка был ограничен в родительских правах израильскими судами. Кроме этого, он женился два раза и развелся, и не выплачивал алименты дочери, оставшейся от второго брака. Данные обстоятельства вызывали у суда сомнения в том, что отец ребенка способен полноценно заниматься его воспитанием. Исходя из этого, ЕСПЧ пришел к выводу, что в случае возвращения ребенка в

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 6 июля 2010 г. по делу «Neulinger and Shuruk v. Switzerland» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1001> (дата обращения: 10.02.2020)

Израиль будет нарушена ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При анализе данного дела видно, что Европейский суд по правам человека, при установлении факта адаптации ребенка в новой стране, основывался на анализе всех обстоятельства дела, в том числе поведения и жизни оставленного родителя (таких фактов, как два развода, неуплата алиментов и т.п.), жизнь ребенка в новых условиях (посещение школы, владение языком, наличие друзей), временной фактор (с момента незаконного перемещения прошло более шести лет), и пришел к выводу, согласно которому ребенок не только адаптировался в новой стране, но и что дальнейшее перемещение может на нем негативно сказаться.

Европейский суд по правам человека не только изучает все обстоятельства дела, но анализирует, сравнивает то, в каком случае интересы ребенка будут наиболее полным образом учтены. При этом он обосновывает свое решение. Действительно, при установлении всех обстоятельств дела можно прийти к выводу, что ребенок достаточно комфортно чувствует себя в Швейцарии.

Показательным примером служит и дело «G.S. v. Georgia»¹, в котором Европейский суд проанализировал заложенное в Конвенции 1980 г. в качестве обстоятельства-исключения понятие психологического и физического вреда, который может быть причинен ребенку в случае его возвращения в страну постоянного проживания. Фабула дела состояла в том, что у супругов, проживающих в Украине, было двое детей, младший из которых в 2010 г. погиб в результате несчастного случая. Спустя некоторое время муж заявительницы, гражданин Грузии, увез старшего ребенка к себе на Родину на летние каникулы и не привез обратно. Мать добивалась его возвращения во всех судебных инстанциях Грузии, но получала отказ со ссылкой на п. «b» ст. 13 Конвенции 1980 г., а именно на возможность

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 21 октября 2015 г. по делу «G.S. v. Georgia»
// URL: <https://www.incadat.com/en/case/1349> (дата обращения: 10.02.2020)

причинения ребенку психологического вреда в случае его возвращения. По мнению национальных судов, у мальчика была серьезная психологическая травма, он испытывал стресс после произошедшего с сестрой, и только в Грузии он чувствует себя спокойно, приходил в себя и посещал психолога. Смена обстановки, повторный переезд на территорию Украины могли бы повлечь за собой причинение мальчику большого психологического вреда.

Основная линия рассуждений судов первой и кассационной инстанций была сосредоточена на смерти сестры и психологической травме, которую в результате этого события получил мальчик. Суд первой инстанции пришел к выводу, что ввиду психологической травмы существует высокая вероятность того, что его возвращение в Украину нанесет угрозу привлечения физического или психологического вреда, или же повлечет за собой невыносимую для ребенка ситуацию. В соответствии с тем же рассуждением, Верховный суд Грузии пришел к выводу о том, что отец ребенка, путем представления соответствующих доказательств, обосновал риски, с которыми столкнулся бы мальчик, в случае его возвращения в Украину, в то время как мать ребенка не доказала суду ту пользу, которую получит мальчик в случае его возвращения. Европейский суд по правам человека согласился с национальными судами, что психологическая травма мальчика, перенесенная в результате гибели его сестры, является важным фактором, который следует учитывать при возвращении ребенка. Действительно, трагический инцидент был той самой причиной, по которой мальчик, с согласия своей матери, первоначально отправился в Грузию.

Однако, Европейский суд по правам человека не был убежден в правоте последующих рассуждений национальных судов Грузии, исходя из которых был сделан вывод о существовании «серьезного риска» для ребенка в случае его возвращения в Украину. По мнению Европейского суда по правам человека, отец недостаточно обосновал те риски, с которыми мальчик столкнулся бы при возвращении в Украину. Ответчик использовал общие фразы, такие как «физический или психологический вред» или «в противном

случае невыносимая ситуация», но не смог объяснить, что именно эти риски подразумевают. Примечательно, что отец в национальных судах не утверждал, что сама заявительница представляла угрозу для мальчика, хотя его брат, дядя перемещенного ребенка, выразил свою обеспокоенность социальным работникам в отношении невнимательности матери.

Соответствующие внутренние структуры в Украине пришли к выводу, что смерть ребенка произошла в результате трагической аварии. Кроме того, в материалах дела не было доказательств, подтверждающих, что возвращение в Украину усугубит психологическую травму мальчика. Ни одно из судебных решений не содержало подробный анализ последствий возможного возвращения ребенка в Украину, и не было никакого исследования возможных рисков в этом отношении. В заключении психолога было лишь констатировано, что мальчик испытал психологическую травму и нуждался в помощи. Мать ребенка не оспаривала данный вывод. Напротив, как человек с медицинским образованием, она постоянно подтверждала перед национальными судами свою готовность предоставить сыну необходимую психологическую помощь в Украине.

Описанное дело служит показателем недостаточной обоснованности судебного решения и неправильного применения обстоятельств-исключений национальными судами, на что и указал Европейский суд по правам человека.

Действительно, национальный суд не учел мнение социальных работников и психологов, которые пришли к выводу, что ребенок страдает от отсутствия контакта с обоими родителями, находится в подвешенном состоянии, поскольку не понимает, что происходит вокруг него. Трактовка «психологического вреда ребенку» в данном деле представляется весьма необоснованной, поскольку судом не были учтены все обстоятельства дела. Суд не принял во внимание медицинское образование матери ребенка, которая была готова заниматься его психологическим здоровьем, и, в

принципе, им занималась до похищения ребенка. Оставленный родитель водил ребенка к психологу, на дельфинотерапию и т.д.

Более того, грузинский суд не учел, что отец ребенка проживает в третьей стране, и редко видится с ребенком, который находится с его родственниками, не обладающими правами опеки. Представляется сомнительным вывод национального суда, согласно которому наилучшие интересы ребенка будут максимально обеспечены в Грузии при проживании с не обладающими правами опеки людьми, при том, что до этого он шесть лет своей жизни проживал в Украине.

На этом примере наглядно видна необходимость полного анализа всех обстоятельств дела и сравнения последствий, которые могут наступить в случае возвращения или оставления ребенка в чужой стране. Нетрудно заметить, что в деле «G.S. v. Georgia» в случае возвращения ребенка его наилучшие интересы будут учтены в большей мере, чем в случае, если бы он остался в Грузии. В Украине он будет находиться с родителем, обладающим правами опеки, и занимающимся коррекцией его психологического состояния.

Ярким примером позиции Европейского суда по правам человека служит также довольно известное дело «X v. Latvia»¹, в решении по которому ЕСПЧ отметил, что национальные суды должны обязательно учитывать вероятность причинения вреда ребенку. Заявительница, гражданка Латвии, проживала некоторое время в Австралии вместе со своим гражданским мужем, гражданином Австралии, от которого родила дочь. Спустя некоторое время, заявительница забрала ребенка и улетела обратно на свою Родину. Бывший сожитель инициировал в национальном суде Латвии дело о возвращении ребенка, которое впоследствии выиграл. Заявительница обращалась в апелляционную и кассационную инстанции, обосновывая свое требование тем, что бывший муж проявлял агрессию к ней и к ее ребенку,

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 26 ноября 2013 г. по делу «X v. Latvia» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1146> (дата обращения: 10.02.2020)

когда они находились в Австралии. Более того, в отношении него расследуется уголовное дело. В связи с этим она просила суды Латвии оставить ребенка вместе с собой, так как его возвращение в Австралию может причинить ребенку психологический и физический вред из-за неадекватного и агрессивного поведения отца.

Рижский окружной суд отказал заявительнице, мотивировав это тем, что утверждение о жестком обращении сожителя с ней и с ребенком не доказано, а также не доказаны факты привлечения его к уголовной ответственности. В свою очередь, Европейский суд по правам человека сделал вывод, согласно которому суды Латвии не выполнили процессуальные требования статьи 8 Конвенции 1980 г., поскольку отказались принимать во внимание подлежащее доказыванию утверждение о наличии «серьезного риска причинения вреда» ребенку в случае его возвращения. Исходя из того, что наилучшие интересы ребенка должны учитываться в первую очередь и, что цели предотвращения и незамедлительного возвращения согласуются с особой концепцией «наилучших интересов ребенка», Европейский суд по правам человека указал на широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, их наилучшие интересы должны быть поставлены превыше всех остальных факторов.

На примере данного судебного решения можно также проиллюстрировать особенности учета национальными судами интересов ребенка при установлении наличия предусмотренных Конвенцией 1980 г. обстоятельств-исключений. Целью Конвенции 1980 г. является восстановление прав ребенка посредством принятия судебного решения, которое предписывает незамедлительно вернуть его в государство обычного проживания. Однако, невозвращение ребенка может быть оправдано лишь причинами, которые учитывают интересы ребенка. В деле «X v. Latvia» – это серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения

ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия (ст. 13 Конвенции 1980 г.). На национальные суды наложены процессуальные обязательства, которые требуют не просто формального рассмотрения утверждения о возможном серьезном риске, но и выяснения существа самой причины подобного риска, обоснования ее наличия, либо отсутствия.

В описанном деле латвийские суды фактически отказались учитывать возражения ответчика против возвращения ребенка в страну его обычного проживания и, при отклонении этих возражений, недостаточно аргументировали свою позицию. Национальные суды должны всесторонне рассматривать все обстоятельства дела и предпринимать все возможное, чтобы установить, действительно ли возвращение в государство обычного проживания может повлечь за собой причинение психологического и физического вреда ребенку. Как отмечает Европейский суд по правам человека, при подобных обстоятельствах суд должен предпринимать все возможные меры для того, чтобы убедиться в правильности и законности своего решения. В данном деле латвийским судам следовало запросить австралийские власти относительно судимостей истца, установить, действительно ли против него выдвинуты обвинения и, действительно ли он применял насилие по отношению к своему ребенку.

Таким образом, при рассмотрении дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа национальные суды должны опираться на концепцию наилучших интересов ребенка, заключающуюся в защите прав ребенка посредством многоступенчатой процессуальной процедуры.

Представляется возможным предложить следующий алгоритм действий, которого должен придерживаться суд при рассмотрении исследуемой категории дел, особенно, если в данном деле возник вопрос о применении обстоятельств-исключений.

Во-первых, суд должен рассмотреть утверждения о наличии препятствий для возвращения ребёнка в государство обычного проживания.

Во-вторых, суд должен проанализировать существо риска возвращения ребёнка в государство обычного проживания, понять действительно ли утверждение о реальности и весомости его угрозы верно или нет. Подобный анализ возможен только при подробном, тщательном изучении всех обстоятельств конкретного дела. Суд должен оценить все факторы, влияющие на принятие решения, взвесить все доказательства, которые могут подтвердить наличие или отсутствие риска.

В-третьих, на суд возложена обязанность как можно более полно и детально обосновать свое решение, указать причины, по которым он счел необходимым оставить или вернуть ребенка. Обоснованность судебного решения является главным условием защиты наилучших интересов ребенка. Суд должен установить причинно-следственную связь между утверждением об очень серьёзном риске причинения вреда ребенку и своим решением.

В этой связи суду целесообразно привлекать специалистов, обладающих познаниями в области возрастной психологии. Лишь подобные специалисты, как поясняет Л.А. Скабелина, способны дать объективную оценку уровня адаптации ребёнка. При этом, следует дифференцированно подходить к физической, психологической и социальной адаптации несовершеннолетнего. Физическая адаптация, то есть, в частности, соответствие климатических условий нового места проживания ребёнка его здоровью, влияние, которое оказал переезд на соматическое состояние несовершеннолетнего предметом оценки со стороны специалиста-психолога быть не могут. Он оценивает лишь то, насколько полноценно и гармонично ребёнок встроился в новый социум, какие социальные связи у него возникли, насколько удовлетворены его потребности и какое влияние это оказывает на

его психологическое состояние. Тем самым, диагностируется лишь социальная и психологическая адаптация несовершеннолетнего¹.

Неправильным будет ссылаться только на временной фактор, так как на адаптацию ребенка влияют как внешние, так и внутренние факторы, которые будут проанализированы в третьем параграфе второй главы данной работы. При определении психологического вреда, который может быть причинен ребенку в случае возвращения, суд не может ограничиться общими фразами, не исследовав при этом *все* доказательства по делу. В таких случаях его задача – сделать все возможное, чтобы определить, действительно ли существует подобный риск, тем более Конвенция 1980 г. предоставляет обширный выбор материальных и процессуальных инструментов для получения необходимых доказательств. Так, в частности, суд может послать запрос в другое государство через Центральный орган для получения необходимых сведений.

Обосновывая свое решение, суд должен проанализировать и сравнить в каком случае будут учтены наилучшие интересы ребенка – при его возвращении или нет. Следовательно, учет наилучших интересов ребенка предполагает полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела, а также последующую оценку и обоснование данных обстоятельств. При рассмотрении дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа суд не может ограничиться общими фразами и писать решения «под копирку», «по штампу».

При исследовании практики Европейского суда по правам человека можно указать на еще одну существенную проблему, касающуюся сроков рассмотрения данной категории дел. Конвенция 1980 г. предусматривает шестинедельный срок рассмотрения подобных дел со дня принятия заявления о возвращении ребенка, но, к сожалению, не во всех государствах-участниках международного договора названный срок соблюдается, что

---

¹ См.: Скабелина Л.А. Возможности использования адвокатом специальных психологических познаний в международных спорах родителей о детях // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 17.

существенно нарушает как правовые нормы, так и концепцию наилучших интересов ребенка, согласно которой ребенок заинтересован в наиболее быстром, «незамедлительном» возвращении в государство обычного проживания. Данный вопрос является актуальным и для нашей страны, так как срок рассмотрения дел анализируемой категории российскими судами в среднем около 11-13 недель¹, что в два раза больше установленного Конвенцией времени судебного рассмотрения. Наибольшего успеха в решении этого вопроса достигли Великобритания, Германия и Бельгия, где средние сроки рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа во всех инстанциях составляют около 6-7 недель².

Европейский суд не раз делал акцент на том, что национальные суды должны принимать все необходимые меры для наиболее скорого возвращения ребенка в страну постоянного проживания, так как это служит его наилучшим интересам. Так, например, в деле «Blaga v. Romania» ЕСПЧ было установлено, что румынскому суду потребовалось тринадцать месяцев на принятие судебного решения³. Позиция Европейского суда основывается на том, что в случаях, когда суд не успевает вынести решение в требуемый срок, необходимо обосновать продление данного срока. В указанном деле, румынский суд не только вовремя не принял решение, но и не объяснил причину задержки, которая не только нарушает требования Конвенции 1980 г., но также может повлиять на изменение обстоятельств дела. Нужно отметить, что ЕСПЧ установил как нарушение ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающегося права на уважение частной и семейной жизни, так и нарушение ст. 6 (права на справедливое

---

¹ См.: Суды удовлетворяют 76% исков связанных с возвращением ребенка на основании международного договора России URL: <http://dagalin.org/statistics/family/16> (дата обращения: 10.02.2020)

² Hague Conference. Guide to Good Practice under The Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction, Part III – Prevention Measures, Bristol, Jordan Publishing, 2014. P. 103.

³ Постановление Европейского суда от 1 октября 2014 г. по делу «Blaga v. Romania» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1274> (дата обращения: 10.02.2020)

судебное разбирательство), так как длительность рассмотрения дела о расторжении брака и об опеке не соответствовала критерию разумного срока, установленного Конвенцией.

К аналогичному заключению пришел суд и в деле «Karrer v. Romania»¹. «Заявитель жаловался на производство, возбужденное в судах Румынии, в связи с требованием вернуть ребенка в Австрию. Европейский Суд по правам человека постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции, установив, в частности, что суды Румынии не провели полный анализ для оценки наилучших интересов ребенка и не предоставили заявителю возможность незамедлительно представить свое дело, как этого требует Конвенция по правам человека, истолкованная в свете Конвенции 1980 г. Более того, заявителю ни разу не была предоставлена возможность представить свое дело в судах Румынии либо лично, либо в письменной форме. В заключение Европейский Суд по правам человека отметил, что производство в рамках Гаагской конвенции длилось одиннадцать месяцев на двух уровнях юрисдикции, хотя дела этой категории должны рассматриваться в течение шести недель»².

Проблема сроков рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, а также исполнения решения была затронута и в деле «E.S. v. Romania and Bulgaria»³. После развода родителей, права опеки над ребенком перешли к матери, но через год ребенок был похищен бабушкой и дедушкой со стороны отца в Болгарию. С 29 июля 2008 года по 9 января 2012 года (на протяжении трех лет и шести

---

¹ Постановление Европейского суда от 21 мая 2012 г. по делу «Karrer v. Romania» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1149> (дата обращения: 10.02.2020)

² «Международное похищение детей» (Обзор постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, подготовленный Секретариатом Европейского Суда по правам человека (февраль 2015 года)) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1(25).

³ Постановление Европейского суда от 19 июля 2016 г. по делу «E.S. v. Romania and Bulgaria» // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22tabview%22:%5B%22document%22%5D,%22itemid%22:%5B%22001-164917%22%5D%7D> (дата обращения: 10.02.2020)

месяцев) мать добивалась возвращения своего ребенка в страну постоянного проживания, но, несмотря на наличие судебных решений всех инстанций, она не смогла добиться их исполнения. Представители Румынии и Болгарии объясняли причину задержки рассмотрения дела и его исполнения сложностью самого дела и виной самой заявительницы, так как она не знала точного адреса своего бывшего мужа, и у властей ушло некоторое время на его поиски. Имела место также ссылка на то, что сама заявительница не предприняла никаких действий по его розыску.

Европейский суд по правам человека подчеркнул, что сложность дела не может служить оправданием продолжительности разбирательства. Он также отметил, что заявительница занималась поиском правильного адреса бывшего мужа, прилагала дополнительные усилия для обеспечения проездных документов для своей дочери с тем, чтобы дать возможность суду провести собеседование с ней без дальнейших проволочек и вместе со своим адвокатом активно участвовать в разбирательстве.

На примере данных дел можно проследить и выявить важность соблюдения адекватных, разумных сроков рассмотрения дел о возвращении ребенка и их взаимосвязь с концепцией наилучших интересов ребенка.

Во-первых, Конвенция 1980 г. направлена на *незамедлительное* возвращение ребенка. Можно сказать, что это является ее главной целью и характерной чертой. Важно особо подчеркнуть значимость максимально сокращенных сроков возвращения ребенка, а, следовательно, и оперативность сроков рассмотрения исследуемой категории дел.

Возникает вопрос: почему и для каких целей важно быстро рассмотреть дело? Как представляется, сжатость сроков рассмотрения связана с тем, что: а) чем быстрее ребенок будет возвращен в государство обычного проживания, тем быстрее будут восстановлены его права и тем качественнее будет защищено его психологическое и физическое состояние; б) при долгом, излишне затянутом судебном рассмотрении, обстоятельства, касающиеся дела и самого ребенка, могут измениться, а именно – изменится

возраст ребенка (он может достичь шестнадцатилетнего возраста, при наступлении которого Конвенция перестанет на него распространяться), ребенок может адаптироваться в новой среде, могут ухудшиться отношения между родителями или законными представителями ребенка, что может негативно отразиться на дальнейшей судьбе ребенка и т.д. Очевидно, чем быстрее будет рассмотрено судебное дело, чем быстрее ребенок будет возвращен в государство обычного проживания, тем наиболее эффективно будут защищены его права.

Во-вторых, бесспорным является тот факт, что не все судебные дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа могут быть рассмотрены в шестинедельный срок, учитывая их объективную сложность, трудность в доказывании и т.д. Особенно это актуально для нашей страны, где не выработана единая практика рассмотрения подобных дел и нет достаточного опыта для наиболее быстрого отправления правосудия в этой сфере. Однако, следует учитывать, что в случаях, когда суд не успевает вынести решение в предусмотренный законодательством срок, его продление должно быть обосновано. В качестве оснований для продления могут выступать лишь объективные, важные причины, которые должны быть отражены в судебном акте.

В рассмотренных ЕСПЧ делах («*Blaga vs. Romania*», «*Karrer v. Romania*» и «*E.S. v. Romania and Bulgaria*», а также в иных аналогичных делах), в которых заявители жаловались на временные задержки, допущенные национальными судами, подобные задержки либо никак не обосновывались, либо же объяснялись судами сложностью дела и виной истца, который не знал и не мог знать тех или иных фактов. Думается, что подобные причины не могут приниматься как допустимые, так как сложность дела и незнание истца, чьего ребенка похитили, точного адреса проживания ответчика, - не оправдывает национальные власти в задержке вынесения решения, так как Конвенция 1980 г. обязывает Центральные органы

устанавливать местоположение ответчика и ребенка, и предпринимать все необходимые меры для наиболее быстрого поиска.

Задержки судебного рассмотрения могут быть оправданы только объективными причинами, такими как время, потраченное на получение необходимых доказательств по делу, участие в делах экспертов и психологов, а также иных специалистов, помогающих суду в отправлении правосудия. Названные действия направлены на всестороннее изучение обстоятельств дела и определение наилучших интересов ребенка, они помогают суду принять обоснованное решение, отвечающее требованиям Конвенции 1980 г. Но данные действия могут также затягивать процесс, и не представляется оправданным, чтобы суд, с целью наиболее быстрого вынесения решения, пренебрегал изучением необходимых доказательств.

Из необходимости ускоренного рассмотрением судебных дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа вытекает и требование оперативного исполнения судебного решения: важно не только в наиболее краткие сроки вынести обоснованное судебное решение, но в такие же краткие сроки его исполнить. Европейский суд по правам человека не раз отмечал, что национальные суды не в достаточной мере осуществляют и обеспечивают защиту интересов ребенка, не предпринимая все возможные меры, направленные на его защиту, а также не выполняют весь объем действий, направленных на более быстрое исполнение судебных решений.

Показательным в этом отношении является дело «Raw and Others v. France»¹, в котором заявительница обжаловала неспособность властей Франции обеспечить возвращение двух ее детей на территорию Великобритании. В 2002 году французский суд предоставил опеку матери и позволил ей, вместе с детьми, вернуться в Англию. После развода в июне 2001 года попечение в отношении детей осуществляли совместно оба

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 7 июня 2013 г. по делу «Raw and Others v. France» // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["002-7511"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{); (дата обращения: 10.02.2020)

родителя, и было решено, что D. и A. будут проживать вместе с матерью в Соединенном Королевстве.

В декабре 2008 года, когда дети были во Франции на Рождественских каникулах, их отец отправился в полицейский участок и заявил, что дети опасаются вернуться в Великобританию, так как боятся своей матери, которая жестоко с ними обращается. В январе 2009 года французский суд временно предоставил право на совместное проживание с детьми отцу, так как дети боялись вернуться к своей матери, что было подтверждено психологической экспертизой.

Заявительница обратилась в английский суд с просьбой о возвращении своих детей. Суд постановил, что удержание детей во Франции является незаконным и власти Англии направили заявление в соответствии с Конвенцией 1980 г. во французское правительство, в котором просили помочь матери вернуть своих детей. Французские суды (апелляционной и кассационной инстанций) признали английское решение и предписали отцу вернуть детей, который, в свою очередь, этого не сделал, сославшись на их возражения. Лишь по прошествии полугода заявительница увиделась со своими детьми. Европейский суд по правам человека постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции 1980 г., заключив, что власти Франции не выполнили всех действий, которые от них разумно было бы ожидать, чтобы способствовать выполнению решения английского суда, которым было приказано вернуть двоих детей в Соединенное Королевство.

Тем самым, задержка в исполнении решения английского (иностранного) суда явилась нарушением требования оперативного исполнения судебного решения.

Похожим примером можно считать дело «M.A. v. Austria»¹, в котором рассматривались действия гражданского партнера заявителя, вывезшего их дочь из Италии в Австрию в феврале 2008 года. Жалоба заявителя состояла в

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 15 января 2015 г. по делу «M.A. v. Austria»
// URL: <https://www.incadat.com/en/case/1336> (дата обращения: 10.02.2020)

том, что австрийские суды не исполнили два судебных решения итальянских судов, предписывающих вернуть ребенка в государство обычного проживания. Европейский суд по правам человека посчитал, что имело место нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так как австрийские власти не предприняли своевременных действий, и процессуальные рамки не способствовали быстрому и эффективному рассмотрению и исполнению дела.

Еще одним примером служит дело «Shaw v. Hungary»¹. Фабула данного дела заключается в том, что после развода супругов, они получили совместную опеку над своей дочерью, после чего мать ребёнка, без согласия бывшего супруга, перевезла дочь в Венгрию и не давала отцу общаться с ребенком. Венгерские суды предписали вернуть ребенка во Францию, но после вынесения судебного решения мать отказалась осуществлять предписание суда и скрылась с ребенком. Заявитель обратился в Европейский суд по правам человека с жалобой на то, что венгерские суды не предпринимали никаких действий для поиска ребенка и исполнения судебного решения. Их бездействие привело к тому, что в течение трех с половиной лет отец не мог увидеть ребенка и «воспользоваться своими правами опеки и доступа».

На примере приведённых дел, можно с уверенностью сказать, что на данный момент существует проблема, связанная с исполнением судебных решений по делам рассматриваемой категории. Анализируемый международный договор не содержит четкого и полного инструментария, способного регулировать быстрое и эффективное исполнение судебных решений². Соглашаясь с этой позицией, можно добавить, что данный факт

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 26 июля 2011 г. по делу «Shaw v. Hungary»
// URL: <https://www.incadat.com/en/case/1150> (дата обращения: 10.02.2020)

² См., например: *Kruger, T.* International Child Abduction: The Inadequacies of The Law. Studies in Private International Law. Oxford. 2011. P. 201.; *McEavey, P.* The European Court of Human Rights and The

подтверждается большим количеством жалоб на длительность о исполнения судебных актов, направленных в Европейский суд по правам человека.

Неоправданное затягивание исполнения судебных решений нарушает наилучшие интересы ребенка и права опеки и доступа оставленного родителя, чего, безусловно, нельзя допускать. При анализе вышеперечисленных дел видно, что Европейский суд по правам человека всегда ставит вопрос о том, предприняты ли национальными властями все необходимые меры для незамедлительного исполнения решений. Так, «с течением времени могут наступить непоправимые последствия для взаимоотношений между ребенком и родителем, который с ним не проживает»¹. Особенно явно это прослеживается в первом и третьем деле, где заявители не видели своего ребенка одиннадцать месяцев и три года соответственно. Но при анализе всех изложенных дел возникает вопрос о том, какие меры следует считать необходимыми и что именно нужно делать национальным властям для наиболее быстрого исполнения судебного решения. Видно, что в вышеперечисленных делах власти не предпринимали необходимых действий, но представляется важным понять, какие действия можно считать необходимыми, быстрыми и эффективными для успешного применения Конвенции 1980 г. в нашей стране.

Как представляется, требуемое «ускорение» может быть достигнуто двумя способами: а) установлением сокращенных сроков рассмотрения судами заявлений о возвращении ребенка; б) судебным контролем за исполнительным производством. Гражданский процессуальный кодекс РФ содержит сокращенный срок рассмотрения заявлений по исследуемой категории дел, и, как отмечалось ранее, представляется правильным обосновывать в судебных актах причины продления данного срока в случаях,

---

Hague Child Abduction Convention: Prioritising Return or Reflection? *Netherlands International Law Review*, 62(3), 2015. P. 367.

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 24 апреля 2003 г. по делу «Sylvester v. Austria» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/502> (дата обращения: 10.02.2020)

когда суд не успевает вынести решение в течение шести недель. Поддержки заслуживает позиция законодателя, установившего обязанность суда указывать в своем решении порядок исполнения данного акта, т.е. порядок возвращения ребенка и порядок распределения возникающих в этой связи судебных расходов и расходов, непосредственно связанных с возвращением ребенка. Данная мера служит необходимой мотивацией, определенной гарантией того, что судебное решение будет исполнено в более быстрые сроки и надлежащим образом.

В свою очередь, в предмет судебного контроля по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа входят: во-первых, проверка собственных решений суда, нуждающихся в разъяснении, во-вторых, акты судебных приставов-исполнителей, а также их действия или бездействие, которые могут иметь или имеют юридические последствия. Детально проблемы судебного контроля за исполнительным производством по рассматриваемой категории дел будут проанализированы в последнем параграфе диссертации.

В целом, представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что исполнение судебных решений должно происходить в максимально сжатые сроки и государства-участники Конвенции 1980 г. должны предпринимать все необходимые меры для скорейшего исполнения судебного решения, так как данные меры направлены на защиту наилучших интересов ребенка и прав оставленного родителя.

Исследование практики Европейского суда по правам человека способствует выявлению наиболее острых, проблемных вопросов применения Конвенции 1980 г. В его решениях можно проследить существующий опыт отправления правосудия, который заслуживает пристального внимания. По результатам анализа судебной практики, проведенного в настоящем параграфе диссертации, можно сделать вывод, согласно которому в основе всех решений ЕСПЧ лежит необходимость учета концепции наилучших интересов ребенка, которая предполагает не только

необходимость полного и всестороннего исследования всех обстоятельств дела, их обоснованную оценку и учет, но и быстроту сроков судебной защиты ребенка.

Наиболее актуальными проблемами при рассмотрении дел о возвращении ребенка являются вопросы, связанные с обстоятельствами-исключениями, установленными Конвенцией 1980 г., а также вопросы, связанные со сроками рассмотрения данных дел и исполнением судебных решений. Все эти вопросы напрямую связаны с концепцией наилучших интересов ребенка, так как необъективное рассмотрение дела, «задержка» в его рассмотрении и исполнении принятого решения, нарушают субъективные права и законные интересы ребенка.

Исследование, проведенное в данном параграфе диссертации, позволило внести предложения, направленные на совершенствование действующего законодательства и практики его применения. Учитывая значимость приоритетного учёта наилучших интересов ребенка для рассмотрения дел анализируемой категории, необходимо прямо закрепить это требование в гражданском процессуальном законодательстве, а именно в статье 244.12 ГПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

§1.2 Материально-правовая и процессуально-правовая характеристика дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа

Исследование и выявление процессуальных особенностей рассмотрения гражданских дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа не представляется возможным в отрыве от изучения их материально-правовой составляющей. В отечественной юридической науке давно устоялся тезис, согласно которому

процессуальное право не существует вне связи с правом материальным. Как отмечал М.А. Гурвич, «одно без другого не имело бы смысла, одно служит необходимым условием существования и действия другого»¹.

Проблема соотношения материального и процессуального права была предметом изучения многих ученых, в связи с чем сложилось несколько научных концепций, раскрывающих данный вопрос.

Первая концепция исходит из того, что материальное право выступает доминирующей системой, по отношению к которому процессуальное право является производной, имеет вторичный характер². Так, С.С. Алексеев считал, что процессуальные отрасли, оставаясь самостоятельными, имеют производное значение по линии их связи с материальными отраслями. По мнению ученого, процессуальные отрасли, тесно примыкая к профилирующим материальным отраслям, «надстраиваются над ними»³.

Вторая концепция исходит из того, что процессуальные нормы выступают средствами реализации материальных норм. Материальные нормы не могут существовать без процессуальных, только они могут «вдохнуть в них жизнь». Для реализации каждого материального правомочия предусмотрена определенная процессуальная процедура, и вне процессуальной формы материальная норма не может быть реализована⁴. В частности, как пишет С.В. Смирных, «субъективные права детей в международном праве представляют юридически обеспеченные возможности удовлетворения их интересов. При этом субъективные права детей в международном праве состоят из возможностей совершать собственные

---

¹ Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия: Избранные труды: в 2 т. Краснодар, 2006. Т. 2. С. 52-53.

² См., например: Жерулис И.А. О соотношении материального и процессуального в иске // Формы защиты права и соотношение материального и процессуального в отдельных правовых институтах. Межвузовский тематический сборник. - Калинин: Изд-во Калининского университета, 1977. С. 12-19; Грось Л.А. Влияние гражданского права на процессуальные нормы // Российская юстиция. 1996. № 3. С. 20.

³ Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961. С.139.

⁴ См.: Виртук Н.В., Горшенев В.М., Добровольская Т.Н. и др. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред.: Горшенев В.М., Недбайло П.Е. - М.: Юрид. лит., 1976. С. 106-110.

действия и возможности требовать от других участников международных отношений совершения предусмотренных правом действий или воздержания от совершения строго определенных действий»¹.

Можно заметить, что две названные концепции весьма категоричны. Первая признает полный производный характер процессуального права от материального, что не вполне верно, так как «производность» означает «образование» одного от другого. Тем самым, получается, что процессуальные нормы образованы от материальных, именно в материальных нормах они берут свое начало, что, как представляется, не совсем точно.

Вторая концепция не соответствует правовой действительности гражданских правоотношений, так как, в основном, нормы материального гражданского права реализуются без участия суда. Необходимость в судебном урегулировании вопроса появляется лишь в тех случаях, когда субъективное материальное право не может быть защищено иным образом.

Вместе с тем, большинство ученых в своих работах не рассматривают соотношение материального и процессуального права так категорично.

А.М. Васильев пишет о том, что данные системы выступают парными категориями, дополняющими друг друга, обеспечивающими действенность и всесторонность нормативного воздействия².

А.Т. Боннер подчеркивает, что в данном соотношении доминирующее место занимает материальное право, но, по его мнению, процессуальное право все же остается относительно самостоятельной отраслью права³.

Последний подход представляется наиболее верным. Материальное и процессуальное право всегда выступают во взаимосвязи друг с другом,

---

¹ *Смирных С.В.* Субъективные права детей в современном международном праве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С.186-187.

² *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - М.: Юрид. лит., 1976. С. 20.

³ *Боннер А.Т.* Принцип законности в советском гражданском процессе. Учебное пособие / Отв. ред.: М.С. Шакарян. - М.: РИО ВЮЗИ, 1989. С. 37.

оказывают друг на друга определенное влияние. Изменение материального права отражается и на процессуальном, так как, если процессуальное право не будет приспособлено к материальному, оно не сможет выступать средством защиты и средством реализации норм при разрешении юридических конфликтов. Как справедливо отмечает Ж.С. Сталеев, обусловленность процессуальной формы нормами материального права состоит в приспособлении и учёте их особенностей¹.

Исследование диалектических взаимосвязей процессуального и материального права, анализ их взаимовлияния, способствует углубленному изучению и научному выражению правовой действительности. В связи с этим представляется необходимым перейти к анализу подобных взаимоотношений на примере дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, с тем, чтобы выявить процессуальные проблемы, возникающие при рассмотрении данной категории дел и определить способы их решения.

В последнее время законодатель стремится осуществлять специальное регулирование судопроизводства с учетом специфики предмета судебного рассмотрения. Форма подобного регулирования получает различное правовое оформление: установление особого процессуального порядка для отдельных категорий дел посредством выделения обособленных глав в процессуальных кодексах², либо увеличение объема специальных процессуальных норм на уровне федеральных законов³.

Выделение самостоятельной главы 22.2 в Гражданском процессуальном кодексе РФ, устанавливающей процессуальный порядок рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в

---

¹ Сталеев Ж.С. Материальное право и формы его защиты // Вопросы развития и защиты прав граждан. Межвузовский тематический сборник. - Калинин: Изд-во Калин. ун-та, 1977. С. 15.

² Например, дела о корпоративных спорах (гл. 28.1 АПК РФ), о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (ранее гл. 22.1 ГПК РФ, ныне гл. 26 КАС РФ, гл. 27.1 АПК РФ).

³ Например, дела о банкротстве (гл. 28 АПК РФ).

отношении ребенка прав доступа на основании Конвенции 1980 г., служит ярким примером желания законодателя «специализировать» судопроизводство. Действительно, данная глава содержит определенные процессуальные особенности рассмотрения данной категории дел, вызванные спецификой предмета судебного рассмотрения. Как представляется, данное законодательное решение должно способствовать совершенствованию общественных отношений, складывающихся в рассматриваемой области.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что подобный подход разделяют не все исследователи. Так, к примеру, Л.В. Туманова стоит на позиции, согласно которой дела по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации имеют публично-правовой характер. На взгляд ученой, дела данной категории «трудно отнести к делам искового производства. Дела, возникающие из семейных правоотношений, во многих случаях имеют скорее публично-правовую, а отнюдь не частноправовую природу. Здесь, хотя и опосредованно, затрагиваются интересы государства. Специальные правила, предусмотренные в гл. 22.2 ГПК РФ, также свидетельствуют о наличии государственных и общественных интересов»¹.

В исследуемой категории дел источником материального права служит Конвенция 1980 г., которая не требует ратификации и интеграции в национальное законодательство, что приводит к определенным сложностям в понимании и применении новых понятий, содержащихся в международном договоре, смысл которых или не совпадает с тем смыслом, который обычно подразумевается национальным правом или вовсе не имеющих российских аналогов. Такими понятиями являются: «незаконное перемещение», «незаконное удержание», «место постоянного проживания ребенка», «права доступа» и т.д. Правильное определение, понимание данных материальных

---

¹ Туманова Л.В. Необходимость расширения сферы административного судопроизводства // Судья. 2017. № 3. С. 16.

понятий связано с точным определением предмета судебного рассмотрения, предметом судебного доказывания, определением субъектного состава лиц, участвующих в деле.

Тесная взаимосвязь материального и процессуального права наблюдается при определении предмета судебной защиты, содержательная характеристика которого относима к материальному праву.

Установление взаимосвязи материального и процессуального права в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, определение особенностей данной категории дел, накладываемых данным взаимовлиянием, выявляются через понимание того, что входит в предмет судебной защиты в исследуемой категории, на что направлена судебная деятельность при рассмотрении данных споров, каковы ее цели и задачи.

Споры о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа возникают при незаконном похищении/удержании ребенка или наличии препятствий доступа к ребенку. При возникновении подобных ситуаций, пострадавшее лицо имеет право обратиться в суд за восстановлением нарушенных прав. Необходимо понять, что в таких случаях входит в предмет судебной защиты, на что должны быть направлены действия суда. Соглашаясь с В.М. Жуйковым, можно утверждать, что предметом судебной защиты являются права, свободы и охраняемые законом интересы¹. При определении предмета судебной защиты в исследуемой категории дел, некоторые ученые и правоприменители считают таковым возвращение ребенка или обеспечение осуществления права доступа. С подобным мнением сложно согласиться, так как подобный подход представляется весьма поверхностным.

Возвращение ребенка в страну обычного проживания – это требование истца к ответчику, оно не может являться предметом судебной защиты. Суд

---

¹ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. - М.: Городец, 1997. С. 303.

не может защищать возвращение ребенка, суд может защищать нарушенные права и законные интересы. Представляется, что в исследуемой категории дел в предмет судебной защиты входят нарушенные права ребенка и права оставленного родителя или иного законного представителя, а именно права опеки и доступа. Под термином «оставленный родитель» (left behind parent) целесообразно понимать выступающего в качестве истца в данной категории дел и обладающего правами опеки и доступа родителя или иного законного представителя, с которым ребёнок проживал до момента его незаконного перемещения и удержания.

При перемещении в другую страну ребёнок отрывается от привычной для него жизни, лишается тех условий, к которым он привык и которые любит. Подобные ситуации, как правило, вызывают у него большой стресс, который возникает в связи с необходимостью адаптации к незнакомой культуре, менталитету и языку.

Становится очевидным, что при скорейшем возвращении ребенка в страну его постоянного проживания он будет меньше травмирован, его психологическое и физическое состояние быстрее придет в норму. Конвенция 1980 г. является инструментом, который призван защитить права детей, а не взрослых¹. В связи с этим, предметом судебной защиты по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа будут нарушенные права ребенка, а также прав оставленного родителя во втором случае.

Права Н.В. Тригубович, пишушая, что «предметом спора по данной категории дел являются права и обязанности родителей по возвращению ребенка в государство, в котором он постоянно проживал до незаконного перемещения или удержания. С точки зрения защиты прав ребенка

---

¹ *Schuz Rh. The Hague Child Abduction Convention: A Critical Analysis. Oxford, 2013. P. 65.*

предметом спора является право ребенка «не быть похищенным» (незаконно перемещенным или удерживаемым)»¹.

В решении Верховного суда Великобритании по делу *Re E (Children)* [2011] UKSC 27 было указано, что в соответствии с Конвенцией 1980 г. главным в разрешении исследуемой категории дел является защита прав и наилучших интересов ребенка. Применение Конвенции направлено на сдерживание противоправного похищения и восстановление прав похищенного ребенка².

Стоит отметить, что для наиболее эффективной защиты прав ребенка необходимо обеспечить и защиту прав оставленного родителя (иного законного представителя), так как они тоже были нарушены при незаконном перемещении и удержании ребенка.

Предмет судебной защиты в данном случае – нарушенные права опеки и доступа, так как незаконное перемещение и удержание ребенка не будут считаться незаконными, если не нарушены данные права. Обращаясь в суд, один из родителей просит восстановить его нарушенные права, защитить их. Вследствие восстановления прав опеки и доступа, ребенок будет возвращен в страну постоянного проживания или же, в зависимости от заявленного требования, у родителя появится возможность общения с ним (право доступа).

Возвращение ребенка само по себе, без восстановления данных прав невозможно и представляется нелогичным, так как при рассмотрении исследуемой категории дел суд, в первую очередь, устанавливает было ли нарушено право опеки, принадлежащее одному из родителей или законному опекуну, при перемещении или удержании ребенка.

---

¹ *Тригубович Н.В.* Порядок рассмотрения судами дел о возвращении ребенка в государство постоянного проживания в случае его незаконного перемещения или удержания // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 25.

² URL: <https://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed83890> (дата обращения: 10.02.2020)

Суд должен установить, действительно ли у потерпевшего родителя существовали права опеки на момент перемещения или удержания ребенка. Если потерпевший родитель такими правами обладал и осуществлял эти права, то суд возвращает ребенка в страну постоянного проживания, тем самым восстанавливая нарушенные субъективные права одного из родителей. Но следует помнить о том, что, как сказано в п. «а» ст. 5 Конвенции 1980 г., «права опеки» включают права, относящиеся к заботе о личности ребенка, и, в частности, право определять место жительства ребенка.

Право определять место жительства ребенка может принадлежать суду, матери, отцу, какому-либо институту (местному органу власти), или нескольким лицам совместно¹. Так, французский апелляционный суд Марселя – Экс-ан-Прованс, в одном из своих дел указал, что механизм рассмотрения дел о возвращении ребенка не должен вызывать трудностей. Суд должен установить, имеет ли потерпевший родитель право опеки в понимании ст. 3 Конвенции 1980 г. и осуществлялось ли данное право фактически. Если ответы на эти вопросы положительные и не существует исключений, установленных Конвенцией 1980 г. и препятствующих возвращению, то следует вернуть ребенка в страну постоянного проживания, тем самым восстановив нарушенные права опеки и доступа².

Показательным примером является и решение Европейского суда по правам человека по делу «Илкер Энсар Уйаник против Турции»³. Заявитель добивался возвращения своего ребенка из Турции в Соединенные Штаты Америки, опираясь на то, что судебное рассмотрение в турецких судах было несправедливым, так как суды не выполняли и неправильно применяли

---

¹ *Beaumont P., P.R. and McEleavy P.E.* The Hague Convention on International Child Abduction (Oxford Private International Law Series). Oxford. 1999. P. 35.

² Case: CA Dijon, 15 juillet 2008, No de RG 08/00923 // URL: <https://www.incadat.com/en/case/958> (дата обращения: 10.02.2020)

³ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 3 мая 2012 г. по делу «Iker Ensar Uyanik c. Turquie» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1169> (дата обращения: 10.02.2020)

нормы Конвенции 1980 г. Европейский суд по правам человека постановил, что действительно имело место нарушение статьи 8 Конвенции, установив, что суды Турции не провели никакого анализа и оценки семейной ситуации заявителя, рассмотрели дело с нарушением принципов, заложенных Конвенцией 1980 г.

Европейский суд по правам человека отметил тот факт, что турецкие суды даже не рассмотрели факт нарушения прав опеки заявителя, что является первостепенной задачей суда при рассмотрении дел о возвращении ребенка, так как, не установив данный факт невозможно принять решение о том, стоит вернуть ребенка или нет¹.

При определении предмета судебной защиты видна взаимосвязь материального и процессуального права. Определить, что именно входит в предмет судебной защиты, невозможно без понимания сути, правовой природы спорных материально-правовых отношений. Определив, что права ребенка и оставленного родителя являются предметом судебной защиты, можно выявить и особенности средств защиты, предмета доказывания, особенности процессуального положения лиц, участвующих в судебном деле по исследуемой категории.

В теории гражданского процессуального права сложились различные концепции по поводу элементов, составных частей иска. Одни ученые пришли к выводу, что иск включает в себя два самостоятельных компонента². Другие исходят из того, что понятие иск – единое понятие, включающие в себя две стороны в своем единстве³. Несмотря на продолжающуюся

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 3 мая 2012 г. по делу «İker Ensar Uyanık s. Turquie» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1169> (дата обращения: 10.02.2020)

² См.: *Гурвич М.А.* Право на иск / Отв. ред.: Клейнман А.Ф. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 46, 145; *Клейнман А.Ф.* Советский гражданский процесс. Учебник. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. С. 147.

³ См.: *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 19; *Чечот Д.М.* Иск и исковые формы защиты права // *Правоведение.* 1969. № 4. С. 72; *Юридическая процессуальная форма: теория и практика.* М., 1976. С. 198. (авторы главы – Н.А. Чечина и Д.М. Чечот).

дискуссию ученых, можно сделать вывод о том, что логическая линия рассуждений совпадает в обоих случаях и исковое заявление включает в себя два компонента – материальный и процессуальный. Материальный компонент – это требование истца к ответчику об устранении нарушения права, исполнения определенной обязанности. В свою очередь, процессуальной стороной иска является просьба истца к суду о рассмотрении и разрешении спора, который возник между истцом и ответчиком.

В исследуемой категории дел требованием истца к ответчику является вернуть незаконно перемещенного и удерживаемого ребенка в страну обычного проживания или предоставить доступ к ребенку, т.е. возможность забирать его в место иное, чем место его обычного проживания. Данное требование должно быть облачено в необходимую процессуальную форму, должны быть учтены правила подсудности и т.д.

Стоит отметить особенности искового производства при рассмотрении исследуемой категории дел, установленные Конвенцией 1980 г. Среди таких особенностей можно выделить невозможность подачи встречного искового заявления, а также невозможность соединения нескольких исковых требований (ст. 244.14 ГПК РФ). С точки зрения Т.В. Ярошенко, «данная норма нарушает принцип диспозитивности в отношении предъявления ответчиком встречного иска»¹. В связи с этим ученой предлагает «предоставить ответной стороне возможность заявления встречного требования, которое будет рассматриваться в том же процессе с участием тех же лиц»².

С данным мнением вряд ли можно согласиться, так как отмеченное ограничение прав сторон в исследуемой категории дел продиктовано положениями Конвенции 1980 г., которая закрепляет, что при решении вопросов возвращения ребенка или обеспечения прав доступа в отношении

---

¹ Ярошенко Т.В. Особенности рассмотрения дел о возвращении ребенка на основании международного договора Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 36.

² Там же.

него не должны затрагиваться вопросы воспитания ребенка (ст. 16 и 19 Конвенции 1980 г.).

«В случае поступления по делу, поясняют О.Н. Низамиева и Д.С. Ксенофонтова, копии определения суда о принятии к производству заявления о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа другой суд обязан приостановить производство по делу, связанному со спором о ребенке (ст. 215 ГПК РФ). Производство приостанавливается до вступления в законную силу решения суда о возврате (или об отказе в возврате) ребенка или об осуществлении права доступа или определения о прекращении производства по этому делу, или определения об оставлении судом заявления без рассмотрения (ст. 216 ГПК РФ)»¹.

Международный договор четко стоит на той позиции, что вопросы, связанные с дальнейшим воспитанием ребенка, порядком общения ребенка с родителями, должны решаться, во-первых, в стране, которая является местом обычного проживания ребенка, а, во-вторых, главный приоритет и главная цель Конвенции 1980 г. – защита ребенка от последствий, стресса, вызванного перемещением или удержанием в чужой среде. Все материальные, процессуальные инструменты международного акта направлены на скорейшее возвращение ребенка в привычную среду, и именно после возвращения ребенка должны решаться вопросы дальнейшего общения ребенка со своими родителями.

Основная посылка Конвенции 1980 г. заключается в том, что похищение ребенка настолько вредно, что возвращение его в государство обычного проживания является правильным, автоматическим шагом в поиске для ребенка наилучшего решения. Возвращение ребенка

---

¹ *Низамиева О.Н., Ксенофонтова Д.С.* Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 150.

впоследствии позволит соответствующему суду вынести решение о его будущем¹.

Подобная логика авторов Конвенции 1980 г. представляется верной. Смещение исследуемой категории дел с иными семейными делами приведет к усложнению процесса и затягиванию сроков. Не представляется правильным рассмотрение вопросов воспитания в той стране, где ребенок не проживает, куда его незаконно переместили. Подобное рассмотрение будет служить поощряющим актом, последствием для похищающего родителя, который может оказаться в более выгодных условиях, чем оставленный родитель.

На примере таких особенностей прослеживается взаимосвязь материального и процессуального права. Можно видеть, как цели Конвенции 1980 г., ее нормы накладывают существенный отпечаток на процессуальное рассмотрение дел данной категории. Нормы международного договора не только определяют предмет судебной защиты и средства защиты, но и вводят ограничения в рассмотрении, такие как невозможность смешения исследуемой категории дел с другими категориями, невозможность подачи встречного искового заявления, что представляется оправданным, исходя из целей международного договора, его предпосылок и главного назначения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа – это осложненные иностранным элементом и не предусматривающие возможность подачи встречного искового заявления или соединения нескольких исковых требований семейные споры о восстановлении нарушенных в стране-участнице Конвенции 1980 г. прав ребенка, прав опеки оставленного родителя или иного законного

---

¹ См., например: *Beaumont, P.R. & McEleavy, P.E.* The Hague Convention on International Child Abduction. Oxford: University Press. 1999. P. 101.; *McEleavy, P.* The European Court of Human Rights and The Hague Child Abduction Convention: Prioritising Return or Reflection? *Netherlands International Law Review*, 62(3), 2015. P. 365-405.

представителя и прав доступа, рассматриваемые и разрешаемые по правилам искового производства на основе учета наилучших интересов ребенка, посредством возвращения ребенка или устранения препятствий к доступу к ребенку в случае незаконности его перемещения или удержания и отсутствия позволяющих оставить ребенка обстоятельств-исключений из принципа незамедлительного возвращения похищенного ребенка.

Материальное воздействие права распространяется на состав лиц, участвующих в судебном деле, который определяется моделью того материального отношения, из которого возник спор, рассматриваемый судом. Спор о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа чаще всего возникает между родителями ребенка. Как правило, данный спор возникает вследствие незаконных действий одного из них. Родителя, у которого похитили ребенка, в странах общего права называют «оставленным родителем» (left behind parent), а не пострадавшим. Причиной тому является тот факт, что в данном споре есть только один пострадавший – ребенок, и именно его права и интересы Конвенция 1980 г. и страны-участницы обязаны защищать.

Соответственно, оставленный родитель (иное наделённое правами опеки лицо, учреждение или иная организация) выступает в качестве истца в исследуемой категории дел, а похитившее лицо является ответчиком. Особенности их правового статуса состоят в том, что данные субъекты права должны отвечать определенным требованиям, установленным Конвенцией 1980 г. Нормы международного договора накладывают определенные особенности на правовой статус лиц, участвующих в деле.

Споры о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа возникают только в тех случаях, когда ребенок был незаконно перемещен/удержан в стране-участнице Конвенции 1980 г. или в такой стране были нарушены права доступа родителя. Остальные случаи (например, удержание ребенка на территории одной страны, перемещение в

страну, не являющуюся участницей Конвенцией 1980 г.) не подпадают под действие международного договора.

Более подробно процессуальное положение лиц, участвующих в процессе, будет рассмотрено в параграфе 2.2 данной диссертационной работы. В настоящем разделе хотелось бы проследить взаимосвязь материального и процессуального права в контексте проблематики роли Центрального органа в рассмотрении дел исследуемой категории.

Под термином «центральный орган», который появился в международном праве примерно в середине XX века, следует понимать организацию, призванную играть ключевую роль в реализации и действии международного договора в публичном и частном международном праве. До принятия Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.¹ и Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам 1970 г.² в большинстве международных договоров назначались два отдельных учреждения, соответственно, для передачи и получения петиций и заявлений по договорам с соответствующими учреждениями в иностранных государствах. Конвенции 1965 и 1970 годов объединили эти роли в единый центральный орган.

Конвенция 1980 г. пошла по аналогичному пути и не только установила необходимость учредить Центральные органы в каждом государстве-участнике, но и определила широкий перечень обязанностей данных органов, требующих предпринимать любые действия для достижения целей договора и сотрудничества с другими центральными органами.

---

¹ См.: «Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам» (заключена в г. Гааге 15.11.1965) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.12.2004. № 50. Ст. 4951.

² См.: «Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам» (Заключена в г. Гааге 18.03.1970) // Международное частное право. Сборник документов.- М.: БЕК, 1997. С. 737-744.

Согласно Конвенции 1980 г., государства-участники обязаны назначить один или несколько центральных органов для обеспечения беспрепятственного и эффективного применения международного договора. Важно, чтобы эти органы были доступны для оставленных родителей и иных заинтересованных лиц.

В связи с этим можно выделить следующие задачи Центрального органа:

- собирать и обмениваться информацией о статусе ребенка и о решениях, касающихся ребенка;
- предоставлять информацию и помощь тем, кто имеет право опеки;
- облегчить взаимодействие между судами. Так, в соответствии с Регламентом № 2201/2003 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000»¹ (Регламент Брюссель-II), в случае, если суд принял решение не возвращать ребенка в соответствии со статьей 13 Конвенции 1980 г., копия постановления суда о невозвращении и другие документы должны быть переданы в суд в государство-член, в котором ребенок обычно проживает непосредственно перед тем, как его незаконно перевезли или удерживают. Разумеется, это правило распространяется только на страны Евросоюза, применяющие соответствующее наднациональное регулирование.

Основная роль центрального органа состоит в консультировании оставленного родителя и оказании ему помощи. В этих целях он направляет заявки на возвращение ребенка в центральные органы других государств. С их помощью он стремится выяснить местонахождение похищенного ребенка,

---

¹ См.: Регламент № 2201/2003 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000» [рус., англ.] (Вместе со «Свидетельствами», «Сравнительной таблицей...») (Принят в г. Брюсселе 27.11.2003) (Регламент Брюссель-II) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

принять временные меры, провести переговоры о мировом соглашении между сторонами, участвующими в конфликте и, при необходимости, возбудить судебное дело о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

Перспективным представляется развитие института медиации, в том числе активное содействие расширению медиативного сотрудничества в рамках межгосударственных контактов, направленных на разрешение дел о возвращении ребенка и обеспечение прав доступа к ребенку. В п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ процедура медиации охарактеризована в качестве способа урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

М. Веняляйнен в этой связи справедливо обращает внимание на Рекомендацию (ГКМЧП, Рек. 61/2011), принятую на Шестом заседании Специальной комиссии по практической реализации Конвенций 1980 г. и 1996 г., в которой особо акцентирована роль медиации при рассмотрении юридических конфликтов, связанных с международным похищением детей, и разрешении их на основе положений Конвенции 1980 г. Государствам-участникам рекомендовано создавать Центральные контактные пункты по медиации, либо наделять соответствующими полномочиями соответствующие Центральные органы².

При Министерстве просвещения Российской Федерации действует Федеральный институт медиации, специалисты которого на безвозмездной

---

¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.

² См.: Веняляйнен М. Медиация и юридическая помощь в трансграничных семейных спорах // Семейное и жилищное право. 2014. № 1. С. 34.

основе осуществляют медиацию в связи с нарушениями прав опеки и доступа, защищаемых Конвенцией 1980 г.

Однако, вплоть до настоящего времени контактный центр по организации медиации по делам, касающимся исполнения Конвенции 1980 г., в нашей стране так и не создан. Думается, что в рамках дальнейшего развития сети служб медиации создание подобного центра вполне оправдано. По рассматриваемой категории споров реализацию функций организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, следует возложить на имеющих профессиональную подготовку сотрудников центрального органа, а соответствующие медиативные процедуры необходимо оформить в виде специально разработанных регламентов¹. Также, следует разработать систему непрерывного обучения семейных медиаторов и повышения их квалификации в разрешении трансграничных семейных споров.

Применительно к возможности заключения медиативных и мировых соглашений по делам о возвращении ребенка и об обеспечении осуществления прав доступа в отношении ребенка следует обратить внимание на то, что суд далеко не во всех случаях обладает соответствующими полномочиями для их утверждения. В ст. 16 Конвенции 1980 г. прямо закреплено, что после получения уведомления о незаконном перемещении или удержании ребенка в соответствии со статьей 3 судебные или административные органы Договаривающегося государства, в которое был перемещен или в котором удерживается ребенок, не должны выносить решения относительно прав опеки, пока не будет установлено, что ребенок не подлежит возвращению в соответствии с настоящей Конвенцией или если в разумные сроки после получения данного уведомления было подано заявление о возвращении ребенка в соответствии с настоящей Конвенцией.

---

¹ См.: Тригубович Н.В., Семина Т.А., Чернов А.В. Применение медиации при разрешении споров о детях, в том числе в рамках реализации положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 9-10.

Несмотря на то, что Конвенция 1980 г. содержит исчерпывающий перечень обязанностей центральных органов, в международной практике возникают вопросы по поводу *объема* их полномочий. Во многом, это связано с тем, что международный договор содержит лишь общие ориентиры, позволяющие государствам-участникам по-разному толковать конвенциональные нормы, что, в свою очередь, также приводит к достаточно разнообразной практике.

В рамках предмета данной исследовательской работы хотелось сделать бы акцент на одной из таких проблем, связанной с участием Центрального органа в судебном процессе.

В соответствии с пунктом «f» статьи 7 Конвенции 1980 г., Центральные органы имеют право возбуждать судебные, административные разбирательства по исследуемой категории дел. Эта норма получила различное толкование в государствах-участниках. Наиболее узкое толкование было применено в Великобритании, где считается, что Центральный орган обязан принимать надлежащие меры только для того, чтобы предоставить адвокатам возможность действовать от имени заявителя. В этих странах данный орган не может подавать исковое заявление в суд, он только может проконсультить оставленного родителя и помочь ему в поисках адвоката, специализирующегося на исследуемой категории дел. Подобная практика сложилась и в других юрисдикциях общего права, в частности, в Израиле, Соединенных Штатах Америки, Канаде, в которых роль центрального органа заключается только в предоставлении информации о юридическом представительстве.

Но это не универсальная практика, и иное толкование данной нормы прослеживается даже в странах общего права. Например, в Австралии и Новой Зеландии центральные органы вправе инициировать судебное разбирательства, а именно подавать в суд исковое заявление о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Стоит заметить, что даже в тех случаях, когда Центральные органы могут

инициировать судебные разбирательства, их процессуальный статус и объем процессуальных прав варьируются. Так, в некоторых странах они только инициируют судебное дело, и не имеют иных полномочий (например, в Австралии и Новой Зеландии, Франции, Швеции), а в других могут представлять интересы оставленного родителя, участвовать в судебном процессе в качестве их представителей (например, в Германии, Италии, Мексике, Нидерландах, Испании и т.д.).

Причины такого различного подхода в каждой стране свои. Например, в Соединенных Штатах Америки подобный, «узкий» подход аргументируется тем, что Центральный орган не может участвовать в судебном процессе и быть заинтересованным лицом, так как является государственным органом, призванным поддерживать нейтралитет в применении Конвенции 1980 г., ее эффективное осуществление и, соответственно, инициирование судебных дел противоречит основным задачам данного органа¹. В Германии, напротив, пришли к выводу, что участие Центрального органа в судебном процессе направлено на эффективное и быстрое осуществление правосудия по исследуемой категории дел. Данные органы, по мнению немецких законодателей и ученых, способствуют более быстрому рассмотрению судебных дел, что отвечает приоритетным главным целям Конвенции 1980 г.²

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах

---

¹ *Lubin, B.E.* International Parental Child Abduction: Conceptualizing new remedies through application of The Hague Convention. *Washington University Global Studies Law Review*, 4 (2). 2005. P. 420.

² *Hillebrand S., Maaß L., Sönmez C.* Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction // URL: https://www.ejtn.eu/Documents/Themis%202012/THEMIS%202012%20BUCHAREST%20DOCUMENT/Written_paper_Germany_2.pdf (дата обращения: 10.02.2020) P. 16.

международного похищения детей» этим органом в нашей стране является Министерство просвещения РФ¹.

В научной литературе, в частности в работах Д.С. Борминской² и Т.Г. Воеводиной³, неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой полномочиями центрального органа в рассматриваемой сфере необходимо наделить не Министерство просвещения РФ, а Министерство юстиции РФ. Признавая правоту этой позиции, представляется возможным взглянуть на неё под новым ракурсом, с учётом последних тенденций складывающихся в этой сфере общественных отношений. Обоснованность передачи соответствующих полномочий Министерству юстиции РФ подтверждается следующими причинами.

Во-первых, именно по такому пути пошло подавляющее число стран-участниц Конвенции 1980 г.

Во-вторых, функции центрального органа, как они описаны в Конвенции 1980 г., ближе к российскому пониманию юстиции (как особой правоприменительной и правоохранительной деятельности по реализации судебной власти), нежели к функциям воспитания, опеки и попечительства, которые, в числе прочих, возложены на Министерство просвещения РФ (причем, как было отмечено в диссертации ранее, конвенциональное понимание «опеки» и «прав опеки» не совпадает с тем пониманием, которым эти категории наделяет российский законодатель). Конвенция 1980 г. не только не регламентирует вопросы опеки, но и категорически оговаривает в ст. 16 и ст. 19 то, что подобные вопросы её положениями не затрагиваются.

---

¹ Постановление Правительства РФ от 22.12.2011 № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.01.2012. № 1. Ст. 141.

² См.: *Борминская Д.С.* К вопросу о присоединении Российской Федерации к Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2011. № 5. С. 10.

³ См.: *Воеводина Т.Г.* Исполнение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Законность. 2013. № 7. С. 62.

П. «f» ст. 7 Конвенции 1980 г. на центральный орган возложены обязанности принимать необходимые меры для того, чтобы «инициировать или способствовать возбуждению судебных или административных процедур для того, чтобы добиться возвращения ребенка, и при необходимости проводить мероприятия по организации или обеспечению эффективного осуществления прав доступа». При этом, как следует из Постановления Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 и Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹, Центральный орган не предоставляет юридическую помощь в представлении интересов оставленных родителей в суде. Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313², в свою очередь, прямо говорит о том, что Министерство юстиции РФ осуществляет работу по выполнению международных договоров Российской Федерации о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, уголовным и иным делам, по исполнению запросов о правовой помощи иностранных государств.

Содействие в реализации целей Конвенции 1980 г. оказывают и иные государственные органы. В частности, как пишет А.Н. Щепеткова, не стоит недооценивать роль консульской защиты, предоставляемой российским гражданам дипломатическими и консульскими учреждениями МИД России³.

В рамках настоящего параграфа отмечены лишь общие взаимосвязи материального и процессуального права на примере Центрального органа, а также указано на наличие особенностей процессуального положения данных органов, вызванных нормами Конвенции 1980 г. Нормы международного договора вводят не только нового субъекта процесса, но и определяют специфику его участия в процессе, описанную выше. Более подробно

---

¹ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.11.2011. № 48. Ст. 6725.

² См.: Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.10.2004. № 42. Ст. 4108.

³ Щепеткова А.Н. Порядок осуществления Минобрнауки России функций центрального органа Конвенции 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 18.

процессуальное положение Центрального органа будет рассмотрено в параграфе 2 второй главы диссертационной работы.

Под воздействием материального права, прежде всего, норм Конвенции 1980 г., формируются основные правила доказывания в гражданском процессе, в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Материально-правовой элемент определяет характер, содержание тех сведений, которые приобретают статус доказательств, облекаясь в процессуальную форму. Прямое воздействие нормы материального права оказывают также на предмет доказывания, исходя из чего, предполагается правильным рассмотреть данное влияние более детально.

Незаконное перемещение и незаконное удержание – это два разных вида похищения ребенка, но, в свете Конвенции 1980 г., обладающие общими признаками. Два данных действия должны быть совершены с нарушением прав опеки, которыми было наделено лицо (учреждение или иная организация, совместно или индивидуально); во время перемещения или удержания данные права опеки эффективно осуществлялись, совместно или индивидуально, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание. Только одновременное возникновение и формирование двух названных условий делает и перемещение, и удержание незаконным. При отсутствии одного из условий, удержание и перемещение не могут считаться незаконными.

При анализе судебных прецедентов, можно выделить несколько наиболее типичных и повторяющихся сценариев незаконного похищения или удержания ребенка.

Сценарий 1 – похищение или неправомерное удержание одним из родителей – является наиболее частым. После распада семьи ребенок продолжает жить с одним из родителей, а другой родитель поддерживает контакты с ребенком. В одно из посещений отдельно проживающий родитель вывозит ребенка за пределы данной страны без согласия другого родителя.

Сценарий 2 – похищение или неправомерное удержание родственником. Ребенка похищает член семьи, который не является его родителем или иным законным представителем (дедушка, бабушка, дядя, тетя и т.д.)

Сценарий 3 – смена места жительства до вынесения судебного решения об опеке. Ребенок вывезен за границу одним из его родителей во время бракоразводного процесса до вынесения судебного решения об опеке.

Сценарий 4 – смена места жительства родителя, проживающего с ребенком. Совпадает с первым сценарием, но осуществляется тем родителем, который проживает с ребенком. На практике в подобных случаях заявление о возвращении ребенка чаще подается отцами.

Все эти сценарии являются наиболее частыми вариантами незаконного перемещения и удержания. Ключевая характеристика названных неправомерных действий состоит в нарушении прав опеки одного из родителей, которые им реально осуществлялись. В частности, выразившемся в отсутствии согласия оставленного родителя на перемещение и удержание ребенка.

Как отмечалось в диссертации ранее, выявление признаков материально-правовых понятий тесно связано с предметом доказывания, кругом входящих в него юридически значимых фактов. Взаимосвязь материального и процессуального права заключается в том, что без правильного понимания материально-правовых норм невозможно определить предмет доказывания. Изучение и анализ этой взаимосвязи способствует определению особенностей доказывания в исследуемой категории дел.

Под *правом опеки* авторы Конвенции 1980 г. понимают право, которое относится к заботе о личности ребенка, и, в частности, право определять его место жительства. Соответственно, оставленному родителю, нужно доказать, был ли он наделен правами опеки на момент перемещения (удержания) ребенка. Так, «при рассмотрении районным судом дела по иску гражданина

Франции Д. к М. о возвращении ребенка было установлено, что с момента рождения ребенка и до его перемещения в Российскую Федерацию страной постоянного проживания ребенка являлась Швейцарская Конфедерация (далее – Швейцария). Вместе с тем, установив, что на момент выезда ответчика с ребенком из Швейцарии имелось вступившее в законную силу решение суда Швейцарии о лишении истца родительских прав (прав опеки) в отношении данного ребенка, суд пришел к выводу о том, что в указанный период ответчик обладала единоличными правами опеки в отношении несовершеннолетней, включая право определять ее место жительства»¹.

Суду необходимо учитывать, что в каждой стране родительская опека регламентируется по-разному и родитель, наделенный правом единоличной опеки, может обладать различным объемом прав в разных странах. Например, в Дании единоличная опека одного из родителей подразумевает его право вывозить ребенка за границу без согласия другого, хотя, в частности, в Португалии, при единоличной опеке существует необходимость получения согласия другого родителя на вывоз ребенка за границу. Следовательно, в каждом конкретном деле оставленный родитель должен доказать наличие у него подобных прав посредством ссылок на законодательство своей страны (сценарии 2 и 3) либо на судебное решение (сценарии 1, 2 и 4), указывающее, что именно данный родитель обладает правом опеки.

Как подчеркивает Э. Перес-Вера, «ст. 3 Конвенции 1980 г. не оставляет никаких сомнений в том, что Конвенция защищает не только единоличную опеку, но также и совместную. Вопрос о том, в каких случаях существует

---

¹ См.: «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

совместная опека, должен решаться в каждом конкретном случае в соответствии с правом страны места постоянного проживания ребенка»¹.

Главное отличие права опеки от прав доступа состоит в наличии у обладающего правом опеки над ребенком лица права определять место его проживания, в том числе и страну проживания. При этом, безусловно, не должно ущемляться право второго родителя, имеющего право доступа к ребёнку. В связи с этим, национальное законодательство может наделять второго родителя правом накладывать вето на решение о смене ребёнком страны проживания или же на выезд ребёнка в иную юрисдикцию. Тем самым право опеки над ребенком в части решения о смене им места постоянного проживания может быть ограничено необходимостью получения согласия на это родителя, обладающего правом доступа к ребенку. Так, Верховный Суд США в деле *Abbott v. Abbott* прямо приравнял право вето (*ne exeat*) на выезд ребенка в другую юрисдикцию к праву опеки в понимании Гаагской конвенции 1980 г. На основании этой трактовки было принято решение о возвращении ребёнка из США в Чили, являющуюся страной его постоянного места проживания, из которой он был вывезен без согласия отца².

Согласно российскому законодательству, права и обязанности по воспитанию детей и заботе о детях равным образом возложены на обоих родителей (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, п. 1 ст. 61 СК РФ, п. 2 ст. 65 СК РФ) и не поставлены в зависимость от формального оформления брачных отношений (ст. 53 СК РФ). В нашей стране закон не допускает ситуацию, при которой один из родителей обладал бы лишь правом доступа к ребёнку и был

---

¹ См.: *Pérez-Vera E.* Explanatory Report on the 1980 Hague Child Abduction Convention. HCCH Publications, 1982. § 84. URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=2779> (дата обращения: 10.02.2020).

² См.: *Silberman L.J.* The Hague Convention on Child Abduction and Unilateral Relocations by Custodial Parents: A Perspective from the United States and Europe - *Abbott, Neulinger, Zarraga* // New York University School of Law. Public Law & Legal Theory Research Paper Series Working Paper No. 12-02. 2012. P. 733-742.

бы ущемлён во всех иных правах, связанных с заботой о ребёнке, его воспитании и обучении. Исключения составляют случаи ограничения родительских прав, условиями для которого выступает виновное поведение родителя (ст. 69 СК РФ), либо же случаи наличия обстоятельств, от родителей (одного из них) не зависящих (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др.) (ст. 73 СК РФ).

При расторжении брака место проживания ребёнка определяется соглашением родителей или же, при недостижении ими согласия по данному вопросу, судом (ст. 24 и п. 3 ст. 65 СК РФ). Вне зависимости от места проживания ребенка, за обоими родителями сохраняется равный объем прав и обязанностей в отношении ребенка. Тем самым находящиеся в разводе родители осуществляют совместную опеку над ребенком. В случае незаконного удержания или незаконного перемещения ребёнка из России как страны постоянного места проживания одним родителем, второй вправе требовать его возвращения.

В научной литературе справедливо отмечается, что «действующее правовое регулирование отношений, связанных с выездом несовершеннолетних детей за пределы Российской Федерации, является фрагментарным и несистемным»¹. С одной стороны, следует признать верным подход отечественного законодателя, сохранившего за обоими родителями равный объем прав и обязанностей вне зависимости от того, с кем из них проживает ребенок. С другой стороны, учитывая то, что, как правило, на практике совместно проживающий с ребенком родитель принимает несоизмеримо большее участие в жизни ребенка, целесообразно детально регламентировать комплекс правомочий каждого из отдельно проживающих родителей, в том числе и объем прав и обязанностей,

---

¹ См.: Дергунова В.А., Голубенко К.А., Закожурникова Д.О. Правовое регулирование порядка выезда несовершеннолетних граждан из Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 83.

касающихся порядка выезда несовершеннолетнего за пределы страны. При этом, безусловно, не должен быть нарушен баланс прав и обязанностей родителей, гарантированный ч. 2 ст. 38 Конституции РФ.

Так, в частности, по мнению А.В. Демкиной, «статью 65 СК РФ можно было бы дополнить следующим положением: если иное не установлено решением суда или утвержденным судом соглашением родителей, родитель, с которым проживает несовершеннолетний ребенок, вправе в соответствии с законом определять место жительства или место пребывания ребенка»¹.

При этом, как пишет Т.В. Краснова, «необходимо отразить в СК РФ и придать самостоятельное значение праву доступа к ребенку, где бы он ни находился, с учетом требований, продиктованных спецификой обстоятельств. Право доступа в данном случае должно быть интерпретировано в его непосредственном значении, а не в смысле аналогичного термина, используемого в русском переводе Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.»².

Эти предложения представляются небезынттересными и заслуживающими внимания с точки зрения необходимости дальнейшего совершенствования материально-правовых основ рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

В настоящее время переезд несовершеннолетнего в другую юрисдикцию допускается с согласия обоих родителей. В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда

---

¹ Демкина А.В. Споры о детях: место жительства ребенка и порядок осуществления родительских прав // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 80.

² Краснова Т.В. Содержание родительских прав: перспективы укрепления правового положения родителей в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 104.

из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹, в случае, если один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей заявит о своем несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации, вопрос о возможности его выезда разрешается в судебном порядке. Запрет отца или же матери ребёнка на его выезд за пределы России оформляется в письменном виде с соблюдением требований, установленных Постановлением Правительства РФ от 12 мая 2003 г. № 273 «Об утверждении Правил подачи заявления о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации»².

Н.В. Тригубович в этой связи указывает на опасность того, что недобросовестный родитель может волюнтаристским образом вывозить ребёнка за пределы России, что имеет своим следствием утрату связи как с оставленным родителем, так и с местом постоянного проживания ребёнка³.

По российскому законодательству вывоз несовершеннолетнего за пределы России одним из его родителей расценивается как незаконный в случаях запрета на выезд ребенка: по заявлению другого родителя в порядке, предусмотренном ст. 21 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», либо по судебному решению, либо по нотариально удостоверенному соглашению между родителями о порядке осуществления родительских прав.

---

¹ См.: Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.08.1996. № 34. Ст. 4029.

² См.: Постановление Правительства РФ от 12.05.2003 № 273 «Об утверждении Правил подачи заявления о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.05.2003. № 20. Ст. 1902.

³ *Тригубович Н.В.* Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство // Закон. 2018. № 6. С. 77.

При этом, следует отметить, что для въезда в визовые страны к родителю предъявляется требование наличия у него нотариально удостоверенного согласия другого родителя на выезд ребенка. Напротив, само по себе презюмирование согласия второго родителя на выезд ребенка в страну, для посещения которой российским гражданам не требуется получать визу, не исключает, что второй родитель, с которым ребенок не проживает, может быть не поставлен в известность о планируемом выезде и, соответственно, не сможет реализовать имеющееся у него право вето на выезд¹.

Возможным решением проблемы было бы закрепление в российском законодательстве императивной нормы, накладывающей на вывозящего за границу ребенка родителя обязанности получать согласие второго родителя на выезд, с точным указанием посещаемой страны (либо стран) и сроков нахождения за пределами Российской Федерации. Однако, подобное законодательное решение приведет к увеличению случаев ущемления прав несовершеннолетних. Обратная сторона медали состоит в том, что недобросовестный родитель может злоупотреблять своими правами, немотивированно, либо же безосновательно препятствуя выезду ребенка за рубеж, например, для целей отдыха, туризма или же обучения. Второй родитель не обладает в подобных ситуациях какими-либо действенными рычагами правового воздействия, в результате чего грубо нарушаются как права ребенка, так и права второго родителя, гарантированные ч. 2 ст. 27 Конституции РФ и п.п. 1, 2 ст. 65 СК РФ. Дети в таких случаях становятся заложниками в межличностных конфликтах своих родителей. Их свобода передвижения, а также конституционные права на отдых и образование

---

¹ См.: *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Согласие родителя на выезд несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации // Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): Сборник научно-практических статей / Под общ. ред. А.Е. Тарасовой. М.: Инфра-М, 2016. С. 61.

нарушаются. При этом, в силу своего возраста, они не в состоянии самостоятельно защитить свои права и свободы в суде.

В качестве пробела также можно расценить то, что в ст. 21 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не регламентирована возможность отзыва родителем своего заявления о несогласии на выезд. Кроме того, в действующем законодательстве не содержится однозначного ответа на вопрос о том, возможно ли подать заявление на выезд из России несовершеннолетнего, обладающего гражданством иностранного государства¹.

Для разрешения обозначенных проблем представляется необходимым: отнести дела о снятии запрета на выезд несовершеннолетнего за пределы России к подсудности по выбору истца по правилам ст. 29 ГПК РФ, установив сокращенные сроки разрешения подобных дел; закрепить необходимость незамедлительного исполнения судебного решения о снятии запрета на выезд (ст. 212 ГПК РФ).

Также представляется необходимым внести в нормы Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» дополнения, согласно которым родитель, въезжающий в Россию с имеющим иностранное гражданство ребенком, должен получить согласие другого родителя на выезд ребенка из страны его постоянного проживания. В настоящее время, как было отмечено в диссертации ранее, подобное требование содержится в законодательстве многих стран Европы. При этом, авторы Конвенции 1980 г.

---

¹ См.: *Тригубович Н.В.* Незаконное перемещение или удержание ребенка согласно Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. и российскому законодательству // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 10.

исходят из того, что гражданство ребенка не является значимым фактором при принятии решения о его возвращении¹.

Значительные трудности вызывает доказывание *эффективности* осуществления данных прав. Так, О.А. Хазова считает, что, в первую очередь, это подразумевает заботу о ребенке². Думается, что реальный характер осуществления опеки определяется, прежде всего, вниманием к ребенку, проявлением к нему заботы, обеспокоенностью его физическим, психологическим здоровьем, его будущим.

При анализе зарубежной судебной практики можно заметить, что эффективное осуществление прав опеки судами понимается по-разному, и в каждом отдельном деле принимаются во внимание конкретные обстоятельства, которые отражают отношение родителя к своему ребенку, даже в тех случаях, когда они проживают отдельно.

Так, бельгийским судом рассматривалось дело, в котором отец ребенка перевез его в Бельгию из Италии, где мальчик проживал с матерью с самого рождения. Стоит отметить, что родители ребенка никогда не состояли в браке и, согласно Гражданскому кодексу Италии, в таких случаях родительские права принадлежат тому родителю, с которым проживает ребенок. На основании этого положения, права опеки осуществлялись матерью ребенка по закону.

Но вопрос состоял в том, осуществлялись ли они ею *эффективно*. Доводы истца строились на том, что с 1994 по 1997 г. ребенок воспитывался в интернате, а после этого большую часть времени проводил у родственников матери.

---

¹ См.: Кравчук Н. Положение о немедленном возвращении ребенка в страну постоянного проживания и исключения из него в праве Гаагской конвенции о международном похищении детей и практике Европейского суда по правам человека // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 1. С. 140.

² См.: Хазова О.А. Некоторые аспекты трактовки понятий незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка в контексте Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. // Закон. 2016. № 10. С. 176.

Суд не согласился с доводами истца и указал, что хотя мать и не проживала вместе со своим ребенком, она все же проявляла заботу по отношению к своему сыну, волновалась и переживала за его состояние¹. Следовательно, можно сделать вывод, согласно которому для установления факта эффективности осуществления прав опеки необязательно проживание вместе с ребенком. Более важным представляется факт заботы, проявления внимательности к ребенку. При этом, данное понятие нельзя трактовать поверхностно, принимая во внимание лишь внешние, формальные признаки. Перед судом стоит задача *глубокого анализа* ситуации взаимоотношений между опекуном и ребенком. Понятие «эффективности» слишком общее и оценочное, определение эффективности осуществления прав опеки в каждом случае строго индивидуально, и прийти к тому или иному выводу можно лишь изучив все обстоятельства дела².

Например, отец приехал к ребенку и якобы для обычной воскресной прогулки по парку на несколько часов, но вместо этого он похитил ребенка, отвез его в другую страну (классический пример сценария 1). В таком случае, становится ясным, что мать ребенка не догадывалась о намерениях отца, была введена в заблуждение, и никакого согласия с ее стороны на пересечение ребенком границы получено не было.

Термин «перемещение» используется для описаний ситуаций, при которых ребёнок вывозится из страны своего постоянного пребывания. Точная дата перемещения, как правило, легко фиксируется посредством установления момента пересечения несовершеннолетним границы страны его постоянного пребывания. Что касается «удержания» ребенка, то этим термином охватываются случаи перемещения несовершеннолетним границы на законном основании, но с последующим неправомерным оставлением в

---

¹ 02/7742/A, Tribunal de premiere instance de Bruxelles, 27/5/2003 [INCADAT cite: HC/E/BE 546].

² Более подробно понятие эффективности будет рассмотрено в третьем параграфе второй главы диссертации.

новом месте. Об удержании как юридическом факте можно говорить в тот момент, когда ребёнок должен был вернуться к оставленному родителю¹.

Трудности доказывания возникают и в случаях *удержания ребенка*, когда похитивший родитель не только забирает ребенка на определенное время, но и не возвращает его в нужный срок. Например, похитивший родитель повез ребенка в другую страну на каникулы, т.е. на определенное время, хотя заранее знал, что возвращать ребенка не будет. В таких случаях, оставленный родитель, действительно, не мог догадываться о планах другого, и даже вполне мог дать согласие на поездку ребенка. В таких случаях необходимо доказать факт заблуждения оставленного родителя. Это может быть доказано перепиской родителей, в которой указывается, на какой срок и с какими целями он дает согласие на поездку ребенка, наличием обратных билетов, свидетельствующих о том, что ребенок должен вернуться в определенное время, сроком визы и т.п.²

Еще одним материальным понятием, вызывающим сложности в доказывании, является «место постоянного проживания ребенка». В английском варианте Конвенции 1980 г. употребляется словосочетание «habitual residence», что дословно переводится как «место обычного проживания». На наш взгляд, существует определенная разница между данными словами, как в русском языке, так и в английском. Обычное место проживания – менее определенное понятие, нежели понятие места постоянного проживания³.

Первое из анализируемых понятий устоялось в международном праве, хотя вызывает ряд проблем и трудностей в понимании и доказывании. Исходя из Конвенции 1980 г., данный термин подлежит широкому

---

¹ См.: *Хазова О.А.* Некоторые аспекты трактовки понятий незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка в контексте Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. // Закон. 2016. № 10. С. 177.

² Более подробно доказывание подобных фактов будет рассмотрено в третьем параграфе второй главы диссертации.

³ *Clive E.M.* The Concept of Habitual Residence. // *Juridical review.* 1997. Part 3. P. 143.

толкованию – охватывать не только писанные нормы, но и нормы обычного права, а также толкование, которое дается данным нормам судебной практикой¹.

В «Обзоре практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года», утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г., указано, что в обоснование страны в качестве места постоянного проживания ребёнка, как правило, приводятся такие доводы, касающиеся: условий, периодичности и общей длительности пребывания ребенка на территории государства; посещения ребёнком детских и учебных заведений на территории государства; сформированность устойчивых семейных и социальных связей на территории государства; знание им языка, наличие гражданства; иные причины, побуждающие родителей проживать в данном государстве, и их дальнейшие возможности и жизненные планы нахождение на его территории (наличие недвижимости, трудового договора, получение гражданства страны и т.п.) и другие.

Трудности в доказывании этого понятия появляются в случаях, когда ребенка незаконно переместили из той страны, где его родители жили временно (куда, например, переехали родители). Так, в Пятигорском городском суде было рассмотрено дело между гражданином Канады и гражданкой России о возвращении ребенка, незаконно перемещенного на территорию нашей страны из Японии, где некоторое время проживала эта семья. По мнению ответчицы, Япония не являлась местом обычного проживания ребенка, так как она находилась и проживала в данной стране по рабочей визе, оформленной сроком на 3 года, а у супруга и дочери ответчицы имелся статус иждивенцев.

На основе этого примера, можно увидеть разницу между *постоянным* местом проживания ребенка и *обычным*. Обычное место проживания – более

---

¹ Pérez-Vera Explanatory Report on the 1980 Hague child abduction convention. P. 44.

общее понятие, не требующее детализированного установления строгих временных рамок. В обычном месте проживания ребенок может жить и полгода, и год, т.е. это место, в котором ребенок *обычно* живет, но также может и проживать в другом месте, быть гражданином другой страны и т.д.

В свою очередь, место *постоянного* проживания ребенка накладывает временной отпечаток, определенную смысловую «ответственность» на данное место, т.е. это место, где ребенок живет постоянно, какое-то определенное время. В толковом словаре С.И. Ожегова «постоянность» определяется как нечто неизменное, одинаковое все время, рассчитанное на долгий срок¹. Данное понятие обязывает к определению каких-либо временных рамок, что представляется неправильным при рассмотрении исследуемой категории дел, так как установление временного фактора при определении места жительства похищенного ребенка не всегда является обязательным.

М.Л. Шелютто обращает внимание на то, что «в отечественной судебной практике постоянное проживание ребенка продолжает ассоциироваться с регистрацией ребенка по месту жительства, хотя ни один из международных договоров Российской Федерации, определяющий подсудность и (или) подлежащее применению материальное право, даже при использовании понятия «местожительство», такого условия не включает и не подразумевает»².

Место постоянного проживания – это то место, в котором семья не только жила длительное время, но и намеревалась проживать и в дальнейшем. Если истекший срок проживания в данном месте относительно не большой и ранее люди переехали из другой страны, то суд должен

---

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. С. 651.

² Шелютто М.Л. О применении правил о международной подсудности дел, возникших из правоотношений родителей и детей // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 25. С. 170.

принимать в расчет следующие обстоятельства: продана ли недвижимость в месте предыдущего проживания; какова была причина переезда; проживает ли семья в настоящий момент на новом месте в арендованном жилье или же в собственном; имеют ли взрослые члены семьи работу, связанную со страной проживания, каков характер этой работы (временный или же постоянный); имеют ли банковские счета в данном государстве; оформлен ли ребенок в дошкольные образовательные учреждения или в школу и посещает ли их; посещает ли ребенок те или иные досуговые центры и др.¹

Как верно пишет О.А. Хазова, «решающее значение, как правило, имеет то, стала ли новая страна сосредоточением жизненных интересов семьи – их новым «центром тяжести»»².

В случаях похищения ребенка из страны, в которой он проживал временно, более правильным будет установить цель поездки в эту страну и *положение* в ней ребенка, привык ли к этому месту ребенок, адаптировался ли он там, считал ли он эту страну местом своего проживания. Ведь если ребенок не был привязан к данному месту, оно не может являться ни местом обычного проживания, ни местом постоянного проживания, и не подпадает под территориальное действие Конвенции 1980 г., целью которой является защита ребенка от последствий перемещения, а именно от психологического вреда, который может быть причинен перемещением из места, к которому он привык, в совершенно иное место. Каждый ребенок индивидуально адаптируется к различным местам, кому-то достаточно и месяца, чтобы привыкнуть, а кому-то не хватит и года. Следовательно, при определении места проживания ребенка неправильно исходить из каких-либо временных рамок проживания ребенка в каком-либо месте.

На основе вышеприведенного примера видно, что ответчица проживала вместе со своей семьей в Японии, куда переехала из Канады сроком на три

---

¹ См.: Clive E.M. The Concept of Habitual Residence // Juridical review. 1997. Part 3. P. 143.

² Хазова О.А. Присоединение России к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права // Закон. 2012. № 5. С. 180.

года (что подтверждается как сроком рабочей визы, так и сроком ее трудового договора). Ребенок проживал вместе с ней (на момент похищения около года). Японию, в данном случае, мы можем назвать местом обычного проживания ребенка, так как он там жил, учился, находился определенное время и никуда не собирался уезжать в обозримом будущем. Местом постоянного проживания Японию назвать сложно, так как через три года мать с ребенком покинули бы эту страну, *постоянно* они там жить не собирались. Соответственно, можно ли считать незаконным похищением действия матери в данном случае? Думается, что да. Ребенок жил в этой стране, он успел в ней адаптироваться, он к ней привык, в этой стране он ходил в школу, в больницу, посещал кружки и находился в окружении своей семьи. Мать, не уведомив отца, без его согласия, увезла ребенка в другую страну. По всем признакам, она незаконно переместила ребенка.

В свете Конвенции 1980 г. более правильным будет использование понятие *обычного* проживания ребенка, так как его можно толковать шире, и оно охватывает гораздо больше случаев, чем понятие «*постоянного*».

Таким образом, можно прийти к двум выводам, во-первых, для целей Конвенции 1980 г. правильнее будет использование понятия «место обычного проживания ребенка» в его широкой трактовке, во-вторых, при доказывании юридических фактов, связанных с данным понятием, нужно исходить из целей проживания в какой-либо стране, из «повседневности» проживания, а именно проводят ли они свою жизнь в данном месте. Например, если бы эта семья поехала в Японию в туристическое путешествие, и оттуда было бы совершено перемещение ребенка – Япония бы не являлась местом обычного проживания. Главным критерием оценки и доказывания места проживания является – цель поездки и адаптация ребенка в данном месте, а не временные рамки нахождения в определенной стране. Только исходя из цели поездки можно определить является ли место обычным проживанием или нет, временной фактор является

факультативным, дополнительным и не должен служить главным аргументом, основанием для принятия решения.

Право доступа в отношении ребенка является еще одним материально-правовым понятием, отражающемся на предмете судебного рассмотрения и судебной защиты. Данное право, согласно ст. 5 Конвенции 1980 г., включает право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания, т.е. это возможность родителя, который не проживает вместе с ребенком, забирать его на тот или иной ограниченный срок в другое место.

Родитель может обратиться в суд за защитой нарушенных прав доступа на основании Конвенции 1980 г. Защита данного права происходит вне зависимости от того, был ли ребенок незаконно перемещен или удержан.

Судебная защита в данной категории дел заключается в восстановлении права доступа к ребенку, а не в переезде ребенка в страну проживания другого родителя. Наиболее частым примером нарушений прав доступа является случай, похожий на сценарий 4 (описанный выше), а именно когда после развода, родитель, проживающий с ребенком, меняет место жительства и уезжает в другую страну. Другой родитель может не возражать против подобных действий, но у него остается право на общение с ребенком, которое вследствие такого переезда может быть нарушено, и необязательно сразу, а по истечении нескольких лет.

Естественно, в подобных случаях возвращать ребенка данному родителю неправильно. Восстановление *status quo* через возвращение ребенка в его первоначальное обычное место жительства имеет смысл только в качестве реакции на похищение или удержание. В подобных случаях родитель переехал, принял меры для налаживания жизни ребенка, который уже мог адаптироваться в новом месте, завести друзей и интегрироваться в социум в новой стране, применять рассматриваемый правовой механизм возвращения было бы неправильно. «Возвращение» ребенка в таком случае можно расценивать как новую смену места жительства, как принудительный

переезд, который пагубно может отразиться на психологическом и физическом состоянии ребенка¹.

На данный момент процессуальное законодательство нашей страны связывает незаконное перемещение и удержание ребенка с правами доступа. Так, в ст. 244.11 ГПК РФ говорится о «заявлении о возвращении незаконно перемещенного или удерживаемого в Российской Федерации или об осуществлении в отношении *такого* ребенка прав доступа». Однако, это совершенно разные категории дел, в связи с чем слово «такого» должно быть исключено из ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ².

Взаимосвязь материального и процессуального права прослеживается и в исчислении сроков. Определение точных сроков незаконных действий родителей очень важно при судебном рассмотрении исследуемой категории дел, так как ст. 12 Конвенции 1980 г. устанавливает требование незамедлительного возвращения ребенка в случаях, когда с момента его незаконного перемещения и удержания прошло менее одного года. Дело в том, что, как отмечено в п. 109 Пояснительного доклада к Конвенции 1980 г., по истечении года требование незамедлительности утрачивает свою актуальность. Ребенок подлежит возвращению, но не обязательно скорейшему.

Определение сроков при незаконном похищении ребенка не вызывает трудностей, так как таким сроком будет являться момент пересечения границы государства обычного проживания ребенка³. Более сложным является исчисление сроков незаконного удержания, так как данные действия являются дилеммой и определить точное начало удержания иногда бывает

---

¹ *Dalley, M.L.* The Left-Behind Parents' View of the Parental Abduction Experience: Its Characteristics and Effect on the Canadian Victims. Ottawa, Royal Canadian Mounted Police. 2007. P. 23.

² Критика формулировки ст. 244.11 ГПК РФ была ранее высказана в работе: *Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л.* Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. 2015. № 5.

³ *Schuz Rh.* The Hague Child Abduction Convention: A Critical Analysis. Oxford, 2013. P. 142.

сложно. Судебная практика европейских стран выработала практику, согласно которой начало незаконного удержания исчисляется с момента, когда оставленный родитель не получил обратно своего ребенка¹.

Например, родитель А. отпускает своего ребенка в Данию с родителем Б. на каникулы на две недели. Из Дании ребенок должен вернуться 26-го сентября, но уже 17-го сентября Б. сообщает матери, что ребенка не вернет и останется с ним в Дании. Какой день должен быть началом незаконного удержания в данном случае? По мнению европейских судов, началом срока будет 26-ое сентября, так как: а) А не мог быть уверен в словах Б; б) именно в этот день ребенок должен был вернуться домой и только этот день может являться отправной точкой.

Действительно, первый родитель не может быть уверен в словах другого и не может знать наверняка будет ли возвращен ребенок в нужный срок. Только убедившись в правдивости слов, он может начать предпринимать действия, направленные на возвращение своего ребенка. Слова похитившего родителя о своих планах не возвращать ребенка не всегда могут быть верными, вызывать точную уверенность. Не всегда они могут быть высказаны прямо и однозначно. Исходя из этого не представляется допустимым лишать оставленного родителя необходимого времени для защиты своих прав.

Подобная практика европейских судов позволяет дать такому родителю немного больше времени для защиты нарушенных прав, так как даже один день в данных делах играет существенную роль. При этом, не всегда оставленный родитель знает точное местонахождение ребенка, не всегда у него есть средства для поиска и реализации восстановительных действий.

Определение точного срока влияет на предмет доказывания по исследуемой категории дел. Как сказано в абз. 2 ст. 12 Конвенции 1980 г.,

---

¹ См., например: *Booth, A. & Amato, P.R.* Parental predivorce relations and offspring postdivorce wellbeing. *Journal of Marriage and Family*, 63, 2001, P. 197–212; cases: *Adžić* in Croatia, 12 March 2015; *Hoholm* in Slovakia, 13 January 2015; *Rouiller* in Switzerland, 22 July 2014.

даже в том случае если процедуры начались по истечении срока в один год, прошедшего со дня незаконного перемещения или удержания ребенка, судебный или административный орган также обязан предписать возвратить ребенка, если только не будет доказано, что ребенок адаптировался в новой среде.

При этом, факт адаптации ребенка подлежит доказыванию лишь в том случае, если он выдвинут ответчиком в качестве защиты от иска. Оставленному родителю легче будет вернуть ребенка в страну его обычного проживания до года, нежели после, так как после истечения одного года ответчик может доказать, что ребенок адаптировался в новой стране, и повторное перемещение может пагубно на нем сказаться. Следовательно, практика исчисления срока удержания направлена на то, чтобы не допустить «поощрения» ответчика в ходе судебного заседания, не поощрять его за то, что он совершил незаконные действия. Ведь зная о том, что у оставленного родителя мало времени для судебной защиты, он может целенаправленно заявить о своих планах раньше. Как указал английский суд в одном из своих решений, похитивший родитель не должен получить выгоду из договоренности, которую сам нарушил¹. Для предотвращения подобных действий представляется правильным считать началом незаконного удержания день, в который ребенок должен был вернуться в государство обычного проживания.

Установление точного срока незаконного перемещения или удержания ребенка важно и в определении вопроса о том, применялась ли Конвенция 1980 г. на территории страны или нет. Особенно данный вопрос актуален для нашей страны, так как она присоединилась к Конвенции 1980 г. относительно недавно, и не все страны-участницы еще признали ее присоединение.

---

¹ Судебное дело «Re S (Minors) (Child Abduction: Wrongful Retention)» // URL: <http://incadat.com/index.cfm?act=search.detail&cid=117&lng=1&sl=1> (дата обращения: 10.02.2020).

Интересным примером в этой связи служит приведенное раннее дело, рассмотренное в Пятигорском городском суде. Спор был между гражданином Канады и гражданкой России о возвращении ребенка, незаконно перемещенного на территорию нашей страны из Японии, где некоторое время проживала эта семья. Незаконное перемещение было совершено ответчицей 15 марта 2014 года. В свою очередь, Япония признала присоединение Российской Федерации к Конвенции 24 января 2014 года. Указанное присоединение вступило в силу только с 1 апреля 2014 года, что отражено в уведомлении Министерства иностранных дел Королевства Нидерландов, осуществляющего функции депозитария по Конвенции 1980 года, и в ноте Посольства Японии в Нидерландах № 07-Р-2014 от 24.01.2014 года¹.

Согласно нормам, содержащимся в ст. 38 Конвенции 1980 г., присоединение будет иметь силу только в отношениях между присоединившимся государством и теми договаривающимися государствами, которые заявят о своем признании присоединения. В силу норм, содержащихся в ст. 35 Конвенции 1980 г., последняя применяется между договаривающимися государствами только в отношении незаконных перемещений или удержаний, которые имели место после ее вступления в силу в этих государствах. Исходя из буквального толкования норм, содержащихся в Конвенции 1980 г, суд пришел к выводу о том, что в двусторонних отношениях между Российской Федерацией и Японией Конвенция 1980 г. действует с 1 апреля 2014 года, тогда как судом установлено, что незаконное перемещение произошло 15 марта 2014 года. На данном основании суд отказал в удовлетворении исковых требований.

Следовательно, можно сделать вывод о существенном влиянии сроков из материального права на процессуальное право. Правильное исчисление сроков приводит к формированию предмета доказывания. Исчисление сроков

---

¹ Решение по делу № 2-39**-1* // Архив Пятигорского городского суда.

влияет и на возможность судебной защиты нарушенных прав, ведь если государство-участник Конвенции 1980 г. не признало присоединение к Конвенции 1980 г. на момент перемещения и удержания ребенка, у родителя отсутствует возможность подачи искового заявления о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г.

Завершая анализ, проведенный в данной части диссертации, следует отметить, что влияние материального права на процессуальное прослеживается на всех стадиях процесса, что особенно видно на примерах дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Нормы Конвенции 1980 г. предопределяют особенности судебного процесса, что прослеживается на предмете судебной защиты, субъектном составе лиц, участвующих в деле, предмете доказывания и т.д. Изучение, понимание процессуальных особенностей дела невозможно в отрыве от материальной составляющей данных дел, так как она помогает в понимании проблемных моментов, в их разрешении.

В качестве выводов, полученных при анализе вопросов соотношения материально-правовых и процессуальных норм, их влияния друг на друга по исследуемой категории дел, необходимо отметить следующие положения.

Дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа – это осложненные иностранным элементом и не предусматривающие возможность подачи встречного искового заявления или соединения нескольких исковых требований семейные споры о восстановлении нарушенных в стране-участнице Конвенции 1980 г. прав ребенка, прав опеки оставленного родителя или иного законного представителя и прав доступа, рассматриваемые и разрешаемые по правилам искового производства на основе учета наилучших интересов ребенка, посредством возвращения ребенка или устранения препятствий к доступу к ребенку в случае незаконности его перемещения или удержания и отсутствия позволяющих оставить ребенка обстоятельств-исключений из принципа незамедлительного возвращения похищенного ребенка.

Общественные отношения, складывающиеся в связи со спорами о возвращении ребенка и осуществлении в отношении ребенка прав доступа, регламентированы, находящимися в тесной взаимосвязи друг с другом, нормами материального и процессуального права. Эта взаимосвязь определяет процессуальную форму по делам данной категории и проявляется в обусловленных правовой природой спорных материально-правовых отношений и положениями Конвенции 1980 г. особенностях: предмета судебной защиты, в качестве которого выступают нарушенные права ребенка, а также права опеки и доступа оставленного родителя; иска как средства защиты нарушенного права, сочетающего материально-правовые (требование истца к ответчику об устранении нарушения права, исполнения установленной обязанности) и процессуально-правовые (просьбу истца к суду о рассмотрении и разрешении спора, возникшего между ним и ответчиком) начала; искового производства, а именно, невозможности подачи встречного искового заявления, а также невозможности соединения нескольких исковых требований и смешения дел данной категории с другими категориями дел; состава участников судебного разбирательства (роль Центрального органа, а также ограниченность возможности судебного разбирательства территориальным действием Конвенции 1980 г.); предмета доказывания (юридическое содержание значимых для доказывания по делам данной категории понятий раскрыто в Конвенции 1980 г.); сроков, определяющих возможность судебного разбирательства (применение Конвенции 1980 г. на территории страны в момент перемещения и удержания ребенка), а также предмет доказывания.

Повышению эффективности и сокращению сроков разрешения споров о возвращении ребенка и об осуществлении в отношении ребенка прав доступа должно способствовать расширение сферы использования семейной медиации. В этих целях необходимо: активизировать международное сотрудничество в данной области, в том числе расширить медиативное сотрудничество в рамках межгосударственных контактов, направленных на

разрешение дел о возвращении ребенка и обеспечение прав доступа к ребенку; возложить функции семейной медиации на имеющих профессиональную подготовку сотрудников Центрального органа, специализирующихся на делах этой категории; создать контактный центр по организации медиации по делам, касающимся Конвенции 1980 г. оформить соответствующие медиативные процедуры в виде специально разработанных регламентов, охватывающих порядок одобрения, взаимного признания и исполнения медиативных соглашений в странах-участницах Конвенции 1980 г.

Дела о снятии запрета на выезд несовершеннолетнего за пределы России целесообразно отнести к подсудности по выбору истца по правилам ст. 29 ГПК РФ, установив сокращенные сроки разрешения подобных дел; закрепить необходимость незамедлительного исполнения судебного решения о снятии запрета на выезд (ст. 212 ГПК РФ). В нормы Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» необходимо внести дополнения, согласно которым родитель, въезжающий в Россию с имеющим иностранное гражданство ребенком, должен получить согласие другого родителя на выезд ребенка из страны его постоянного проживания.

ГЛАВА 2. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА

§ 2.1 Подсудность дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа

Дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа требуют пристального внимания и четкого законодательного регулирования, так как затрагивают субъективные права и законные интересы детей. Определить подсудность исследуемой категории дел представляется особенно важным, так как именно данный шаг является первым на пути к защите прав опеки и доступа. Именно через институт подсудности лицо может реализовать свое право на судебную защиту, закрепленное как в Конституции РФ, так и во множестве международных актов и договоров¹.

Еще Е.В. Васьковский, понимая важность четкого определения названных понятий, писал, что «юридические дела характеризуются значительным многообразием, и во избежание столкновений между органами гражданской юрисдикции каждому из них законом отведен определенный круг деятельности, в границах которого ему предоставлено право и вместе с тем вменено в обязанность совершать определенные действия»².

---

¹ См., например: «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. № 67; «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.04.1995. № 17. Ст. 1472 и др.

² *Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. - М.: Зерцало, 2003. С. 256.*

Можно сказать, что в доктрине российского цивилистического процесса не возникало споров по поводу определения понятия подсудности¹, под которой обычно понимается свойство юридического дела, позволяющее определить в каком конкретном суде из всей судебной системы оно будет рассматриваться.

Общепринятым является и разделение подсудности на два вида – родовую и территориальную². Еще Е.А. Нефедьев отмечал, что «подсудность дела стоит в зависимости от рода его и от места его возникновения. Отсюда – двоякого рода подсудность: 1) подсудность по роду дел (предметная) и 2) подсудность территориальная»³.

Вместе с тем, как отмечалось в диссертации ранее, дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа отличаются своей спецификой и вводят много новых понятий, новых положений, ранее неизвестных российскому законодательству и российской цивилистической науке, и институт подсудности не стал исключением.

Конвенция 1996 г. наделяет судебные или административные органы государства-места обычного проживания ребенка юрисдикцией принимать меры, направленные на защиту его личности и имущества (ч. 1 п. 5). Исходя из этого положения российские суды вправе, независимо от места жительства ответчика, рассматривать спор, касающийся ребенка, если этот ребенок

---

¹ См., например: *Оситов Ю.К.* Подведомственность и подсудность гражданских дел. - М.: Госюриздат, 1962. С. 92; *Осокина Г.Л.* Подведомственность и подсудность дел гражданского судопроизводства / Сост.: Осокина Г.Л. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993.С. 25; *Аргунов В.Н., Борисова Е.А., Иванова С.А.* и др. Практикум по гражданскому процессу. Учебное пособие / Под ред. М.К. Треушникова. - М.: Городец, 2008. С. 23.

² Данное разделение на виды упоминается в работах: *Гражданский процесс* / Под ред. *В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота.* - М.: Гардарики, Проспект, 2001.. С. 113-115; *Оситов Ю.К.* Подведомственность и подсудность гражданских дел. М., 1962. С. 92; *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс: Общая часть. - М., 2003. С. 415; *Настольная книга судьи по гражданским делам* / Под ред. Н.К. Толчеева. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2008. С. 13; *Гражданское процессуальное право* / Под ред. *М.С. Шакарян.* - М., 2004. С. 134.

³ *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. - М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1908. С. 94-95.

имеет обычное место жительства в Российской Федерации. Местом обычного проживания ребенка признается место, в котором он на длительной основе или же постоянно проживает и с которым связана значительная степень его интеграции в семейное и социальное окружение¹.

В ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ законодатель в каждом федеральном округе определил районный суд, который компетентен рассматривать дела о возвращении ребенка по первой инстанции. Нужно отметить, что данные суды преимущественно расположены в тех же местах, где располагаются верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области и суды автономных округов. Исключение составляет Пятигорский городской суд, в который подаётся соответствующее заявление при пребывании ребенка в пределах Северо-Кавказского федерального округа.

Примечательным является опыт Германии, которая не сразу ввела данный вид подсудности, а лишь через девять лет после того, как ратифицировала Конвенцию 1980 г. и суды данной страны начали рассматривать подобные дела. В течение этого периода более 600 судов Германии рассматривали дела о возвращении детей или об осуществлении прав доступа к ним. Нарушая сроки, неправильно руководствуясь национальным законодательством, они зачастую смешивали исследуемую категорию дел с делами об определении места жительства ребенка и об осуществлении родительской опеки.

В нашей стране, как отмечалось в диссертации ранее, ни в науке, ни в практике никогда не было подобной разновидности подсудности. В этой связи представляется необходимым тщательно проанализировать и раскрыть ее правовую природу.

---

¹ См.: Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года: Научно-практический комментарий / Отв. ред. *Н.В. Тригубович, О.А. Хазова*; Исслед. Центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. - М.: Статут, 2016. С. 58-79.

В современной отечественной науке еще не сложилось единообразного мнения и подхода к данной категории подсудности. Так, Н.Г. Галковская называет данный вид подсудности «централизованной», не давая четкого определения и объяснения своему понятию, и просто перечисляя какие именно суды вправе рассматривать данную категорию дел¹. Другие авторы также перечисляют компетентные суды, рассматривающие исследуемую категорию дел, подчеркивая плюсы и минусы такого подхода, но не дают определения данному виду подсудности². Общим является и то, что практически все авторы указывают на то, что положение, содержащееся в ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ, является особым видом именно родовой подсудности, а территориальная подсудность, на их взгляд, зависит от фактического или последнего известного места нахождения ребенка.

Думается, что такой подход к определению подсудности дел о возвращении ребенка недостаточно полон. В данном случае, прослеживается именно смешение и взаимосвязь двух видов подсудности – родовой и территориальной. Они выступают в совокупности как единое целое.

В ст. 244.11 ГПК РФ законодатель определяет не только родовую подсудность дел, наделяя районные суды правомочием рассматривать дела по исследуемой категории дел, но также закрепляет и территориальные признаки, указывая какие именно районные суды и в каких именно субъектах федерации они могут рассматривать дела о возвращении детей или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

---

¹ Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 206.

² Семина Т.А. Применение в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, заключенной в г. Гааге 25 октября 1980 г. Реформа законодательства. Механизмы медиации // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 3-6; Семина Т.А., Тригубович Н.В. К вопросу о реализации в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 2-6.

В.М. Жуйков отмечает, что юрисдикция районных судов определяется местом пребывания ребенка в пределах соответствующего федерального округа, который согласно законодательству о судоустройстве не является судебным. Ученый указывает на то, что это является «особым аналогом слияния родовой и территориальной подсудности»¹. Разделяя позицию автора, представляется нужным отметить, что действительно, разделение территориальной компетенций судов по федеральным округам является новым для нашей страны, и данное разделение выходит за рамки пределов обычных судебных участков.

До этого времени критерием разделения территориальной подсудности выступал не род дела, а определенные места. В зависимости от этого территориальная подсудность подразделялась на определенные разновидности².

Глава 22.2 ГПК РФ в ч. 2 ст. 244.11 вводит не только новый критерий территориальной подсудности – последнее место пребывания ребенка в Российской Федерации, но и указывает конкретный суд на этой территории, который рассматривает дела именно данной категории, данного рода.

Тем самым, происходит смешение двух видов подсудности – родовой и территориальной. Законодатель четко определяет виды судов, их полномочия по рассмотрению дел о возвращении детей, а также определяет их пространственную компетенцию. Смешение родовой и территориальной подсудности приводит к концентрации исследуемой категории дел в определенных судебных центрах, правомочных рассматривать дела. Так, по оценке Н.В. Тригубович, использование законодателем «принципа концентрации юрисдикции», «позволило обеспечить персонификацию и специализацию судейского состава, которые будут способствовать

---

¹ Проблемы развития процессуального права России: монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. М.: Норма, Инфра-М, 2016. С. 79.

² Осокина Г.Л. Подведомственность и подсудность дел гражданского судопроизводства. - Томск. 1993. С. 28.

скорейшему накоплению опыта рассмотрения указанной категории дел, развитию взаимодействия российских судей с иностранными судьями, вхождению российского представителя в Международную гаагскую сеть судей»¹.

В данном случае сложно не вернуться к понятию «централизованной» подсудности, о которой писала Н.Г. Галковская, и согласиться с выбором такого названия данному виду подсудности, но представляется нужным раскрыть данное понятие, дать ему определение, так как в российской процессуальной науке оно отсутствует, как и отсутствует сам анализ подобного вида подсудности.

Слово «централизованный» в различных словарях объясняется как то, что сосредоточено в едином центре², что исходит из центра³. «Централизованность» указывает на то, что различного рода действия и силы не только находятся в едином центре, но также и исходят из него.

При определении подсудности дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа происходит смешение родовой и территориальной подсудности, что приводит к ее централизации в едином месте. Рассмотрение дел данной категории происходит в строго определенных судах, которые, условно, можно назвать центрами подсудности. В подобных центрах и происходит смешение как «рода» дел, так и их территориальной компетенции. В нашей стране за основу берется федеральный округ, в котором определяется единый центр – один суд, рассматривающий дела исследуемой категории на территории федерального округа. Например, в Центральном федеральном округе таким центром

---

¹ Тригубович Н.В. Порядок рассмотрения судами дел о возвращении ребенка в государство постоянного проживания в случае его незаконного перемещения или удержания // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 26.

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - М., 2000. С. 456.

³ См.: Толковый словарь Ушакова URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 10.02.2020)

является Тверской районный суд города Москвы, а в Южном федеральном округе – Первомайский районный суд города Ростова-на-Дону.

В «Обзоре практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года», утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. приведены данные, согласно которым «за период с 2016 по 2018 год судами первой инстанции с вынесением решения рассмотрено 71 дело о возвращении ребенка, из которых в 2016 году рассмотрено 13 дел, в 2017 году – 26 дел, в 2018 году – 32 дела»¹. Тем самым, можно констатировать наличие тенденции всё большей востребованности анализируемого процессуального механизма.

Районные суды, определенные законодателем центрами подсудности, за исключением Пятигорского городского суда, используемого при пребывании ребенка в пределах Северо-Кавказского федерального округа, располагаются в месте нахождения верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов, которые, в свою очередь, выступают судами второй инстанции.

Правильность выделения единого центра в каждом федеральном округе не вызывает сомнений. Исходя из большой территории нашей страны было бы неоправданно создавать один центр на всю страну, так как это вызывало бы различные трудности в рассмотрении данной категории дел. У сторон дела могли бы отсутствовать экономические и физические возможности участия в процессе, возникали бы сложности с предоставлением или истребованием недостающих доказательств, участием свидетелей и иных лиц. Подобное рассмотрение дела отразилось бы и на сроках рассмотрения, процесс мог затягиваться ввиду всевозможных причин.

---

¹ «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Выделение единого центра в каждом субъекте Российской Федерации также не представляется оправданным исходя из-за незначительного количества рассматриваемых дел и важности единообразия практики, специализации судей. Например, за 2016 год в районные суды поступило сто семьдесят девять исковых заявлений о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г. Если условно разделить данные дела на количество федеральных округов, то получается, что в среднем каждый федеральный округ рассматривает около двадцати дел исследуемой категории в год. При разделении же названного количества исковых заявлений на количество субъектов Российской Федерации получается, что каждый судебный центр в субъекте нашей страны будет рассматривать в лучшем случае около двух дел, что является нецелесообразным с точки зрения неоправданности затрат ресурсов. Вспоминается и опыт Германии, о котором говорилось ранее, в которой каждый районный суд был правомочен рассматривать данные дела, что привело к многочисленным нарушениям сроков рассмотрения, неправильному пониманию правовой природы дел, а именно к смешению исследуемой категории дел с делами о воспитании ребенка, об определении места жительства ребенка и т.п.

Данный пример показывает важность централизации подсудности в правильно определенных территориальных пределах. Думается, что в нашей стране оптимальным «пределом» должен выступать федеральный округ. Определенный судебный центр в каждом федеральном округе помогает решить проблемы, связанные с участием сторон, свидетелей и иных лиц в судебном процессе, представлением доказательств и др. Главным плюсом выделения подобного центра является специализация и подготовка судей, единообразие практики, о которой речь пойдет чуть позднее.

Таким образом, можно дать определение централизованной подсудности, под которой следует понимать *смещение родовой и территориальной подсудности в едином судебном центре*, в котором происходит рассмотрение дела по существу. Централизованная подсудность

сочетает в себе три компонента: категорию дела, категорию суда, территориальную компетенцию. Тем самым, законодатель определяет какой конкретный суд на той или иной территории правомочен рассматривать определенную категорию дела.

Так, например, в Чешской Республике процессуальный закон определил судебный центр в муниципальном суде Брно¹.

В Ирландии единым центром рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа также является один судебный участок, а именно Высокий суд.

В странах с большей территорией или более сложным территориальным устройством, данные дела рассматриваются в нескольких судах. В Великобритании сосредоточили подсудность в судах столиц, т.е. в каждой столице, Лондоне, Эдинбурге и Белфасте, исследуемая категории дел подсудна высшему суду первой инстанции.

Во Франции, согласно статье D211-9 Кодекса судоустройства, дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа подсудны одному определенному суду на территории каждого суда второй инстанции. Причиной подобного применения централизованной подсудности является возможность специализации судов и судей, что приводит к более быстрому, эффективному и профессиональному рассмотрению исследуемой категории дел. Невозможно представить практику рассмотрения исследуемой категории дел, если бы данные дела были подсудны всем районным судам, судьи которых редко сталкиваются с делами не только с участием иностранных лиц, но и основанными на международном договоре, который содержит много новых понятий и положений, до этого неизвестных российской теории и практике. Несомненно, более правильным решением является специализировать суды, определить какие именно из них должны рассматривать дела по данной

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Чешской Республики: ст. 88 (q)

категории и обучить, подготовить судей для достижения эффективного и правильного рассмотрения исследуемой категории дел.

В.М. Жуйков отмечает, что данный вид подсудности является признанием специализации по определенным категориям дел за определенными судебными присутствиями, когда наблюдается концентрация судебных полномочий в отношении отдельных категорий дел, иначе говоря, действие специализированных судебных присутствий¹.

С ученым сложно не согласиться, так как исследуемый вид подсудности направлен не только на специализацию судов, но и на то, чтобы дела рассматриваемой категории, из-за их специфики и сложности, разрешались судом быстро и эффективно, в краткие сроки. Специализация судей помогает им в сжатые сроки накопить опыт разрешения данных таких дел, и из-за этого рассмотрение подобных дел становится быстрым, качественным и эффективным.

Т.А. Семина также отмечает важность специализации судей и эффективного рассмотрения исследуемой категории дел, указывая на то, что если бы дела о возвращении ребенка рассматривались обычными районными судами, как и другие споры, связанные с воспитанием детей, то это бы весьма негативно сказалось на практике². Вместе с Н.В. Тригубович, ученая отмечает существование потребности обучения судей, увеличения числа судей, которые будут специализироваться на рассмотрении дел, связанных с реализацией Конвенции 1980 г.³

---

¹ Проблемы развития процессуального права России: монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. - М.: Норма, Инфра-М, 2016.

² Семина Т.А. Применение в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, заключенной в Гааге в 1980 г. Реформа законодательства. Механизмы медиации // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 4.

³ Семина Т.А., Тригубович Н.В. К вопросу о реализации в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 5.

Эффективное рассмотрение дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа возможно только в случае специализации судей, их особой подготовки и всестороннему обучению. Так, в частности, изучив российский и французский опыт в рассматриваемой области, А.В. Дюка и Э.Л. Сюкияйнен констатируют, что «в данный момент недостаточно внимания уделяется обучению судей как в России, так и во Франции в области международного семейного права и международных механизмов по защите прав детей. В Российской Федерации все семейные споры рассматриваются судами общей юрисдикции и специализация судей на рассмотрении семейных дел, как правило, отсутствует»¹.

Исследуемая категория дел отличается особой сложностью и спецификой, заключающейся не только в сложности понимания множества оценочных понятий и обстоятельств-исключений, но и в самой природе, характере данных дел. Судья, рассматривающий данное дело, должен понимать его особую природу, связанную, во-первых, с транснациональностью спора и, во-вторых, с правами ребенка. Данные дела касаются семейных ценностей, защиты ребенка от незаконных действий, что требует от судьи не только высокого уровня профессионализма и понимания закона, но и высоких моральных качеств, беспристрастности, объективности. Судья, рассматривающий данные дела не должен придерживаться каких-либо предубеждений, связанных с гендерными и национальными предрассудками. В связи с этим обучение, специализация судей должна быть направлена не только на понимание международного договора, ее сложных оценочных норм, но и на повышение его духовных качеств.

Как ребёнок, так и кто-либо из его родителей не могут быть дискриминированы. Это предполагает, что выбор место проживания ребёнка не может быть в какой-либо степени поставлен в зависимость от тех или

---

¹ Дюка А.В., Сюкияйнен Э.Л. Право ребенка на общение с обоими родителями: законодательное закрепление и судебная практика во Франции и Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 57.

иных национальных, половых или же иных характеристик одного из его родителей.

Некоторые российские исследователи, в частности, В.А. Карташкин и Р.М. Юсупов, видят в этом решении ущемление требования наилучшего обеспечения интересов ребенка, выраженное в создании угрозы при воспитании ребёнка родителем с гомосексуальной ориентацией разрушения традиционных норм и трансляции ребёнку искажённого представления о семье, а также роли мужчины и женщины в обществе¹.

По мнению В.П. Кабанова, «принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка базируется на институте семьи, понимаемом как союз мужчины и женщины, состоящих в браке. Установлено, что усыновление (удочерение) ребенка однополыми парами, независимо от того, находятся ли они «в союзе», влечет нарушения следующих естественных прав ребенка, гарантированных на международно-правовом уровне: право ребенка на семью; право ребенка на мать и на отца; право ребенка на свою половую идентичность и половую самоидентификацию, а также право на половую неприкосновенность; право ребенка на собственные убеждения и нравственно-этические установки; права ребенка на полноценное развитие и на охрану его психического и нравственного здоровья; права ребенка на национально-культурную идентичность и на приобщение к родной культуре»².

С подобной оценкой вряд ли можно согласиться, так как в настоящее время уже около тридцати стран мира признали возможность заключения на их территории однополых браков. Причём, в числе этих стран наиболее экономически развитые государства Европы и Америки с демократическим политическим режимом, гарантирующие своим гражданам, в том числе

---

¹ *Карташкин В.А., Юсупов Р.М.* Традиционные ценности человечества и обеспечение прав человека // Противостояние терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2013. № 3. С. 41-49.

² *Кабанов В.П.* Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве. Дисс. ... докт.ю.н. - М., 2019. С. 25.

несовершеннолетним, высокий уровень защиты их прав и свобод. Правовое регулирование личных неимущественных прав членов однополых семейных союзов в законодательствах зарубежных стран имеет несомненные особенности. В зарубежных странах объем прав, предоставляемых в результате вступления в подобный союз, зависит от законодательства и может находиться в диапазоне от минимального до столь значительного, что единственное различие с браком заключается только в названии. Однако, сам по себе факт воспитания ребёнка родителем с нетрадиционной сексуальной ориентацией не обязательно обуславливает навязывание ребенку со стороны подобного родителя тех или иных предпочтений относительно норм сексуального поведения.

Как указывал видный российский социолог И.С. Кон, «в феврале 2002 г. авторитетная Американская академия педиатрии опубликовала доклад, одобряющий усыновление и удочерение детей семьями, где оба партнера – представители сексуальных меньшинств. По заключению Академии, подобные семьи способны обеспечить детям мирное, здоровое и эмоционально стабильное детство. Этот вывод основан на результатах специального исследования, которое показало, что жизнь в однополых семьях не наносит никакого ущерба детям»¹.

Присоединение России к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, безусловно, является одним из важнейших факторов построения правового государства и поддержания демократических ценностей. Ее трактовка дается Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) при вынесении решений по конкретным делам. Тем самым, акты ЕСПЧ имеют огромное значение для российской практики, в том числе по делам против других государств. В последние 30 лет ЕСПЧ вынес множество решений по вопросам, связанным с правовым положением гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных людей. Недопустимость дискриминации по

---

¹ Кон И.С. Сексуальная культура XXI века // Юридическая психология. 2007. № 2. С. 24.

признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности признается и иными органами Совета Европы¹.

В контексте Конвенции 1980 г. беспристрастность судьи также означает отсутствие национальных интересов при рассмотрении исследуемой категории дел². Национальные интересы могут осознанно (или неосознанно) приводить судей к ненадлежащей защите прав их граждан, когда они участвуют в международных разбирательствах. Подобная защита может расцениваться как дискриминация, основанная на гражданстве, что противоречит нормам Конвенции 1980 г.

Защита прав граждан может вызвать «национальное» толкование концепции наилучших интересов ребенка, которое может привести к тому, что наилучшее место жительства ребенка окажется на территории страны, в которую незаконно перевезли ребенка и в которой проходит судебный процесс, касающийся вопросов его возвращения.

Примером подобной дискриминации является дело «Manic v. Lithuania», рассмотренное Европейским судом. Литовские власти и суд отказывали истцу в предоставлении необходимой информации для быстрой и справедливой защиты им своих прав. Так, он не мог получить ответы Центрального органа относительно местонахождения своего ребенка, после он не мог связаться с государственным адвокатом, которого ему предоставили Литовские власти. Также истец не был уведомлен о времени и дате судебных слушаний по делу, а на его возражения по этому поводу не было никакой реакции. Европейский суд заключил, что литовские власти сделали все, чтобы защитить интересы своего гражданина и не дали

---

¹ Подробнее см.: Избранные решения Европейского суда по правам человека. Вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности / Сост. К. Кириченко. - М.: Московская Хельсинкская группа, 2010. С. 5-6.

² *Freeman M.* The Effects and Consequences of International Child Abduction. *Family Law Quarterly*. 1998. P. 344.

возможности справедливой защиты истцу, иностранному гражданину, что является признаком национальной дискриминации¹.

В данном контексте, подготовка судей, рассматривающих дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, должна включать развитие:

- языковых навыков, способствующих общению между ними и иностранными судьями, специализирующимися на рассмотрении подобных дел в других странах-участницах Конвенции 1980 г.;
- способности к сотрудничеству друг с другом без национальных и гендерных и иных предрассудков (навыки межкультурного общения);
- способности к оперативному, быстрому рассмотрению исследуемой категории дел.

Развитие названных качеств позволит судьям нашей страны общаться с иностранными коллегами, обмениваться с ними опытом, избежать различных предубеждений при рассмотрении исследуемой категории дела.

В современной науке вопрос специализации судов и судей является весьма актуальным, и многие ученые к данному вопросу относятся весьма положительно. Так, И.М. Зайцев пишет о том, что применяемый на практике огромный комплекс материальных предписаний не только влияет на уровень специализации процессуальной формы, но и предопределяет рабочую нагрузку судебных органов, правильность отправления ими правосудия².

Н.Н. Тарусина, рассуждая о взаимодействии семейного и гражданского процессуального права, отмечала, что специфика семейных правоотношений призывает гражданскую процессуальную форму к специализации³.

---

¹ Постановление Европейского суда от 13 января 2015 года по делу «Manic v. Lithuania» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1356> (дата обращения: 10.02.2020)

² Зайцев И.М. Специализация исковой формы защиты права. / И.М. Зайцев, Н.И. Ткачев// Вестник Московского университета. Серия П. Право. 1988. С. 81.

³ Тарусина Н.Н. Проблемы оптимизации взаимодействия семейного и гражданско-процессуального права и законодательства // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и

И.Н. Поляков писал о том, что в целях повышения эффективности правосудия должна проводиться специализация судей¹.

Таким образом, многие ученые выступают за специализацию судей в наиболее сложных, проблемных делах, так как именно это делает отправление правосудия эффективным, законным и оперативным. В делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении него права доступа от судьи требуется не только огромное количество знаний в области международных понятий и практики, но и быстрота, оперативность.

Согласно Конвенции 1980 г., решение по делу о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа должно быть вынесено в шестинедельный срок, но, к сожалению, на данный момент рассмотрение исследуемой категории дел нередко происходит в два раза дольше. Специализация судей направлена на решение этой проблемы, так как при накоплении у судей опыта работы по делам данной категории сроки их рассмотрения должны сократиться.

Для специализации судей многие страны пошли по пути создания специализированных составов внутри судов, которым подсудно рассмотрение исследуемой категории дел в порядке централизованной подсудности. Так, например, в Стокгольмском окружном суде (Швеция) создана семейная коллегия, обладающая исключительной юрисдикцией для вынесения решений о возвращении детей, незаконно ввезенных в Швецию, а также для принудительного исполнения иностранных судебных решений, касающихся порядка возвращения ребенка в страну постоянного проживания.

гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва 31 января – 1 февраля 2001 г. - М.: Лиджист, 2001. С. 330.

¹ Поляков И.Н. Доступность и эффективность гражданского судопроизводства: насущные проблемы и пути их решения // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва 31 января – 1 февраля 2001 г. - М.: Лиджист, 2001. С. 318.

В Бельгии судебные дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, всегда распределяются между председателями пяти районных судов, расположенных в местах нахождения бельгийских апелляционных судов, а именно в Антверпене, Брюсселе, Льеже, Генте и Монсе. Только председатели этих судов могут рассматривать дела указанной категории и принимать решения о возвращении ребенка из Бельгии в государство, в котором он проживал до того, как его привезли в Бельгию.

В Латвии в марте 2015 года определили 12 судей различных районных судов, имеющих право рассматривать дела по исследуемой категории дел.

В свою очередь, в нашей стране, как отмечалось в диссертации ранее, централизованная подсудность предполагает распределение нагрузки между восемью районными судами – по одному районному суду в каждом федеральном округе, что вызывает дискуссии в науке цивилистического процесса.

Так, Н.В. Кравчук пишет о том, что правильнее было бы передать данную категорию дел на рассмотрение в верховные суды субъектов РФ, краевые, областные суды, в суды городов федерального значения, суд автономной области и суды автономного округа в качестве суда первой инстанции¹.

Т.В. Ярошенко также предлагает «изменить подсудность для данного спора путем внесения соответствующих изменений в ч. 2 ст. 244.11 ГПК» и считает, что «более целесообразно рассматривать дела о возвращении ребенка в областном суде по месту пребывания ребенка»². С данным

---

¹ *Кравчук Н.В.* Конвенция о международном похищении детей: законодательные проблемы и перспективы реализации // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 16.

² *Ярошенко Т.В.* Особенности рассмотрения дел о возвращении ребенка на основании международного договора Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 36.

мнением также согласна Н.Г. Галковская¹. Ученые аргументируют свою позицию тем, что у данных судов гораздо больше опыта рассмотрения дел с участием иностранных лиц, чем у судей районных судов, и неправильно выделять какой-либо один районный суд и наделять его особыми полномочиями, отличными от полномочий других районных судов.

В свою очередь, Т.А. Семина и Н.В. Тригубович полностью поддерживают законодателя. Они считают правильным, что дела о возвращении ребенка рассматриваются именно районными судами, приводя в пример опыт Германии и Бельгии. И также согласны с тем, что верховные суды субъектов РФ, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области и суды автономного округа выступают в качестве судов второй инстанции².

Наиболее верной представляется позиция первой группы ученых. На данный момент верховные суды субъектов РФ, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области и суды автономного округа в качестве судов первой инстанции рассматривают несколько категорий дел с «иностранным элементом». Это дела об усыновлении (удочерении) ребенка, состоящего в гражданстве Российской Федерации, гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за ее пределами, иностранными гражданами или лицами без гражданства (ч. 2 ст. 269 ГПК РФ), ходатайства о принудительном исполнении решений иностранных судов (ст. 410 ГПК РФ) и возражений против признания решений иностранных судов, не требующих исполнения (ч. 1 ст. 413 ГПК РФ).

---

¹ Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 206.

² Семина Т.А., Тригубович Н.В. К вопросу о реализации в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 4.

Наиболее схожей, из перечисленных дел, с делами исследуемой категорией являются дела об усыновлении иностранными гражданами российских детей, так как в данном случае юридический конфликт также связан с защитой прав и интересов ребенка, в них тоже требуется осторожное и внимательное отношение со стороны суда к оценке всех фактов и обстоятельств дела. Также, как отмечает Н.В. Матвеева, сегодня дела об усыновлении являются наиболее часто рассматриваемой категорией дел, в которых присутствует иностранный элемент¹.

Примечательным является тот факт, что касательно усыновления детей, законодатель вводит разную подсудность. Если ребенка усыновляют российские граждане, то заявление об усыновлении рассматривается районным судом по месту жительства или месту нахождения ребенка. В случае усыновления ребенка иностранными гражданами, подсудность меняется. Подобные дела рассматриваются только в областных и равных им судах субъектов Российской Федерации.

Очевидно, что законодатель, понимая важность и серьезность данной категории дел, особенно с участием иностранных граждан, решил ввести специальную подсудность судам субъектов Российской Федерации, так как в этих судах работают более опытные судьи, которые смогут подойти к рассмотрению подобных дел с требуемой внимательностью и осторожностью.

Описанный шаг со стороны законодателя в науке не вызывает споров, с чем также, безусловно, нельзя не согласиться. А.С. Абрамова пишет о том, что рассмотрение и разрешение подобных дел судами субъектов Российской Федерации является оправданным, поскольку в данных судах работают

---

¹ Матвеева Н.В. Усыновление (удочерение) детей иностранными гражданами: система и стадии // Труды филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде. - Вологда, 2010, Вып. 9. С. 75.

судьи, имеющие значительный стаж судебной деятельности и жизненный опыт¹.

К.Ю. Бородич обращает внимание на то, что за усыновлением иностранными гражданами детей из Российской Федерации, нужен особый и специальный контроль, не только с самого начала процедуры и до вынесения решения судом, но и после его вступления в силу. Наделение специальной подсудностью областных и равных им судов субъектов Российской Федерации, является верным шагом в осуществлении данного контроля².

Л.М. Пчелинцева указывает на то, что подобный судебный порядок усыновления соответствует Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, мировой практике усыновления детей и в наибольшей степени отвечает интересам ребенка, является гарантией соблюдения его прав и законных интересов³.

Интересным является и положение, указанное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»⁴. В этом постановлении указано, что в суды субъектов Российской Федерации также подают заявления иностранные граждане или лица без гражданства, в том числе и в случаях, когда они постоянно

¹ *Абрамова А.С.* Защита прав и интересов детей – граждан России при их усыновлении иностранными гражданами и лицами без гражданства по законодательству Российской Федерации: дисс. ...канд. юрид.наук. - М., 2008. С. 156

² См.: *Бородич К.Ю.* Усыновление детей – граждан России иностранными гражданами: дисс. ...канд.юрид.наук, 2005. С. 107-120.

³ *Пчелинцева Л.М.* О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: новые разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. 2006. № 3. С. 64.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2013 № 37 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета. 20.12.2013. № 288.

проживают на территории Российской Федерации, поскольку частью 2 статьи 269 ГПК РФ для названных лиц не предусмотрена возможность изменения родовой подсудности дел об усыновлении в зависимости от их места жительства. Если данные лица состоят в браке с гражданами Российской Федерации, с которыми постоянно проживают на территории Российской Федерации, и желают усыновить (удочерить) пасынка (падчерицу), являющегося гражданином Российской Федерации, либо желают совместно с мужем (женой) усыновить иного ребенка-гражданина Российской Федерации, эти дела также будут подсудны соответственно верховному суду республики, краевому, областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа по месту жительства ребенка.

Таким образом, Верховный суд РФ указал на то, что в подобных делах исключений нет: кем бы не было иностранное лицо, как бы долго оно не проживало в России, оно все равно является иностранным гражданином, и его заявления будут рассматриваться судами, указанными в ч. 2 ст. 269 ГПК РФ. Тем самым, и Верховный Суд РФ, и законодатель подчеркивают важность, сложность и серьезность дел, касающихся взаимоотношений между иностранными гражданами и детьми. Подобные дела доверяют только опытным судьям с большим стажем и жизненным опытом.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос о том, почему дела о возвращении детей или об осуществлении в отношении них прав доступа рассматриваются районными судами? Почему в одном случае законодатель четко разграничивает вопросы подсудности между районными судами и областными, а в другом случае передает сложную категорию с иностранным элементом районным судам? Остаётся непонятным, от чего отталкивался законодатель, когда выбирал подсудность дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Вызывает сомнения и выбор конкретных районных судов. Как отмечает Н.Г. Галковская, ранее

никогда еще районный суд определенного города не наделяли какими-то особыми полномочиями, отличными от других районных судов¹.

Как говорилось выше, рассмотрение данных дел должно проводиться не только с большой осторожностью, внимательностью, но и оперативностью. Опыт судьи, его беспристрастность, его специализация помогут ему в краткие сроки вынести обоснованное и законное решение. При определении подсудности подобных категорий дел, отличающихся своей сложностью, нужно отталкиваться, в первую очередь, от такого фактора как опыт.

Опыт судьи в рассмотрении схожих категорий дел поможет ему в быстрые сроки получить знания о новой категории дел, понять наиболее сложные материально-правовые, процессуальные понятия, выработать определенные критерии в рассмотрении таких дел. Судья, рассматривающий дела об усыновлении детей иностранными гражданами, понимает насколько важно беспристрастно и осторожно относиться к защите прав ребенка. У такого судьи есть опыт общения с иностранными гражданами, в изучении иностранной документации, а также международных актов и договоров.

Стоит согласиться с мнением Н.В. Кравчук, о том, что концентрация дел о возврате детей на основании Конвенции 1980 г. в судах субъектов Российской Федерации обеспечит высокое качество их разрешения, соблюдение кратких сроков рассмотрения заявлений, специализацию судей и быстрое накопление ими опыта².

Представляется важным не только передать рассмотрение дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа судам субъектов РФ, но и выделить, сформировать в них

---

¹ Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 206.

² Кравчук Н.В. Конвенция о международном похищении детей: законодательные проблемы и перспективы реализации // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 15.

специализированные составы, рассматривающие семейные дела с участием иностранных лиц.

Такая специализация вызвана необходимостью установления особого процессуального порядка в рассмотрении исследуемой категории дел, вызванной ее особенностями, такими как краткие сроки рассмотрения, субъектный состав данных дел, а именно наличие иностранных лиц, сложностью и спецификой предмета спора, использование международных актов и т.д.

Специализация судей направлена на повышение качества и быстроту разрешения спора, на наиболее быструю выработку единых критериев рассмотрения дела.

Подобная специализация может способствовать и наиболее быстрому обучению судей. В некоторых европейских странах судьи, рассматривающие исследуемую категорию дел, проходят профессиональное обучение один раз в два года. Обучение включает в себя анализ новых позиций Европейского суда, проблемных вопросов, возникающих при рассмотрении дел данной категории, выработке единых критериев при определении оценочных понятий, таких как адаптация ребенка, степень его зрелости и т.д. Подобное обучение помогает улучшить качество рассмотрения дел, позволяет судьям наиболее быстро разрешать подобные дела, нарабатывать единую практику рассмотрения.

Обучение судей без определения их специализации вызовет объективные трудности и не представляется правильным. Легче и быстрее обучать специализирующихся судей, которые не только имеют определенный практический опыт, но и могут делиться друг с другом своими наработками, идеями, обучать друг друга.

Создание специализированных составов в рамках судов может способствовать интеграции российских судей в Гаагскую сеть судей, в рамках которой происходит сотрудничество судей со всего мира по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав

доступа. В данной сети судьи не только делятся друг с другом опытом, но и помогают в решении проблемных, спорных вопросов. К примеру, через эту сеть судьи из разных стран связываются друг с другом и просят помощи в получении недостающих доказательств. Такое сотрудничество полезно не только в плане обмена опыта, но и эффективности, оперативности вынесения решений по исследуемой категории дел.

Исходя из этого, можно сделать вывод о необходимости передачи дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа подсудности верховным судам субъектов РФ, краевым, областным судам, судам городов федерального значения, суду автономной области и судам автономного округа в качестве судов первой инстанции и выделении в них специализированных составов, рассматривающих семейные дела с участием иностранных лиц.

Необходимо понять, по какому критерию нужно выделить суд субъекта в каждом федеральном округе. Ранее в диссертации был подвергнут критике выбор районных судов, так как неясно как, по каким критериям законодатель из всех районных судов одного федерального округа выбрал один.

Думается, что выбранный суд, являющийся судебным центром рассмотрения исследуемой категории дел, должен находиться в официальном центре данного федерального округа, что позволит обеспечить его транспортную доступность и удобство рассмотрения. Центрами федерального округа являются наиболее крупные города с развитой транспортной доступностью, поэтому сторонам дела будет легче туда добраться.

Исходя из данного критерия, предлагается следующая редакция ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ: «Заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа подается в Московский городской суд при пребывании ребенка в пределах Центрального федерального округа, в Санкт-Петербургский городской суд при пребывании ребенка в пределах Северо-Западного федерального округа, в Ростовский областной суд при пребывании ребенка в

пределах Южного федерального округа, в Ставропольский краевой суд при пребывании ребенка в пределах Северо-Кавказского федерального округа, в Нижегородский областной суд при пребывании ребенка в пределах Приволжского федерального округа, в Свердловский областной суд при пребывании ребенка в пределах Уральского федерального округа, в Новосибирский областной суд при пребывании ребенка в пределах Сибирского федерального округа, в Хабаровский краевой суд города Хабаровска при пребывании ребенка в пределах Дальневосточного федерального округа.»

Таким образом, результаты исследования, проведенного в данном параграфе диссертации, можно обобщить в виде следующих выводов.

Централизованная подсудность представляет собой смешение родовой и территориальной подсудности в едином судебном центре, в котором происходит рассмотрение дела по существу. Централизованная подсудность сочетает в себе три компонента: категорию дела, категорию суда, территориальную компетенцию.

Следует сформировать специализированные составы, рассматривающие семейные дела с участием иностранных лиц, внутри верховных судов субъектов Российской Федерации, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономного округа. Суд, являющийся судебным центром рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, должен находиться в административном центре федерального округа, что позволит обеспечить его транспортную доступность и удобство рассмотрения дел. В связи с этим, в корректировке нуждается ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ.

§ 2.2 Специфика субъектного состава гражданских процессуальных правоотношений по исследуемой категории дел

Дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа имеют определенную специфику, касающуюся субъектного состава лиц, участвующих в деле. Стоит отметить, что вопрос о лицах, участвующих в делах, возникающих из семейных правоотношений, всегда вызывал дискуссию в теории гражданского процессуального права, так как состав данных лиц не всегда совпадает с участниками гражданского судопроизводства. Более того, Конвенция 1980 г. привносит определенные особенности, касающиеся процессуального положения сторон в данных делах. Исходя из этого, представляется необходимым определить процессуальный статус основных участников процесса по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, так как это имеет несомненное теоретическое и практическое значение, от этого зависит объем процессуальных прав и обязанностей названных лиц.

В соответствии со ст. 244.11 ГПК РФ, заявление о возвращении незаконно перемещенного или удерживаемого ребенка или об осуществлении в отношении него прав доступа подается в суд родителем или иным лицом, полагающим, что ответчиком нарушены его права опеки и доступа, либо прокурором. Указанная норма, как нетрудно заметить, не содержит точного перечня субъектов, правомочных обращаться в суд, а ответить на вопрос, кто же является «иными лицами», для правоприменителя иногда бывает сложно, поскольку это возможно сделать только через прямое толкование закона, что на практике может вызвать не только определенные трудности, но и некоторые разногласия. При этом, на практике «по всем делам указанной категории, рассмотренным судами в 2016-2018 годах с вынесением решения, заявителем являлся один из родителей ребенка. По

абсолютному большинству дел иск предъявлялся к другому родителю и лишь в одном случае – к бабушке ребенка (к матери истца)»¹.

Следует согласиться с Т.В. Ярошенко, у которой вызывает сомнение круг «иных лиц». По мнению ученой, «данная норма требует доработки и конкретизации субъектного состава заявителей. В противном случае суды вынуждены будут отказывать в принятии заявления по п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ»².

В дореволюционной науке считалось, что любой спор предполагает наличие двух сторон с противоположными интересами – истца, считающего свое право нарушенным, и ответчика, «отвечающего» на предъявленные истцом требования³. В советский период и в настоящее время позиции ученых по определению сторон разделились. Некоторые ученые рассматривали стороны в качестве субъектов спорного материального правоотношения⁴. Так, В.В. Ярков пишет, что субъекты гражданского процесса и их процессуальное положение определяются характером их правового статуса в материальных отношениях⁵. Другая позиция состоит в том, что сторонами по делу являются лица, спор которых разрешается судом⁶.

---

¹ «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

² *Ярошенко Т.В.* Особенности рассмотрения дел о возвращении ребенка на основании международного договора Российской Федерации // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2019. № 4. С. 36.

³ *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. - М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1908. С. 111.

⁴ См., например: *Гуреев П.П.* Судебное разбирательство гражданских дел. - М.: Госюриздат, 1958. С. 57.; *Викут М.А.* Стороны-основные лица искового производства. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1968. С. 4; *Джалилов Д.Р.* Лица, участвующие в гражданских делах искового производства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1963. С. 13.

⁵ См.: *Гражданский процесс. Учебник / Отв. ред.: Осипов Ю.К.* - М.: БЕК, 1996. С. 63. (автор главы - В.В. Ярков).

⁶ См., например: *Шакарян М.С.* Учение о сторонах в советском гражданском процессе. Учебное пособие / Отв. ред.: А.К. Сергун. - М.: РИО ВЮЗИ, 1983. С. 3; *Гражданский процесс / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечинной, Д.М. Чечота.* - М.: Гардарика, Проспект, 2001. С. 70. (автор главы – Д.М. Чечот).

Наиболее верным представляется подход, согласно которому понятие «стороны» в гражданском процессе включает в себе как материальный, так и процессуальный аспекты, выступающие в единстве, проявляющиеся во взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга. Соглашаясь с Н.В. Ченцовым, можно утверждать, что стороны – это институт материального и процессуального права, в связи, с чем необходимо учитывать и материальный, и процессуальный аспекты¹. В гражданском процессе всегда две стороны, количественный состав сторон не изменяется, даже если в деле участвуют более двух заинтересованных лиц². Изучение одной стороны в отрыве от другой не представляется оправданным и справедливым. Как отмечал В.М. Савицкий, при исследовании правового положения сторон никогда нельзя забывать о второй стороне процесса и делать акцент на изучении только одной стороны³. Именно с этих позиций представляется правильным провести анализ процессуального положения родителей ребенка в исследуемой категории дел как сторон процесса.

«Сторонами спора о возвращении ребенка, как отмечает Н.В. Тригубович, являются: истец – физическое или юридическое лицо, наделенное правами опеки над ребенком (родитель, усыновитель, опекун, детское учреждение), прокурор; ответчик – лицо, незаконно переместившее или удерживающее ребенка (родитель, усыновитель, опекун, иное лицо)»⁴.

Дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, чаще всего, инициируются оставленным родителем, т.е. тем родителем, чьего ребенка незаконно переместили или удерживают в

---

¹ Ченцов Н.В. Проблемы защиты государственных интересов в гражданском судопроизводстве / Под ред.: Гукасян Р.Е. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 83.

² См., например: Советский гражданский процесс: Учеб./ Отв. ред. К.И. Комиссаров, В.М. Семенов. - М.: Юрид. лит., 1978. С. 63 (автор главы А.Ф. Козлов).

³ См.: Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / Под ред. А.Я. Сухарева. - М.: Наука, 1987. С. 243.

⁴ Тригубович Н.В. Порядок рассмотрения судами дел о возвращении ребенка в государство постоянного проживания в случае его незаконного перемещения или удержания // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 26.

другой стране, или родителем, которого лишают прав доступа. «В контексте Конвенций 1980 и 1996 гг. российский институт родительских прав и обязанностей по своему правовому содержанию имеет наибольшее сходство с совместной родительской опекой. Следовательно, при вынесении решения об определении места жительства ребенка по российскому законодательству суду необходимо помнить о сохранении равенства прав родителей и о праве родителя, проживающего отдельно от ребенка, в случае незаконного перемещения или удержания ребенка требовать его возвращения в Россию (государство обычного места жительства)»¹.

В п. «а» ст. 3 Конвенции 1980 г. говорится о незаконности перемещения ребенка с нарушением прав опеки. Соответственно, если родитель не обладает правом опеки над ребёнком, то он, разумеется, не вправе обращаться с требованием о защите этого права, то есть о возврате ребенка. В подобных случаях, то есть когда лицо обладает лишь правом доступа к ребёнку, это право оно может отстоять посредством направления обращения в центральный орган с заявлением о принятии мер по обеспечению эффективного осуществления принадлежащего ему права доступа.

При установлении юридического факта наличия у родителя права опеки следует, прежде всего, обращаться к национальному законодательству страны постоянного места жительства ребенка.

Оставленный родитель выступает в качестве истца, а другой, похитивший, родитель выступает в качестве ответчика. Важно понимать, что Конвенция 1980 г. регулирует не все случаи незаконного перемещения ребенка и, соответственно, не все родители могут подавать иски в рамках главы 22.2 ГПК РФ. Фактические обстоятельства применимости Конвенции 1980 г. должны отвечать двум критериям:

---

¹ Тригубович Н.В. Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство // Закон. 2018. № 6. С. 77.

– *территориальный критерий* – перемещение или удержание ребенка должны произойти на территории государств-участников Конвенции 1980 г.; случаи, в которых перемещение и удержание ребенка происходит только на территории нашего государства, или же в стране, которая не является участницей Конвенции 1980 г., не подпадают под действие главы 22.2 ГПК РФ;

– *темпоральный критерий* – действие Конвенции 1980 г. распространяется только на страны, которые признали присоединение друг друга; данное положение касается тех стран, которые не являлись членами Четырнадцатой сессии Гаагской конференции по международному частному праву, и присоединились к ней позже.

Если с первым критерием все достаточно просто, то второй критерий на практике иногда вызывает трудности в понимании. Некоторые родители, не до конца понимая нормы международного договора, пытаются подать исковое заявление в суд, требуя возвращения ребенка на основании Конвенции 1980 г., которая не действует между странами. Так, Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга не принял исковое заявление гражданина США, руководствуясь ст. 38 Конвенции 1980 г., поскольку США не признали присоединение РФ к данному международному договору¹.

Кроме того, как было указано в диссертации ранее, случаи, когда незаконные действия касательно ребенка произошли *до признания* присоединения одним государством другим, не подпадают под действие Конвенции 1980 г. Примером является дело, рассмотренное в Первомайском районном суде г. Ростова-на-Дону, между истцом – гражданином Японии, и ответчицей – гражданкой России. Незаконное перемещение было совершено ответчицей 1 февраля 2014 года. «Япония признала присоединение Российской Федерации к Конвенции 24 января 2014 года. Указанное присоединение вступило в силу только с 1 апреля 2014 года, что

---

¹ Решение по делу № 4г-14**/1* // Архив Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербург.

отражено в уведомлении Министерства иностранных дел Королевства Нидерландов, осуществляющего функции депозитария по Конвенции 1980 г., и в ноте Посольства Японии в Нидерландах № 07-Р-2014 от 24 января 2014 года»¹.

Согласно нормам, содержащимся в ст. 38 Конвенции 1980 г., присоединение будет иметь силу только в отношениях между присоединившимся государством и теми договаривающимися государствами, которые заявят о своем признании присоединения. В силу норм, содержащихся в ст. 35 Конвенции, последняя применяется между договаривающимися государствами только в отношении незаконных перемещений или удержаний, которые имели место после ее вступления в силу в этих государствах. Исходя из буквального толкования норм, содержащихся в Конвенции 1980 г, названный суд пришел к выводу о том, что в двусторонних отношениях между Российской Федерацией и Японией Конвенция 1980 г. действует только с 1 апреля 2014 года, тогда как судом установлено, что незаконное перемещение произошло 1 февраля 2014 года. Таким образом, суд отказал в удовлетворении исковых требований.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что для того, чтобы инициировать дело о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Конвенции 1980 г., оставленный родитель, или иное лицо, полагающее, что ответчиком нарушены его права опеки или права доступа, должны соответствовать двум критериям, определяющим то, что незаконные действия касательно ребенка имеют место в территориальных пределах двух государств-участниках Конвенции 1980 г., которые признали присоединение друг друга. Только в данных случаях родители, а также иные лица, полагающие, что ответчиком нарушены их права опеки или права доступа, могут являться сторонами по

---

¹ Решение по делу № 2-39**-14 // Архив Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону.

исследуемой категории дел и защищать нарушенные права ребенка в рамках главы 22.2 ГПК РФ.

Главной характерной чертой лиц, участвующих в деле, является их заинтересованность в исходе дела. Как отмечает М.А. Викут, к лицам участвующим в деле, относятся лишь те из участников гражданского процесса, кто имеет юридический интерес к исходу рассматриваемого судом дела¹. Соглашаясь с автором, можно сказать, что наличие юридической заинтересованности является главной и необходимой чертой для правильного определения процессуального положения сторон.

Как писал М.А. Мельников, стороны всегда имеют материально-правовую и процессуальную заинтересованность в исходе дела². Истец, обращаясь в суд с заявлением о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении него прав доступа, желает восстановить нарушенные права опеки и доступа, вернуть ребенка в страну его постоянного проживания. В этом проявляется его *материально-правовая заинтересованность* в исходе дела. *Процессуально-правовая заинтересованность* в исходе дела заключается в стремлении и желании выиграть судебное разбирательство, получить судебное решение, восстанавливающее его права опеки и доступа, предписывающее возвращение ребенка в ту страну, откуда он был незаконно перемещен.

В свою очередь, у ответчика проявляется противоположная юридическая заинтересованность, заключающаяся в том, чтобы ребенок остался вместе с ним в той стране, куда его переместили. Цель участия ответчика по исследуемой категории дел состоит в доказывании, либо

---

¹ См.: Комментарий к Гражданскому Процессуальному Кодексу Российской Федерации: Постатейный научно-практический / Авт. кол.: С. Ф. Афанасьев, О. А. Бахарева, А. С. Викут и др. ; Отв. ред. М. А. Викут. -учеб. и справ. изд. - М.: ТОН-ДЭКСТРО, 2003. С. 100-101.

² Мельников М.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе / Отв. ред.: В.С. Тадевосян. - М.: Наука, 1969. С. 126.

законности перемещения ребенка, либо же наличия в судебном деле обстоятельств-исключений, позволяющих оставить ребенка.

Становится ясно, что у родителей в исследуемой категории дел существует противоположная юридическая заинтересованность в исходе дела, что является одним из главных признаков сторон. Как отмечает Г.Л. Осокина, противоположность юридического интереса в исходе дела является существенным признаком сторон, который разводит истца и ответчика по разные стороны процессуальных баррикад¹.

Наличие у сторон юридических интересов в исходе дела предполагает наделение их особым комплексом процессуальных прав, которые сводятся к обеспеченной законом возможности влиять на возбуждение, движение и окончание процесса по конкретному делу². Понимание природы интересов в исходе дела помогает в определении объема процессуальных прав, которыми наделены стороны в конкретной категории дел.

При этом, в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа законодатель лишает стороны некоторых процессуальных прав. В данных делах истец не имеет возможности соединить несколько исковых требований, а ответчик не может подать встречное исковое заявление.

Причина подобного решения законодателя кроется в нормах Конвенции 1980 г., согласно которой суд не имеет права выносить решение относительно прав опеки, пока не будет установлено, что ребенок не подлежит возвращению. Как отмечалось ранее, одна из целей рассматриваемого международного договора заключалась в предупреждении и противодействии похищению детей. Конвенция 1980 г. направлена на защиту ребенка от негативных последствий, вызванных незаконными действиями одного из родителей. Все процессуальные инструменты данного

---

¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 151.

² Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения: учеб. пособие. - Ярославль: ЯГУ, 1975. С. 78.

договора направлены на то, чтобы, в первую очередь, вернуть ребенка в государство обычного проживания, и невозможность рассмотрения других вопросов об опеке представляется оправданной по ряду причин.

Во-первых, нет никакой логики в том, чтобы суд страны незаконного перемещения решал вопрос о дальнейшем воспитании ребенка. Почему рассмотрение вопросов о воспитании ребенка должны происходить в той стране, где ребенок никогда не проживал и куда его *незаконно* перевезли? Как правильно отмечает И.В. Гетьман-Павлова, именно суд обычного проживания ребенка является центром применения всех механизмов защиты касаясь воспитания ребенка¹. Более того, подобное рассмотрение даже может служить позитивным последствием для похищающего родителя, который специально может перевезти ребенка в другую страну, чтобы оказаться в более выгодных условиях, чем оставленный родитель. Во-вторых, смешение данной категории дел с другими может привести к более долгим срокам рассмотрения дела, чего никак нельзя допускать. Данные дела должны рассматриваться в самые краткие сроки, чтобы в более короткие сроки вернуть ребенка в ту среду, к которой он привык; восстановить его семейное, социальное окружение, уберечь ребенка от физических, психологических последствий, которые может вызвать перемещение. Исходя из этого, логика авторов Конвенции 1980 г. становится ясной и не вызывает споров, как и последующее лишение сторон таких процессуальных прав, как соединение исковых требований и возможность подачи встречного искового заявления.

Законодателем также введены обеспечительные меры, ограничивающие права ответчика. Статья 244.13 ГПК РФ закрепляет право судьи на запрет изменения места пребывания ребенка до вступления в

---

¹ Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право России, Франции и Европейского союза: новые горизонты для совместного правосудия (обзор научно-исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна) // Международное право и международные организации. 2014. № 1. С. 117-165.

законную силу решения суда. Подобный вид обеспечительных мер является новым как для российской практики, так и теории. Как отмечает Н.Г. Галковская, такие обеспечительные «меры приближают нас к правовым реалиям западных стран, где нормальным для суда является, например, запрет ответчику не приближаться ближе километра к жилищу истца»¹.

Данная мера принята практически во всех государствах-участниках Конвенции 1980 г. и направлена на защиту ребенка от дальнейших негативных последствий его незаконного перемещения или удержания. Интересными являются опыт Бельгии и Швеции, в которых о подобных обеспечительных мерах может ходатайствовать Центральный орган еще до начала судебного разбирательства. Так, если оставленный родитель обратился в Центральные органы этих стран с просьбой определить местонахождение похищенного ребенка, после обнаружения ребенка, с согласия оставленного родителя, Центральный орган может обратиться в суд с исковым заявлением и ходатайством об обеспечительных мерах, касающихся запрета изменения места пребывания ребенка до начала судебного разбирательства².

В Испании сложилась иная практика, согласно которой судья, сам лично, на любой стадии процесса, может инициировать любые обеспечительные меры, в целях защиты ребенка, среди которых есть и запрет изменения места пребывания ребенка до вынесения судебного решения³.

Подобная практика направлена на защиту ребенка. Похитивший родитель может специально повторно переместить ребенка, чтобы укрыться от правосудия и оставить ребенка себе. Повторное перемещение может

---

¹ Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 209

² Hague Conference. Guide to Good Practice under The Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction, Part I – Central Authority Practice, Bristol, Jordan Publishing. 2003.

³ Telli K. The role of Central authorities in the application of the 1980 Hague Convention on child abduction: a critical analysis of a genuine area of public international law. // 7 Ankara Bar Review 39, 2014.

привести к дальнейшему причинению ребенку более сильного психологического вреда. В целях защиты ребенка от такого вреда и вводятся подобные обеспечительные меры. Так, «обобщение судебной практики показало, что в ряде случаев судами по ходатайствам истцов принимались обеспечительные меры в виде запрета ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка изменять место пребывания ребенка, а также в виде временного ограничения выезда ребенка из Российской Федерации»¹.

Правильность наличия таких обеспечительных мер в нашем законодательстве не вызывает вопросов, но не ясным остается одно – может ли суд сам принять меры по обеспечению иска или же нет? Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» разъясняет, что «поскольку статья 139 ГПК РФ допускает обеспечение иска во всяком положении дела, судья должен иметь в виду, что обеспечение иска возможно и в ходе подготовки дела к судебному разбирательству (пункт 12 части 1 статьи 150 ГПК РФ). В условиях осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон *судья не вправе по своей инициативе принимать меры по обеспечению заявленных сторонами требований*. С учетом требований ч. 3 ст. 140 ГПК РФ судья, допуская меры по обеспечению иска в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, не связан инициативой заявителя и должен обеспечить соразмерность мер по обеспечению иска заявленным требованиям»². Данное разъяснение не учитывает другие случаи, которые допускают инициативу суда по принятию обеспечительных мер. Примером подобной инициативы является ст. 108

---

¹ «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ¹ (далее – СК РФ), в которой установлено, что по делу о взыскании алиментов суд вправе вынести постановление о взыскании алиментов до вступления соответствующего решения суда в законную силу; при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей – до вынесения судом решения о взыскании алиментов.

В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъяснено, что при отложении разбирательства дела о расторжении брака и взыскании алиментов на детей в связи с назначением срока для примирения супругов следует выяснять, участвует ли ответчик в содержании детей. Если суд установит, что ответчик не выполняет эту обязанность, он вправе в соответствии со ст. 108 СК РФ вынести постановление о временном взыскании с ответчика алиментов до окончательного рассмотрения дела о расторжении брака и взыскании алиментов². Данные положения направлены на то, чтобы защитить несовершеннолетних детей или нетрудоспособных совершеннолетних детей. Так, в Постановлении президиума суда Еврейской автономной области от 24 сентября 2015 г. № 44Г-4/2015³, суд истолковал данную норму как

---

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 15.

³ Подобное толкование было и в других судебных актах, например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

обеспечительную меру, которую они вправе принять по своей инициативе, действуя в интересах ребенка.

На наш взгляд, исключительность рассматриваемой категории дел среди других дел искового производства, которая позволяет суду, отступив от принципа состязательности, по своей инициативе применять обеспечительные меры при отсутствии ходатайства от участвующих в деле лиц, состоит в наличии потенциальной угрозы причинения вреда ребёнку в силу недобросовестных действий ответчика.

Так, уже в момент подготовки дела к судебному разбирательству, похитивший родитель может перевезти ребенка в другое место, чтобы препятствовать в дальнейшем исполнению судебного решения. Нужно ли в подобных случаях суду ждать заявление истца об установлении обеспечительных мер или нет? Думается, что неправильно лишать суд в исследуемой категории дел данной инициативы и «связать ему руки» в ожидании заявлений сторон. Бывают исключительные случаи, при которых суду необходимо подобное право. Например, поведение ответчика у суда вызывает опасение по поводу дальнейшего перемещения ребенка, но истец-гражданин другой страны, по каким-либо причинам не смог приехать в Россию, на судебное заседание, и, соответственно: а) не видит опасного поведения ответчика; б) не может ходатайствовать о такой обеспечительной мере, как запрет изменения места пребывания ребенка. Если у суда вызывает опасение поведение ответчика, которое может коснуться дальнейших нарушений прав ребенка, почему он по своей инициативе не может принять обеспечительные меры.

Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи. Так, в частности, А.Н. Кнепман полагает «неверным при необходимости такой

обеспечительной меры исходить из отсутствия у судьи инициативы на ее принятие и ожидать ее со стороны участников процесса»¹.

Представляется правильным в исключительных случаях, с учетом предмета спора – прав ребенка, его законных интересов, поведения лиц, участвующих в деле, при других особых обстоятельствах, предоставить судье возможность проявления мотивированной инициативы по обеспечению иска в виде запрета изменения места пребывания ребенка до вступления в законную силу решения суда.

Будучи реализованным, данное предложение не приведет к значимому ограничению принципа состязательности, но, даже в случаях ограничения, оно представляется оправданным, так как суд в подобных случаях будет действовать в интересах ребенка и защищать его от возможных вредоносных последствий со стороны ответчика, т.е. похитившего родителя. В делах анализируемой категории очень важно защитить интересы ребенка, посредством принятия решения, которое будет соответствовать принципам законности, справедливости, необходимости восстановить нарушенное право ребенка на спокойную жизнь в стране обычного проживания. Исходя из этого, подобное ограничение принципа состязательности представляется вполне оправданным.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что процессуальное положение родителей как сторон гражданского судопроизводства, их права и обязанности в полной мере позволяют выполнить задачи и достигнуть цели гражданского судопроизводства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

Процессуальное законодательство, наделяя родителей общими правами, закрепленными в ст. 35 ГПК РФ, лишает их остальных прав, которые будут рассмотрены позже, исходя из специфики исследуемой

---

¹ См.: *Кнепман А.Н.* Практические проблемы применения норм об обеспечении иска в гражданском процессе // СПС КонсультантПлюс. 2018.

категории дел. Подобное решение законодателя продиктовано правовой природой Конвенции 1980 г., ее основными целями и направлено на защиту ребенка от дальнейших вредоносных последствий, которые могут быть причинены незаконным перемещением и удержанием ребенка. Если бы ответчик имел право на предъявление встречного иска или истец мог включить в исковое заявление не только требование вернуть ребенка в страну постоянного проживания, но и требование определения прав опеки, рассмотрение дел исследуемой категории вызывало бы большие трудности и вступало бы в противоречие с нормами международного договора.

Во-первых, это не отвечало бы целям Конвенции 1980 г. Во-вторых, срок рассмотрения исследуемой категории дел мог бы увеличиться, так как суд должен проверять обстоятельства, связанные не только с незаконностью перемещения и удержания, но и с воспитанием ребенка, что могло бы значительно затянуть процесс. При этом, лишение истца и ответчика как сторон по делу о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, возможности соединять несколько исковых требований и подавать встречное исковое заявление представляется вполне оправданным.

Как было отмечено в диссертации ранее, законодатель оставляет открытым перечень лиц, имеющих право на подачу искового заявления по исследуемой категории дел, что нередко вызывает трудности в применении Конвенции 1980 г. и, соответственно, в рассмотрении данных дел. Думается, что перечень данных лиц должен быть прямо указан в законе, чтобы субъекты спорных правоотношений знали и понимали, кто и в каких случаях имеет право на судебную защиту.

Под «иными лицами» законодатель имеет в виду законных представителей ребенка. Российское законодательство не содержит определения «законного представителя», а упоминает лишь некоторые их виды и полномочия, которыми они обладают. Согласно ст. 31 Гражданского

кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ¹ (далее – ГК РФ) опекуны и попечители выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального уполномочия. Более детально эта норма раскрывается в ст. 64 СК РФ, в соответствии с которой родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Опекунами и попечителями граждан, в том числе несовершеннолетних, нуждающихся в опеке или попечительстве и находящихся или помещенных в соответствующие воспитательные, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения, являются эти учреждения (ст. 35 ГК РФ, ст. 147 СК РФ).

Представляется оправданным в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа использование наиболее широкого толкования понятия законного представителя. Статья 3 Конвенции 1980 г. устанавливает, что правами опеки могут быть наделены *какое-либо лицо, учреждение или иная организация*, совместно или индивидуально. Статья 8 международного договора наделяет учреждения или организации, заявляющие о том, что ребенок был перемещен или удерживается в нарушение прав опеки, правом обращаться в Центральный орган за содействием в обеспечении возвращения ребенка. Главный критерий, которому должно соответствовать лицо, подающее исковое заявление по данной категории дел, – наличие права опеки ребенка в момент его незаконного перемещения или удержания. Соответствующее право может быть не только у родителей ребенка, и даже не только у физических лиц, но и у различных организаций, таких как организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

Под законными представителями ребенка следует понимать усыновителей, опекунов и попечителей ребенка, приемных родителей, патронатных воспитателей, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится ребенок. Важно лишь помнить о специфике международного договора и особенностях, которые она накладывает в отношении ребенка. Речь идет о возрасте ребенка. Законное представительство действует в нашей стране в отношении несовершеннолетнего ребенка, то есть лица, не достигшего возраста восемнадцати лет. Но, согласно Конвенции 1980 г., возвращение ребенка и права доступа могут осуществляться только по отношению к ребенку, который не достиг шестнадцати лет. Данное положение касается как родителей ребенка, так и его законных представителей, которым следует учитывать то, что они имеют право на подачу искового заявления о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа только в отношении того ребенка, который не достиг шестнадцатилетнего возраста.

Более того, подчеркивает С.Ю. Гусаков, «если на момент предъявления исполнительного документа о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа ребенку исполнилось 16 лет, судебный пристав-исполнитель обязан будет принять решение об отказе в возбуждении исполнительного производства»¹.

Соответственно, Конвенция применяется «к тем детям, круг которых определен Конвенцией. Положения Конвенции как нормы международного договора будут иметь преимущества в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и согласно ст. 6 СК РФ, если международным договором Российской

---

¹ Гусаков С.Ю. Практика применения норм об отказе в возбуждении исполнительного производства // Практика исполнительного производства. 2018. № 3. С. 24.

Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены российским законодательством»¹.

Исходя из изложенного представляется необходимым внести изменение в ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ, дополнив после слов «подается в суд родителем или иным» словами «законным представителем ребенка (усыновителем, опекуном, попечителем ребенка, приемным родителем, патронатным воспитателем, представителем учреждения или организации, на попечении которых находится ребенок), полагающим...». Далее по тексту.

Реализация этого законодательного решения позволит конкретизировать перечень «иных лиц», которые могут обращаться в суд с заявлением о возвращении ребенка, и исключит неоднозначное толкование ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ на практике.

Другим лицом, имеющим право на подачу искового заявления по исследуемой категории дела, является прокурор. Вопрос о процессуальном положении прокурора в гражданском судопроизводстве остается дискуссионным, и в науке сложилось четыре точки зрения по этому поводу:

- прокурор является особого рода стороной²;
- прокурор является представителем стороны³;

---

¹ Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография / Я.О. Алимова, Н.Н. Викторова, Г.К. Дмитриева; отв. ред. Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. С. 200.

² См., например: *Строгович М.С.* О системе науки судебного права // Сов. гос. и право. 1939. №3. С. 66-67; *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 128-132.

³ См., например: *Гражданский процессуальный кодекс советских республик / Текст и практический комментарий под ред. проф. А. Малицкого.* - 2-е изд., испр. и доп. - Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1929. С. 23; *Адамович В.И.* Очерк русского гражданского процесса. Вып. 1. - 2-е изд., испр. и доп. - С.-Петербург: Типо-литогр. и фототипия П. И. Бабкина, 1985. С. 27.

– прокурор является представителем государства и занимает особое процессуальное положение¹;

– прокурор является стороной (в процессуальном смысле), когда он предъявляет исковое заявление, и представителем государства, когда вступает в уже начатый процесс².

Соглашаясь с четвертой позицией, следует подчеркнуть, что стороной в споре прокурор быть не может, так как не имеет никакого материально-правового интереса в деле, а возможность подачи искового заявления не является главным признаком истца как стороны в судебном деле. Не представляется правильным и отождествление прокурора с представителем, так как им подается иск в силу возложенных на него функций по охране государственных, общественных интересов. Более того, прокурор обязан отказаться от иска, если придет к выводу о его необоснованности, у представителя такой обязанности нет. Прокурору также может быть заявлен отвод, если он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе дела. В свою очередь третья точка зрения не учитывает наличие двух форм участия прокурора в гражданских делах, а именно – возможность подачи им искового заявления и вступление в дело для дачи заключения, и приобретение им при этом различного, неодинакового процессуального положения.

Согласно ст. 244.15 ГПК РФ дела о возвращении ребенка в государство постоянного проживания рассматриваются с обязательным участием прокурора и органа опеки и попечительства. Прокурор вправе как подать исковое заявление (ч. 1 ст. 45 ГПК РФ), так и дать заключение по существу спора (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ). В делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прокурор может участвовать в двух

---

¹ См., например: *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1907. С. 91.; *Ченцов Н.В.* Проблемы защиты государственных интересов в гражданском судопроизводстве / Под ред.: Гукасян Р.Е. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 115.

² См., например: *Аргунов В.Н.* Участие прокурора в гражданском процессе. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 33-34; *Тадевосян В.С.* Прокурорский надзор в СССР / Отв. ред.: К.А. Мокичев. - М.: Госюриздат, 1956. С. 229.

формах – он имеет право на подачу искового заявления в защиту нарушенных прав ребенка, и он обязан участвовать в деле, принимать участие в ходе его рассмотрения и давать заключение по делу.

Если говорить о его процессуальном положении при проявлении данных двух форм, следует исходить из того, что при подаче искового заявления прокурор выступает в качестве *процессуального истца*, так как подобное определение подчеркивает инициативу по возбуждению дела и активное участие в процессе, а также *отсутствие материальной заинтересованности* прокурора в деле, «процессуальность» его интереса. Вторую форму участия прокурора можно рассматривать как *государственное представительство*, так как прокурор, участвующий в деле посредством дачи заключения является представителем государства. Подобное представительство основано на указании закона, и, участвуя в деле, прокурор не представляет интересы ни истца, ни ответчика, а представляет интересы государства.

В настоящее время не ведется официальная статистика, в которой бы учитывались категории заявлений, поступающие в суд от органов прокуратуры в защиту несовершеннолетних, а также статистика числа несовершеннолетних, изъятых у родителя (или иного лица, на попечении которого ребенок находится на попечении) на основании судебных решений иностранных государств, принятых во исполнение Конвенции 1980 г. В этой связи следует разработать и внедрить статистические формы, в которых бы обобщались данные, касающиеся исполнения нашей страной обязательств, принятых при присоединении к международным конвенциям о защите прав детей¹.

Многие зарубежные авторы отмечают смешение публичных и частноправовых интересов в исследуемой категории дел, отмечая то, что, хотя Конвенция 1980 г. регулирует вопросы международного частного права,

---

¹ См.: Воеводина Т.Г. Исполнение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Законность. 2013. № 7. С. 64.

вопросы семьи, в ней присутствуют и элементы публичного регулирования, вопросы государственного порядка, направленность на решение семейно-правовых проблем на международном уровне¹. Исходя из этого становится ясным, почему законодатель обязывает прокурора участвовать в исследуемой категории дел, давать заключения. Участие прокурора в делах, в которых сильнее всего затрагиваются права граждан, права ребенка, а в связи с этим и существует наибольшая вероятность их нарушения, является дополнительной гарантией защиты данных прав.

К участию прокурора в делах рассматриваемой категории применима норма ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, согласно которой «неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела». Это положение закона вызывает немалые сомнения, так как обеспечение законности по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа играет особую роль и гарантии защиты прав несовершеннолетних не должны умиляться ни в коем случае. Так, к примеру, не случайно в ч. 2 ст. 70 СК РФ закреплено, что дела о лишении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства.

На наличие пробела в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ неоднократно обращалось внимание в доктрине отечественного гражданского процесса, в частности такими учеными, как А.А. Власов², А.Н. Григорьев, О.В. Исаенкова³, М.К. Треушников⁴, Т.В. Ярошенко⁵.

---

¹ См., например: *Yarcheski, A., Scoloveno, M.A., Mahon, N.E.* Social support and wellbeing in adolescents: the mediating role of hopefulness. *Nursing Research*, 43 (5), 1994. P. 288.

² См.: *Власов А.А.* Гражданский процесс Российской Федерации. - М.: Юрайт, 2017. С. 97-103.

³ См.: *Григорьев А.Н., Исаенкова О.В.* Участие прокурора в исковом производстве // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2008. № 3. С. 6-10.

⁴ См.: *Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова.* 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Городец, 2018. С. 162-169.

⁵ *Ярошенко Т.В.* Особенности рассмотрения дел о возвращении ребенка на основании международного договора Российской Федерации // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2019. № 4. С. 36.

В связи с этим представляется необходимым изложить последнее предложение ч. 3 ст. 45 ГПК РФ в следующей редакции:

«Неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела, за исключением дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, предусмотренных Главой 22.2 настоящего Кодекса».

Обе формы участия прокурора в данных делах представляются оправданными и не вызывают сомнений. В других государствах-участниках Конвенции 1980 г.¹ прокурор также имеет право на подачу исковых заявлений в защиту нарушенных прав ребенка, на участие в ходе рассмотрения дела и т.д. В данной категории дел, затрагивающей вопросы защиты прав и интересов ребенка, роль прокурора не может ставиться под сомнение. Прокурор, являясь представителем государства, призван защитить ребенка от физического и психологического вреда, следить за исполнением норм Конвенции 1980 г.

Исходя из вышесказанного, автор не считает нужным углубляться в дальнейший детальный анализ процессуального статуса прокурора, объема его прав и обязанностей при рассмотрении исследуемой категории дел, так как они не отличаются какой-либо принципиальной спецификой.

К обязательным участникам судопроизводства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа законодатель относит и органы опеки и попечительства. На первый взгляд, подобное положение представляется оправданным и вполне логичным. Согласно статье 47 ГПК РФ, в предусмотренных федеральным законом случаях, государственные и муниципальные органы вступают в дело для дачи заключения. Существо названного заключения составляют вопросы о том, насколько возвращение ребёнка отвечает его интересам.

---

¹ Например, Бельгия, Голландия, Германия.

Статья 78 СК РФ также устанавливает, что при рассмотрении судом споров, связанных с воспитанием детей, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту ребенка, к участию в деле должен быть привлечен орган опеки и попечительства. Цель участия данных органов в делах о воспитании ребенка – проведение обследования условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, а также предоставление суду акта обследования и основанного на нем заключения по существу спора, подлежащее оценке в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами¹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать два вывода:

- органы опеки и попечительства привлекаются в те категории дел, которые связаны с *воспитанием* ребенка;
- их заключения касаются обследований условий жизни ребенка и лиц, которые претендуют на его *воспитание*.

В этом и заключается противоречие участия данных органов в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Во-первых, исследуемая категория дел не касается вопросов воспитания ребенка, что неоднократно отмечалось в данной работе. Во-вторых, обследование жилищных условий одного из родителей не представляется оправданным и необходимым, так как это не отвечает предмету спора и цели судебной защиты в данных делах.

Конвенции 1980 г. регулирует вопросы возвращения ребенка и осуществления прав доступа в отношении ребенка. Суды государств-участников Конвенции 1980 г. не должны забывать, что вопросы дальнейшей опеки и воспитания ребенка решаются только в государствах обычного

---

¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. № 262.

проживания ребенка, после возвращения ребенка. Для более четкого понимания подобных целей Конвенция 1980 г. и разграничивает права опеки и доступа, дает им определение, чтобы суд принимал во внимание только определенную часть этих прав. Не будет лишним ещё раз привести ст. 5 Конвенции 1980 г., в соответствии с которой «права опеки» включают права, относящиеся к заботе о личности ребенка, и, в частности, право определять место жительства ребенка. В свою очередь, «права доступа» включают право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания.

Следовательно, на данный момент существует противоречие в законодательстве нашей страны, что приводит к таким же противоречиям в целях участия органов опеки и попечительства в исследуемой категории дел и формах данного участия.

Целесообразность участия этих органов при рассмотрении данных дел не вызывает сомнений, учитывая их большой опыт в защите прав и интересов ребенка, их назначении и обязанности защищать интересы других лиц, интересы государства. Но подход к сути такого участия, который сложился на настоящий момент, представляется противоречивым, не отвечающим целям Конвенции 1980 г., правовой природе спора, выходящим за рамки судебного рассмотрения.

При анализе судебной практики нашей страны, становится ясным, что сотрудники органов опеки и попечительства далеко не всегда понимают специфику исследуемой категории дел. Их заключения довольно шаблонны, выходят за пределы предмета судебного рассмотрения, и, в большинстве случаев, направлены на защиту похитившего родителя. В своих заключениях органы опеки и попечительства исследуют жилищные условия похитившего родителя, хотя в этом не видится никакой логики, так как предмет судебного рассмотрения состоит не в том, хорошо ли ребенку живется с данным родителем, какие условия этот родитель предоставляет ребенку, то есть, исследование жилищных условий имеет значение только тогда, когда

родитель претендует на дальнейшее воспитание ребенка. Даже в тех случаях, когда суд оставит ребенка в нашей стране, он не должен и не может руководствоваться данными фактами, так как оставить ребенка можно только в строго оговоренных Конвенцией 1980 г. случаях, которые никак не затрагивают жилищно-бытовых условий похитившего родителя.

Второй, повторяющейся ошибкой в данных заключениях, являются выводы органов опеки и попечительства по вопросам адаптации ребенка. Ошибка заключается в том, что вопросы адаптации ребенка стоят перед судом только в тех случаях, когда с момента удержания ребенка прошло больше одного года. Но даже тогда, когда с момента похищения не прошло и полугода, представитель органов опеки и попечительства приходит к выводу, что ребенок полностью адаптировался в новой среде и дальнейшее перемещение причинит ему психологический вред. Во-первых, вопрос адаптации ребенка не может определяться по истечению полугода со дня незаконного перемещения. Во-вторых, столь быстрая адаптация вызывает сомнения.

Так, в 2016-2019 гг. «решая вопрос о том, имела ли место адаптация ребенка в Российской Федерации, суды учитывали период, прошедший с момента перемещения (удержания) ребенка и даты начала процедур по его возвращению из Российской Федерации (даты подачи искового заявления в суд о возвращении ребенка на основании международного договора), а также общий срок нахождения ребенка в Российской Федерации на момент вынесения судом решения, посещение ребенком в России дошкольных и иных образовательных организаций на постоянной основе, занятия в спортивных секциях и кружках, сложившийся круг общения ребенка (наличие друзей, родственников), овладение им русским языком,

обеспеченность жилым помещением и бытовые условия проживания ребенка в этом помещении, а также другие обстоятельства»¹.

В качестве примера можно привести дело, рассмотренное Пятигорским городским судом², по разрешению спора между подданным Великобритании и гражданкой России о возвращении ребенка. С момента незаконного перемещения ребенка прошло около пяти месяцев. В представленном органами опеки акте обследования жилищно-бытовых условий места нахождения ребенка было сказано, что ответчиком созданы благоприятные условия для содержания, воспитания и развития ребенка. Также был сделан акцент на том, что ребенок полностью адаптировался в новой среде, привык к окружению, к бабушке и дедушке. Подобное заключение вызывает сомнения, так как в ходе судебного рассмотрения было установлено, что ребенок не разговаривает на русском языке, часто звонит отцу в Великобританию и просит его забрать, не может посещать школу и иные образовательные учреждения, а также наладить контакт со сверстниками. Вопрос адаптации не должен был рассматриваться органом опеки и попечительства, более того, данное понятие неправильно трактовалось.

При анализе судебной практики, можно проследить, что в 90% случаев, органы опеки и попечительства приходят к выводу, что ребенка нужно оставить на территории нашей страны, так как он успел адаптироваться. Не все сотрудники органов опеки и попечительства верно трактуют нормы Конвенции 1980 г. и понимают специфику исследуемой категории дел. Нередко они осуществляют свои функции в рамках определенного шаблона, который они выработали при участии в иных категориях дел.

Как отмечалось ранее, обоснованность участия органов опеки и попечительства в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в

---

¹ «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

² Решение по делу № 2-81**/** // Архив Пятигорского городского суда.

отношении ребенка прав доступа не вызывает сомнения, так как у данных органов сложился большой опыт в защите прав ребенка, его законных интересов. Кроме того, подобное участие отвечает основным задачам данного органа, так как их приоритетом является защита прав ребенка. Ставится под сомнение лишь форма, содержание подобного участия, которое на данный момент не отвечает требованиям Конвенции 1980 г. и является весьма противоречивым.

Е.К. Джандосова условно делит форму участия и заключения государственных органов в гражданских делах на два вида: заключения, в которых будет содержаться конкретный вывод о том, как необходимо разрешить дело по существу и заключения, содержащие правовую оценку конкретной ситуации с позиций закона¹. Заключения органов опеки и попечительства в исследуемой категории дел можно отнести к первому виду, что представляется спорным ввиду несоответствия подобных заключений правовой природе данных дел. Представляется более правильным, если органы опеки и попечительства будут давать заключения, содержащие правовую оценку конкретных ситуаций. Подобная форма заключения более приемлема и может отражать специфику исследуемой категории дел, не противоречить ее правовой природе, не выходить за рамки предмета спора.

Органы опеки и попечительства вступают в процесс для дачи заключения на том основании, что они заинтересованы в правильном разрешении дела. Данный интерес вытекает из обязанностей, которые возложены на них в силу их компетенций. Более того, подобное участие вызвано особой социальной направленностью, значимостью тех прав, свобод, за защиту которых они выступают. Участие органов опеки и попечительства в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении прав доступа ребенка служит дополнительной гарантией защиты нарушенных прав ребенка. Цель привлечения этих органов, как представляется, может

---

¹ Джандосова Е.К. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу: дис. ... к.ю.н. - М., 2006. С. 81.

состоять в оказании дополнительной помощи суду в разрешении дела, посредством предоставления компетентного мнения данного органа. Но, как можно заметить из анализа судебной практики, рассматриваемые органы в недостаточной степени понимают и знают нормы Конвенции 1980 г., исходя из чего требуется дополнительное обучение специалистов нормам международного договора.

Следует сказать, что обязательное участие подобных органов в исследуемой категории дел, как правило, не предусмотрено законодательством европейских стран и стран общего права. В некоторых случаях суд вправе привлекать экспертов из органов социальной защиты для беседы с ребенком, в целях ознакомления с его мнением и в наименьшей степени травмировать ребенка. К примеру, в Бельгии суд имеет право привлечь органы социальной защиты для того, чтобы убедиться в том, что ребенку не причинен вред, и он находится в хороших условиях, но данный орган никоим образом не дает правовую оценку по делу. Подобная практика в зарубежных странах способствует тому, что органы социальной защиты имеют возможность убедиться в том, что во время судебного рассмотрения права ребенка не нарушаются и находятся под защитой. В Голландии эксперты из органов опеки могут привлекаться судом в качестве специалистов, которые после беседы с ребенком могут представить заключение, в котором содержится мнение ребенка относительно возвращения в страну обычного проживания; в данных заключениях специалисты выражают свою позицию по поводу того, можно ли прислушаться к мнению ребенка, достиг ли он той степени зрелости, при которой его суждения могут быть объективны. Но никакой правовой оценки эти эксперты давать не могут. Такая практика связана с тем, что в данных органах работают социальные работники и психологи, имеющие опыт общения с ребенком, налаживания с ним контактов, и в данных странах эти работники привлекаются в суд в качестве экспертов.

В нашей стране представители органов опеки и попечительства привлекаются в суд в качестве представителей государственных органов. Так, А.А. Добровольский, исследуя формы участия государственных органов в гражданском судопроизводстве, писал, что органы государственного и муниципального управления защищают публичные интересы путем выражения суду своей точки зрения на то, каким должно быть решение по данному делу¹. Посредством своего участия они выполняют административно-правовые функции, так как возложенная на эти органы задача охраны прав детей предопределяет наличие у них права давать заключение по делу.

Органы опеки и попечительства выступают, прежде всего, в роли дополнительного гаранта защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Они не должны вторгаться в вопросы воспитания и адаптации ребёнка, а также давать оценку жилищно-бытовых условий ответчика, так как это выходит за рамки предмета спора.

Вместе с тем, сотрудники органов опеки и попечительства, которые обязательно принимают участие в рассмотрении дел о возвращении незаконно перемещённых детей с целью дачи заключения зачастую нередко не до конца понимают суть данной категории дел и дают заключения, которые скорее подходят для дел, связанных с определением порядка воспитания ребёнка, нежели для дел о возвращении ребёнка. Происходит это по причине не только того, что сотрудники органов опеки и попечительства плохо знакомы с международно-правовыми актами и российским гражданско-процессуальным законодательством, но и потому что в органах опеки и попечительства нет в достаточном количестве сотрудников с юридическим образованием. Как правило, сотрудники этих органов педагоги и психологи.

---

¹ Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе // Советское государство и права. 1957. № 4. С. 69.

Пределы процессуального участия специалистов органов опеки и попечительства вполне могли бы быть ограничены консультативной помощью, проведением бесед с ребенком с целью выяснения его мнения относительно целесообразности возвращения в страну постоянного проживания или оставления в стране перемещения, а также составлением по результатам подобных бесед соответствующих актов собеседования, а также оказанием помощи ребенку в его общении с судом в случае вызова несовершеннолетнего в суд с целью заслушивания его мнения. Не следует забывать и о том, что по рассматриваемой категории дел обязательным является участие прокурора, который также даёт своё заключение по делу. Думается, что органы опеки и попечительства должны давать не заключение по вопросам перемещения, в которых их сотрудники нередко недостаточно компетентны, а заключения по общим вопросам, касающимся учёта мнения ребёнка. Тем самым, основная цель участия органов опеки и попечительства в рассмотрении анализируемой категории дел состоит в оказании содействия суду при выявлении мнения ребенка, в том числе не достигшего возраста десяти лет, вне рамок судебного заседания.

Пределы участия органов опеки и попечительства в рассмотрении заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации ограничены тем, что их заключение не должно вторгаться в область существа спора. Ценность сотрудников органов опеки и попечительства состоит в том, что они обладают специальными психолого-педагогическими познаниями, которые позволяют им грамотно общаться с ребенком. В этой связи роль органов опеки и попечительства близка к роли такого участника гражданского процесса, как педагог-психолог.

Представляется необходимым на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ дать толкование формы участия органов опеки и попечительства в исследуемой категории дел и разъяснить критерии, которым должны отвечать подготавливаемые сотрудниками этих органов

заклучения. Заклучение органов опеки и попечительства не должно содержать оценки жилищно-бытовых условий ответчика, так как это выходит за рамки предмета спора. Представитель данных органов, обладая всеми процессуальными правами и обязанностями, которыми обладают лица, участвующие в деле, имея возможность активно влиять на развитие гражданского процесса в каждом конкретном деле, в своем заклучении может изложить правовую оценку сложившейся ситуации с позиции международного договора. В заклучении может быть высказано мотивированное мнение по поводу того, являлось ли перемещение или удержание ребенка незаконным, были ли нарушены права доступа истца к ответчику, были ли нарушены права ребенка при его перемещении и следует ли вернуть ребенка в государство обычного проживания.

Кроме того, помимо органов опеки и попечительства, в рассматриваемой категории дел свое заклучение может давать уполномоченный по правам ребенка. С инициативой его участия в деле могут выступать как лица, участвующие в деле, так и суд.

Более подробно хотелось бы проанализировать возможность участия Центральных органов в исследуемой категории дел. Как отмечалось во втором параграфе первой главы диссертации, в разных государствах-участниках Конвенции 1980 г. сложилась различная практика участия данных органов в судебном рассмотрении дел исследуемой категории. Пункт «f» статьи 7 международного договора, устанавливающий, что Центральные органы имеют право возбуждать судебные и административные разбирательства по исследуемой категории дел, трактуется по-разному, и сложилось два подхода:

- узкий – считающий, что Центральный орган может только помочь в поисках адвоката и оказании юридических консультаций;
- широкий – предполагающий, что Центральные органы могут подавать иски и участвовать в судебном процессе.

Данные подходы не вызывают критики на международном уровне, так как Конвенция 1980 г., закрепляя основные функции и задачи Центральных органов, оставляет государствам-участникам определенную свободу действий по поводу объема их прав. Вместе с тем, важно определить то, какой из данных подходов будет наиболее приемлемым для нашей страны.

Центральный орган, Министерство просвещения Российской Федерации, на данный момент не обладает правом подачи искового заявления. Российский законодатель пошел по пути узкого толкования статьи 7 нормы Конвенции 1980 г. и отсылает родителей, чьего ребенка незаконно переместили или удерживают в нашей стране, к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», указывая, соответственно, что Министерство просвещения РФ не оказывает никакой юридической помощи, не проводит юридических консультаций и т.д.

Как представляется, подобный узкий подход не вполне приемлем для страны, которая только недавно присоединилась к международному договору, не выработала единую судебную практику рассмотрения дел исследуемой категории. О задачах Центрального органа было сказано в первой главе данной работы, но представляется необходимым добавить, что эта организация призвана решать не только явные, но и неявные задачи. Основные задачи перечислены в статье 7 международного договора, их перечень закрыт, к неявным задачам можно отнести те положения, которые вытекают из духа Конвенции 1980 г. К подобным задачам следует отнести задачи по повышению информативности, осведомленности граждан о практике применения международного договора, задачи по обучению, осведомленности компетентных национальных учреждений, включая сотрудников в области юстиции.

Одной из главных задач является обеспечение и содействие соблюдению обязательств по Конвенции 1980 г. Из этого можно сделать вывод о том, что работа Центральных органов должна состоять не только в

выполнении задач, закрепленных в статье 7 Конвенции 1980 г., но и в том, чтобы реализовывать меры по грамотному применению международного договора, выработке и обобщению практики такого применения, развивать и совершенствовать процесс применения данного акта на территории нашей страны. Особенно это важно на начальном этапе, когда страна только присоединилась к международному договору, и сотрудники ее юрисдикционных органов еще не выработали единые подходы в правоприменении, еще не успели изучить, понять все особенности рассмотрения исследуемой категории дел.

Центральный орган обладает значительным инструментарием, способствующим сотрудничеству с коллегами из других государств. Если принять во внимание опыт западных стран, то Центральные органы в Европе информируют друг друга о ходе рассмотрения дел, предоставляют друг другу необходимые сведения, документы, справки, необходимые суду, консультируют друг друга о практике применения норм Конвенции 1980 г. в своей стране и т.д. Так, например, в одном из дел, рассмотренных Словенским судом, Центральный орган Германии в течение трех дней предоставил Центральному органу Словении письменные доказательства истца, а точнее справку о психическом здоровье матери¹. Подобное сотрудничество эффективно влияет на ход процесса, служит механизмом, способствующим наиболее быстрому рассмотрению дела. Вся деятельность Центральные органы должна быть направлена именно на оперативное, эффективное рассмотрение дела, именно поэтому они должны в краткие сроки разыскать похищенного ребенка, обмениваться информацией относительно положения ребенка, информировать друг друга относительно реализации Конвенции 1980 г. и, по мере возможности, устранять препятствия для ее применения и т.д. Международный акт наделяет данные органы широким кругом полномочий для наиболее быстрого возвращения

---

¹ *Strasburger R. Lee* 'The Best Interests of the Child?: The Cultural Defense as Justification Child Abuse'
// 25 *Pace International Law Review*. 2013. P. 161.

ребенка в государство обычного проживания, и, вместе с этим, накладывает на эти органы большую ответственность за реализацию данных задач.

Деятельность Центрального органа всегда начинается по одному сценарию. Оставленный родитель может обратиться в Центральный орган своей страны или напрямую в аналогичный орган страны, в которую был похищен ребенок с заявлением о содействии в обеспечении возвращения ребенка. Если заявление отвечает всем требованиям Конвенции 1980 г., то Центральный орган его принимает, и предлагает родителям прийти к компромиссу. Если это невозможно, то дальнейшие действия в разных странах складываются по-разному: а) Центральные органы обращаются в суд с исковым заявлением; б) помогают заявителю в поисках адвоката и дают ему юридические консультации.

Представляется целесообразным исходить из широкой трактовки статьи 7 Конвенции 1980 г., в соответствии с которой Центральный орган нашей страны должен иметь право на подачу искового заявления о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Это представляется необходимым и обоснованным по нескольким причинам.

Первой причиной можно назвать оперативность данных мер. Исследуемая категория дел должна рассматриваться в кратчайшие сроки. Ребенок должен быть возвращен в страну постоянного проживания в течение года со дня его незаконного перемещения, а судебное дело должно быть рассмотрено в течение шести недель с момента принятия искового заявления. Международный договор направлен на скорейшее возвращение ребенка, так как нахождение ребенка в другой стране может причинить ему физический или психологический вред. В ситуациях, когда ребенка незаконно перевезли и оставленный родитель обратился в Центральный орган, который подтвердил нахождение ребенка в этом государстве, возникает вопрос о том, что делать дальше. Не всегда у оставленного родителя есть возможность быстро приехать в страну, где находится его ребенок. Ему может

понадобиться виза, срок изготовления которой может занять около месяца, у него может не быть финансовых средств на такую поездку, он может испытывать проблемы со здоровьем и др.

Что делать в случаях, когда оставленный родитель физически не может приехать в страну и подать исковое заявление, защитить права ребенка? Ждать его приезда? Это не представляется оправданным, особенно в том случае, когда сам международный договор обязывает Центральный орган содействовать в возвращении ребенка всеми возможными средствами. Центральный орган, как компетентный орган, созданный специально для того, чтобы защищать права ребенка, помогать в правильном, эффективном исполнении международного договора, может подать заявление в суд для наиболее быстрой защиты интересов и прав несовершеннолетнего. Подобная практика успешно применяется в государствах-участниках Конвенции 1980 г., таких как Германия, Нидерланды, Испания, Бельгия и т.д. В названных странах Центральные органы инициируют возбуждение дела и участвуют в судебном разбирательстве на стороне оставленного родителя, обладая теми же правами и обязанностями, что и сторона по данному делу. Центральный орган, как определяют в теории, становится стороной от имени заявителя в суде, выступая в качестве заявителя и представляя интересы оставленного родителя¹.

Необходимо отметить успешность подобной практики в том, что касается сроков рассмотрения дел и исполнения принятых решений. Согласно статистическим данным, именно Бельгия и Испания стали единственными странами в Европе, в которых дела анализируемой категории рассматриваются в среднем шесть недель, причем 60% подобных дел

---

¹ Guide to Good Practice under the Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction: Part II- Implementing Measures (Permanent Bureau of the Hague Conference on Private International Law, Jordan Publishing Limited, Hague 2003), at 26.

рассматриваются по заявлению Центрального органа¹. В Германии и Нидерландах дела, инициируемые по заявлению Центрального органа, рассматриваются в течение 7-9 недель², что также является весьма хорошим показателем, учитывая, что в нашей стране исследуемая категория дел рассматривается в среднем в 2 раза дольше.

Второй причиной является то, что определение такого участия вытекает из правовой природы Конвенции 1980 г., из других норм, и, как представляется, узкое толкование пункта «f» статьи 7 международного договора приводит к противоречиям с остальными нормами данного акта. Так, в пункте «f» статьи 7 говорится о том, что Центральные органы должны инициировать или способствовать возбуждению судебных процедур для того, чтобы добиться возвращения ребенка и при необходимости проводить мероприятия по организации или обеспечению эффективного осуществления прав доступа. Именно эту норму сторонники узкого толкования трактуют как то, что в данном случае, имеется ввиду помощь Центрального органа в поисках адвоката для защиты прав оставленного родителя и т.д. Но следом за этим пунктом идет пункт «g», согласно которому Центральные органы должны обеспечивать или способствовать оставленным родителям в оказании юридической помощи и консультации, включая участие адвоката. Возникает вопрос, почему, если авторы Конвенции под «иницированием судебных процедур» имеют ввиду предоставление адвокатов, следующий пункт повторяет данное положение. Пункты статьи 7 не дополняют друг друга, они идут отдельно, устанавливая разные полномочия, что видно из структуры статьи, и подобное повторение полномочий Центральными органами не представляется логичным.

Очевидно, что инициирование судебного дела – это подача искового заявления в суд самим Центральным органом, а содействие родителям в оказании юридической помощи – это предоставление адвоката, или помощь в

---

¹ *Trimming, K. Child Abduction within the European Union*, Oxford, Hart Publishing, 2013. P. 24.

² *Ibid.*

его поисках в случае просьбы оставленного родителя, когда он сам хочет участвовать в суде.

Также статья 21 Конвенции 1980 г. устанавливает, что Центральные органы, непосредственно или через посредников, могут инициировать или способствовать возбуждению процедур с целью организации или защиты этих прав и обеспечения соблюдения условий, от которых может зависеть осуществление этих прав. Эта статья предоставляет альтернативу действиям Центрального органа, который сам, либо через посредника может подать исковое заявление о праве доступа в отношении ребенка, но все же прямо говорит о том, что данные органы имеют право на подачу искового заявления.

Представляется целесообразным наделить центральный орган правом на обращение в суды Российской Федерации с иском по рассматриваемой категории дел. Это обусловлено сложностью подобных дел, необходимостью компетентного реагирования на факты незаконного перемещения, а также удержания ребенка в предельно сжатые, незамедлительные сроки.

Действительно, специалисты Министерства просвещения РФ, в подавляющем большинстве не обладают должной компетенцией для подготовки исковых заявлений в суд. Однако, при передаче функций Центрального органа по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа к Министерству юстиции РФ это затруднение будет снято. Не случайно, в зарубежных государствах-участниках Конвенции 1980 г. функции центрального органа выполняют именно органы юстиции, которые наделены правом инициирования судебного разбирательства.

Наделение правом на обращение в суд лишь родителей, иных законным представителей ребенка и прокурора явно недостаточно и не отвечает требованию максимального учёта и защиты наилучших интересов ребёнка. Очевидно чревата потерей времени ситуация, при которой

специалисты Центрального органа вынуждены сначала обращаться с соответствующим заявлением в органы прокуратуры с целью подачи уже прокуратурой искового заявления в тех случаях, когда родители и иные законные представители испытывают затруднения с обращением в суд.

На основе вышеприведенных аргументов обоснованным представляется вывод о том, что пункт «f» статьи 7 Конвенции 1980 г. должен толковаться широко, и право на подачу искового заявления Центральным органом оправдано по нескольким причинам. Во-первых, это ускорит процедуры, связанные с возвращением ребенка в государство обычного проживания. У данных органов может иметься возможность более быстрой подачи искового заявления в суд, чем у оставленных родителей. Во-вторых, благодаря механизмам взаимодействия данных органов друг с другом, у них есть возможность полноценного участия в рассмотрении дела и предоставления необходимых доказательств в кратчайшее время.

Тем самым, целесообразность внесения изменений и дополнений в ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ обоснована необходимостью:

- четкого разграничения дел о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка и дел об осуществлении в отношении ребенка прав доступа;
- конкретизации перечня «иных лиц», которые могут обращаться в суд с заявлением о возвращении ребенка;
- наделения центрального органа правом на обращение в суды с иском о возвращении незаконно перемещенного ребенка.

В связи с этим, ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ должна быть изложена в следующей редакции: «Заявление о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации (далее – заявление о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа) подается в суд родителем или *законным представителем ребенка*

(усыновителем, опекуном, попечителем ребенка, приемным родителем, патронатным воспитателем, представителем учреждения или организации, на попечении которых находится ребенок), полагающим, что ответчиком нарушены его права опеки или права доступа, либо подается в суд прокурором или центральным органом, назначенным в Российской Федерации в целях обеспечения исполнения обязательств по международному договору Российской Федерации.».

Также представляется целесообразным выявить пределы права подачи искового заявления у данных органов, так как не всегда Центральный орган может инициировать дело в суде. Подобным пределом видится заявление оставленного родителя с данной просьбой и объяснением причин, из-за которых он не может лично подать исковое заявление в суд. Подобная практика принята в вышеперечисленных странах, и стоит отметить, что такое заявление может быть подано в Центральный орган двух стран. Среди причин, из-за которых оставленный родитель не может лично это сделать, указывается его физическое или финансовое состояние, уход за больным человеком и т.д. Причем список причин открыт, и практически все подобные заявления принимаются Центральными органами.

Если говорить о процессуальном положении Центральными органами в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа при подаче ими искового заявления, то нужно отметить, что в других странах-участницах Конвенции 1980 г. сложились две трактовки этого положения. Так, в вышеперечисленных странах Центральный орган выступает в качестве стороны по делу. Он выступает в качестве «стороны от имени заявителя»¹ и обладает всеми процессуальными правами и

---

¹ См., например: Guide to Good Practice under the Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction: Part II- Implementing Measures (Permanent Bureau of the Hague Conference on Private International Law, Jordan Publishing Limited, Hague 2003), at 26.; Taryn Lindhorst and Jeffrey L. Edleson, Battered Women, Their Children, and International Law: The Unintended Consequences of the Hague Child Abduction Convention (Northeastern University Press, Boston 2012), at 7.

обязанностями стороны. В других странах сложился иной подход, согласно которому Центральный орган только инициирует судебное дело, но участвовать в судебном рассмотрении в качестве стороны не вправе. После подачи искового заявления Центральный орган или дожидается пока оставленный родитель сам лично приедет в государство, либо предоставляет ему адвоката, который будет представлять его интересы. Так, в Словении Высший суд в Мариборе в решении III Цп 1721/2010 постановил, что, хотя Министерство труда, семьи и социальных дел и отправляет заявление в компетентный суд, но оно не может рассматриваться в качестве заявителя или стороны по делу, так как заявителем является только родитель, который просит о возвращении ребенка в государство обычного проживания. Центральный орган является только координатором между компетентными органами, и с целью наиболее быстрого возвращения ребенка в страну обычного проживания направляет заявление в суд¹.

Для нашей страны наиболее приемлемым представляется первый подход, с некоторыми особенностями. Оптимальной является модель участия Центрального органа в качестве *процессуального истца*, который обладает инициативой по возбуждению дела и осуществляет активное участие в процессе, а также не имеет материальную заинтересованность в деле. Такой подход сложился и в других странах, где Центральный орган выступает полноправной стороной в деле. Подобное участие центрального органа в анализируемых делах напоминает процессуальное положение прокурора, который также выступает в качестве процессуального истца. Представляется правильным наделение Центрального органа всеми правами и обязанностями, которыми наделены стороны в делах о возвращении ребенка. Как компетентный орган, центральный орган в данных делах выступает в защиту интересов заинтересованного лица, не имеющего возможности обратиться в суд самостоятельно. Основанием для этого положения являются

---

¹ *Končina Peternel, Mateja, Mednarodna ugrabitev otrok, Pravosodni bilten, št. 2013/3. P. 50.*

задачи Центрального органа, которые состоят в эффективном и быстром применении Конвенции 1980 г., помощи оставленным родителям в возвращении ребенка в государство обычного проживания. У данного органа имеется весь необходимый инструментарий для реализации защиты данных прав, и подобное участие представляется оправданным и необходимым для успешного применения международного договора, для наиболее быстрого возвращения ребенка.

Тем самым, законодательство, посвященное субъектам гражданских процессуальных правоотношений по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, нуждается в дальнейшем совершенствовании, чему должна способствовать реализация сформулированных в данном параграфе диссертации предложений, а именно:

- предоставить суду право в исключительных случаях выступать с мотивированной инициативой по обеспечению иска в виде запрета изменения места пребывания ребенка до вступления в законную силу решения суда;

- закрепить в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ положение, согласно которому по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, служит препятствием к разбирательству дела;

- разработать и внедрить статистические формы, в которых должны обобщаться данные, касающиеся исполнения Россией обязательств, принятых при присоединении к международным конвенциям о защите прав детей;

- разъяснить на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ формы участия органов опеки и попечительства в исследуемой категории дел и критерии, которым должны отвечать подготавливаемые сотрудниками этих органов заключения;

- внести изменение в ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ, конкретизировав перечень «иных лиц», имеющих право на подачу искового заявления по исследуемой

категории дел, а также предоставив Центральному органу право на подачу искового заявления по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

§ 2.3 Доказывание по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа

Каждая стадия гражданского процесса, совершение любого процессуального действия в той или иной степени затрагивают вопросы доказывания, что обуславливает особое внимание к этому институту¹. Изучение и анализ института доказывания играет важную роль не только в теоретическом аспекте, но и в практическом. Вынесение законного и обоснованного судебного решения напрямую зависит от правильного исследования доказательной базы дела, что особенно значимо в делах, связанных с судьбой ребенка.

Как отмечает М.А. Фокина, главной «целью доказывания в гражданском судопроизводстве является правильное и своевременное установление фактических обстоятельств дела»². Соглашаясь с С.В. Никитиным, можно утверждать, что процесс доказывания «должен отражать весь спектр доказательственной деятельности заинтересованных лиц на всех стадиях гражданского процесса именно как взаимосвязанных и последовательных процессуальных действий»³.

Для достижения целей доказывания, в первую очередь, следует определить, какие обстоятельства входят в предмет доказывания. ГПК РФ не

---

¹ Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для бакалавриата и магистратуры. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 10.

² Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2011. С. 9.

³ Никитин С.В. Судебный нормоконтроль в гражданском процессе и арбитражном процессе: Вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2010. С. 36.

содержит перечня юридических фактов, входящих в предмет доказывания по каждому делу, поскольку из-за разнообразия и сложности гражданских дел сделать это не представляется возможным. В теории цивилистического процесса также не сложилось единого понимания круга фактов, входящих в предмет доказывания. Некоторые ученые в предмет доказывания включают только факты материально-правового характера, так как только с помощью этих фактов можно правильно разрешить дело по существу¹. Позиция других ученых заключается в том, что в предмет доказывания входят не только факты материально-правового характера, но и «вспомогательные» факты, процессуальные².

Наиболее верным представляется подход, согласно которому в предмет доказывания входят только факты материально-правового характера, связанные с основанием иска и возражением против него. В предмет доказывания могут входить только те факты, которые помогают разрешить дело по существу, - именно установление данных фактов необходимо для вынесения обоснованного решения. Соглашаясь с М.К. Треушниковым, следует отметить, что понятие предмета доказывания связано с применением норм материального права для вывода о субъективном праве. Данное положение сосредотачивает внимание суда на том фактическом составе, без выяснения которого невозможно правильно применить норму материального

---

¹ См., например: *Юдельсон К.С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе (цит. По Юдельсон К.С. Избранное: Советский нотариат. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. - М., 2005.; Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 36.; *Лилуашвили Т.А.* Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: Автореф. дис...к.ю.н. - М., 1961. С. 6-7.; *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. - Минск, 1969. С. 39.

² См., например: *Решетникова И.В.* Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для бакалавриата и магистратуры. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 41; *Ярков В.В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. - М., 2012. С. 156-157.; *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. - Казань, 1976. С. 54.

права¹. Именно с этой позиции представляется правильным начать анализ фактов, входящих в предмет доказывания по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

Как отмечалось ранее во втором параграфе первой главы диссертации, главными понятиями, которые устанавливает Конвенция 1980 г., является незаконное перемещение и удержание ребенка. Определить незаконность данных действий, возможно через установление двух юридических фактов:

- факт наличия прав опеки оставленного родителя, которые им реально осуществляются;
- факт отсутствия согласия оставленного родителя на перемещение ребенка.

В «Обзоре практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года», утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. сказано, что по рассматриваемой категории дел в 2016-2018 гг. «суды, в частности, исследовали такие юридически значимые обстоятельства, как: наделено ли лицо, обратившееся в суд, правами опеки в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания, и осуществлялись ли им данные права в отношении ребенка, является ли государство, из которого ребенок был перемещен, его постоянным местом проживания, обстоятельства перемещения ребенка в Российскую Федерацию, имелось ли согласие другого родителя на перемещение ребенка, и, если имелось, на какой срок оно было дано»².

Как следует из ст. 13 Конвенции 1980 г., судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан

---

¹ Треушников М.К. Судебные доказательства. - М.: Городец, 2005. С. 22.

² «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

предписывать возвращение ребенка в случае, если будет установлено, что лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке дали согласие на его перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против таковых.

Поскольку ранее были рассмотрены основные признаки данных понятий, в этой части диссертационного исследования хотелось бы проанализировать способы доказывания данных юридических фактов, ответить на вопрос о том, с помощью каких средств можно доказать факт нарушения прав опеки оставленного родителя и факт отсутствия согласия оставленного родителя на перемещение ребенка.

Наличие прав опеки, а, следовательно, и дальнейшее их нарушение, доказывается оставленными родителями по-разному, поскольку в каждом государстве родительская опека регламентируется по-разному и родитель, наделенный правом опеки, может обладать различным объемом прав в разных странах. Например, в Швеции единоличная опека одного из родителей подразумевает его право вывозить ребенка за границу без согласия другого, хотя в Испании, при единоличной опеке существует необходимость получения согласия другого родителя на вывоз ребенка за границу. Следовательно, в каждом конкретном деле оставленный родитель должен доказать наличие у него подобных прав посредством ссылок на законодательство своей страны, либо на судебное решение, указывающее, что именно данный родитель обладает правом опеки.

Стоит отметить, что понятие «решения», вводимое Конвенцией 1980 г., требует широкой трактовки и должно учитывать национальные правовые особенности страны, откуда переместили ребенка. Данное понятие является обобщающим и включает в себя не только судебное решение, но и иные виды судебных актов, в некоторых случаях даже административных актов, если данного вида акты могут быть приняты в государстве обычного проживания ребенка. При этом, столь же широко следует трактовать и

юридически значимые факты, относящиеся к предмету доказывания, о которых в диссертации говорилось ранее.

Более сложным представляется доказывания эффективного осуществления данных прав. Как отмечалось ранее, понятие эффективности довольно оценочно и не имеет определенных критериев, и в каждом конкретном случае суду предстоит самому решать, осуществляются ли данные права эффективно или нет. Зарубежный опыт говорит о довольно широкой трактовке данного понятия. При этом, национальные суды других стран редко признают, что оставленный родитель не осуществлял права опеки эффективно. Подобная позиция прослеживается во множестве дел. Например, в Великобритании суд пришел к выводу, что родитель, который передал заботу о воспитании ребенка третьему лицу, был признан осуществляющим свои права опеки эффективно¹.

В этой связи думается, что анализируемое понятие должно толковаться достаточно широко, но также должны и приниматься во внимание определенные критерии осуществления данных прав, среди которых можно выделить заботу о ребенке, внимание к нему, беспокойство его физическим, психологическим здоровьем, его будущим. Достаточно нелогичным выглядит эффективное осуществление прав опеки человеком, который отдал ребенка на воспитание третьему лицу и не видел его несколько лет, как в указанном выше деле. Хотя, бывают примеры, когда опекун и ребенок не проживают совместно, но родитель проявляет заботу о ребенке, волнуется о нем.

В этом и состоит сложность определения эффективности, так как даже в одинаковых на первый взгляд делах, вывод об эффективности осуществления прав опеки можно сделать только благодаря каким-то незначительным деталям. Так, в одном из своих решений Высший суд города Марибор (Словения) заключил, что эффективное осуществление прав опеки

---

¹ *Schuz Rh. The Hague Child Abduction Convention: A Critical Analysis. Oxford, 2013. P. 156.*

– довольное сложное, неоднозначное понятие, но в то же время у суда не вызывает трудности понять эффективно осуществляются право опеки или нет. Ведь если мать ребенка (который живет в школе-пансионе) обеспокоена его физическим состоянием, уделяет ему время по выходным, систематически общается с его педагогами и проявляет интерес к его образованию, воспитанию и дальнейшему будущему, то свои права она осуществляет эффективно, даже несмотря на то, что живет с ребенком раздельно¹.

Действительно, критерий совместного проживания с ребенком не должен играть главной роли в анализируемых делах, так как существует множество примеров, когда родители живут вместе с ребенком, но не проявляют к нему никакого внимания и плохо исполняют свои родительские обязанности. Главным при определении эффективности является внимание родителя к ребенку, участие в его воспитании, забота о его состоянии, его будущем, отсутствие негативного влияния на ребенка. Авторы Конвенции 1980 г. не просто так включили данное понятие в международный договор, поскольку если оставленный родитель плохо воспитывал ребенка, не заботился о нем, может ему будет лучше в другой стране, с другим родителем.

Интересной представляется позиция английских ученых, по мнению которых, если оставленный родитель обращается в суд другой страны с просьбой вернуть ребенка, проявляет обеспокоенность его будущим, боится, что может больше не увидеть ребенка – это означает, что свои права опеки он осуществляет эффективно, так как «плохой» родитель не будет столько сил тратить на возвращение ребенка². Авторы исходят из того, что, как правило, не обеспокоенный судьбой ребёнка родитель не предпринимает попыток к его возвращению.

---

¹ *Končina Peternel, Mateja*, Mednarodna ugrabitev otrok, Pravosodni bilten, št. 2013/3. P. 49.

² *Booth, A. & Amato, P.R.* Parental predivorce relations and offspring postdivorce well-being. *Journal of Marriage and Family*. 2001. 63, P. 198.

Доказывание эффективности осуществления прав опеки строится, прежде всего, на устных показаниях ответчика. При этом, при установлении эффективности осуществления прав опеки необходимо обращать внимание на все обстоятельства дела. Это могут быть факты, свидетельствующие, например, о том, что истец заботился о ребенке, занимался его жизнью, образованием, развитием, водил его на различные кружки, посещал с ним врача и т.п. Нередко истцы, в качестве подтверждающих достойное осуществление прав опеки доказательств, прикладывают к исковому заявлению письменные показания педагогов похищенного ребенка, а также своих родственников.

Также достаточно сложен в доказывании юридический факт отсутствия или наличия согласия на поездку ребенка. При наличии согласия на перемещение ребенка данное перемещение не может считаться незаконным, что вполне логично, и чаще всего ответчик настаивает на том, что истец давал свое согласие. Истец не должен доказывать отсутствие согласия на перемещение, так как считается, что он не давал такого согласия, пока не доказано иное, но ответчик в определенных случаях может доказать, что согласие на перемещение имелось.

Основные проблемы в доказывании возникают в тех случаях, когда оставленный родитель не догадывался о планах похитившего родителя, и мог дать согласие на поездку ребенка. Например, когда родитель думал, что ребенок уезжает на каникулы, но по истечении оговоренного срока ребенок не вернулся. Прежде всего, суд должен учесть все обстоятельства, связанные с возможностью дачи согласия. В случаях, когда родитель был введен в заблуждение, убедительными доказательствами служат купленные заранее билеты, по которым ребенок должен был вернуться обратно, срок визы ребенка, подтверждающий, что ребенок едет в другую страну только на определенное время, переписка между родителями, в которой они обсуждают характер предстоящей поездки и т.п.

Так, в Пятигорском городском суде рассматривалось дело между гражданином Испании и гражданкой России о возвращении ребенка, незаконно перемещенного в Российскую Федерацию. Ответчик, вместе со своим сыном, приехали в Россию провести летние каникулы ребенка, познакомиться с российскими родственниками и т.д. Истец лично покупал билеты жене и ребенку в оба конца и, при обсуждении с женой даты обратного вылета, они договорились, что пятого августа они вернуться в Испанию, чего, соответственно, не произошло.

Позиция ответчика заключалась в том, что ее поездка с ребенком была заранее известна истцу, и он дал на нее согласие, не выразил свои возражения против данной поездки. Истцом самим были куплены авиабилеты, при этом он проводил их в аэропорт и знал об их перелете. Таким образом, ответчик приехала с ребенком в Россию из Испании с согласия истца, имея все законные основания для выезда несовершеннолетнего ребенка из Испании.

Судья согласился с ответчиком и пришел к выводу, что исковые требования не подлежат удовлетворению. Позиция судьи заключалась в том, что ребенок является гражданином Российской Федерации и зарегистрирован по месту жительства своей матери. Согласно ч. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов. При этом, перемещение ребенка в Российскую Федерацию нельзя рассматривать как незаконное и потому, что в соответствии с пунктом «а» ст. 13 Конвенции 1980 г. не является похищением перемещение ребенка одним из родителей, если второй не выразил свои возражения против таковых. Кроме того, истцом лично были приобретены авиабилеты в Российскую Федерацию на имя ребенка и его матери¹.

---

¹ Решение по делу Дело № 2-29**/16 // Архив Пятигорского городского суда.

Однако, позиция судьи представляется необоснованной по нескольким причинам. Во-первых, место проживания ребенка не должно определяться гражданством родителя и национальным законодательством, когда Конвенция 1980 г. устанавливает это понятие и, рассматривая дело на основании международного договора, необходимо руководствоваться этим самым договором, а не Гражданским кодексом РФ. Бесспорным является тот факт, что место обычного проживания ребенка в данном случае, - Испания. Ребенок там жил на протяжении девяти лет, рос, учился, и приехал в Россию впервые.

Во-вторых, суд не принял во внимание наличие обратных билетов, как у матери, так и у ребенка. Почему-то в мотивировочной части решения суд указал только факт покупки билета в нашу страну, тем самым пришел к выводу, что истец не только дал согласие на перемещение ребенка, но и своим поведением показывал данное согласие. Непонятно также, почему суд не обратил внимание на то, что истцом были куплены и обратные билеты, подтверждающие его заблуждение по поводу характера поездки матери и ребенка. При определении отсутствия согласия родителя на перемещение ребенка суд должен учитывать все факторы, все обстоятельства, подтверждающие данный юридический факт. Как суд мог принять во внимание только наличие одного билета, когда есть и другой – остается загадкой.

Чтобы ответчику доказать наличие согласия истца на перемещение ребенка нужно понимать, что данное согласие должно быть выражено четко и ясно, недвусмысленно и должно быть подтверждено убедительными доказательствами. Сложность доказывания данного факта заключается в его «ситуационности», «оценочности», т.е. в каждом конкретном случае судья должен изучать все обстоятельства дела, чтобы решить, было ли дано соответствующее согласие или нет. Наиболее убедительными средствами доказывания в подобных случаях являются письменные согласия (например, нотариальное согласие на переезд ребенка, переписка родителей, в которой

оставленный родитель не возражает против переезда ребенка в другую страну и т.д.).

В соответствии с абз. 1 ст. 20 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», несовершеннолетний гражданин Российской Федерации, как правило, выезжает из Российской Федерации совместно хотя бы с одним из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей. В случае, если несовершеннолетний гражданин Российской Федерации выезжает из Российской Федерации без сопровождения, он должен иметь при себе кроме паспорта нотариально оформленное согласие названных лиц на выезд несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации с указанием срока выезда и государства (государств), которое (которые) он намерен посетить.

Срок поездки несовершеннолетнего за границу, на которое дано нотариальное согласие его родителя, определяется по правилам ст. 190 ГК РФ. В Письме ФНП от 27 февраля 2010 г. № 329/06-01ТВ «О согласии законных представителей на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации»¹ абсолютно верно в этой связи сказано, что «выдача согласия сроком на продолжительный период времени (например, «три года» или «до наступления совершеннолетия») без привязки к конкретной поездке не согласуется с действующим законодательством и может привести к нарушению прав ребенка и невозможности обеспечения его интересов, а также породить впоследствии конфликтные ситуации».

Но, к сожалению, в большинстве дел подобные письменные доказательства отсутствуют, так как перемещение ребенка происходит весьма неожиданно, или втайне. Соответственно, чаще всего суду

---

¹ См.: Письмо ФНП от 27.02.2010 № 329/06-01ТВ «О согласии законных представителей на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» // Нотариальный вестник. 2010. № 5.

приходиться оценивать поведение истца, его действия, и на основании данной оценки решать – было ли дано согласие или нет.

Хорошим примером оценки поведения истца является дело, рассмотренное Швейцарским судом г. Цюрих¹. Суд отказал в возвращении ребенка в Италию, откуда он был вывезен матерью с согласия отца. Позиция истца заключалась в том, что он не давал согласия на переезд ребенка в Швейцарию и думал, что мать везет ребенка на каникулы к своим родителям. Однако, суд установил, что истец помогал матери с переездом, а именно разбирал мебель, собирал вещи, как матери, так и ребенка, и в дальнейшем, даже присылал оставленные ими вещи в Швейцарию. При подобных обстоятельствах, позиция истца о том, что он не догадывался о характере поездки матери с ребенком, и был введен в заблуждение, показалась суду необоснованной.

К сожалению, соглашаясь со множеством зарубежных авторов², можно прийти к выводу, что не существует каких-либо четко определенных правил относительно оценки и доказывания таких юридических фактов, как эффективное осуществление прав опеки, а также отсутствие или наличие согласия на переезд ребенка. Причиной этому является «ситуационность» данных фактов, в силу чего невозможно обобщить, применить те или иные критерии к понятиям, которые дают столь широкий выбор вариантов. В каждом деле все зависит от конкретных обстоятельств, изучив которые суд может прийти к какому-либо выводу.

При установлении факта эффективности осуществления прав опеки наиболее обоснованным представляется использовать широкий подход к оценке наличия этого факта, но, в то же время, подход, используемый в

---

¹ Case: Bezirksgericht Zürich (Zurich District Court) (Switzerland) // URL: <https://www.incadat.com/en/case/425> (дата обращения: 10.02.2020)

² См., например: *Shaw, Malcolm N.* International Law. Sixth Edition. New York. Cambridge University Press. 2008. P. 165.; *Sthoeger E.*, International Child Abduction and Children's Rights: Two Means to the Same End, 32 Michigan Journal of International Law 511. 2011. P. 75.

других национальных юрисдикциях, представляется довольно радикальным и категоричным. Осуществление прав опеки не может сводиться к любым действиям лица по отношению к ребенку. К примеру, довольно нелогичными кажутся решения суда, в которых признается, что отец, не видевший свою дочь около четырех лет, признается «эффективным» опекуном и может требовать возвращения ее в страну, в которой с которой ребенка ничего не связывает. В подобных случаях не представляется оправданным наличие понятия «эффективности» в тексте Конвенции 1980 г., так как если любой опекун, который хоть «что-то делает» по отношению к ребенку признается эффективным, то для чего тогда вообще вводить данное понятие, не стоит ли просто ограничиться формальным критерием опекуинства.

Думается, что даже при широкой трактовке исследуемого понятия, должны быть применены четко определенные критерии, позволяющие суду понять и оценить этот сложный в доказывании юридический факт. Среди таких критериев предлагается выделить факт действительной заботы о ребенке, о его психологическом и физическом состоянии и о его будущем. Только тот родитель, который проявляет заботу и обеспокоен воспитанием ребенка, может быть признан «эффективным» опекуном. Забота может выражаться в совершенно разных формах и не должна ограничиваться совместным проживанием с ребенком. Родитель, который волнуется о ребенке, будет следить за его образованием, воспитанием, успехами в школе, его здоровьем. Причем названные действия могут быть совершенны даже при раздельном проживании.

Факт наличия или отсутствия согласия на перемещение ребенка также довольно сложно поместить в доказательственные рамки, поскольку даже при наличии недвусмысленного, однозначного согласия оставленного родителя на перемещение ребенка, он может быть введен в заблуждение и не догадываться о реальном характере поездки. Из примеров, приведенных в диссертации ранее, становится понятно, что вариантов «ложных» согласий достаточно много, но представляется правильным, что при доказывании

отсутствия согласия, при оценке доказательств, суд должен обратить внимание на обстоятельства, при которых давалось согласие. Если оставленный родитель был введен в заблуждение характером поездки, и существуют доказательства этому, становится ясно, что его согласие было направлено не на переезд ребенка, а на временное путешествие ребенка в другую страну. Наличие согласия на перемещение доказывается ответчиком, исходя из этого, представляется наиболее правильным выделение таких критериев, как однозначность, недвусмысленность согласия, при отсутствии письменных доказательств, свидетельствующих о наличии согласия, суд должен оценить поведение истца во время переезда ребенка. Если действия оставленного родителя были направлены на помощь в переезде, и он был осведомлен о характере поездки, можно предположить, что им не высказывались возражения против перемещения ребенка.

Становится ясным, что все эти критерии достаточно условны, так как невозможно систематизировать и обобщить всевозможные варианты событий, при которых незаконно перемещают ребенка, а, следовательно, и дальнейшее доказывание этих фактов. Понимая это, авторы Конвенции 1980 г. и перекладывают ответственность на судей, рассматривающих дела и оценивающих доказательства, так как в каждом деле, только исходя из полного исследования всех доказательств и всех обстоятельств дела, можно однозначно решить, было ли перемещение незаконным или нет. Российские судьи при оценивании данных двух фактов должны оценивать не только их, но и все обстоятельства, которые могут быть с ними связаны, поведение оставленного родителя, поведение похищающего родителя и т.д. Только при полном исследовании всех обстоятельств дела, можно дать однозначный ответ.

Перечень входящих в предмет доказывания обстоятельств-исключений содержится в статьях 12, 13 и 20 Конвенции 1980 г. и, стоит отметить, что все эти обстоятельства не исключают вины похитившего родителя. Они направлены на защиту интересов ребенка, на учет его наилучших интересов,

и исходят из того, что если в деле наличествуют соответствующие обстоятельства, то ребенку будет лучше остаться в той стране, куда его перевезли.

Первым подобным юридическим фактом, входящим в предмет доказывания по данной категории дел и позволяющим ребенку остаться в той стране, в которую его перевезли, является факт адаптации ребенка в новых условиях. Конвенция 1980 г. исходит из того, что после адаптации ребенка повторное его перемещение негативно скажется на его психологическом состоянии, приведет к негативным последствиям, так как ребенку снова предстоит учиться жить в новых, чужих для него условиях.

Понятие адаптации ребенка оценочное. Конвенция 1980 г. не раскрывает его содержание и в каждом конкретном деле перед судом стоит довольно сложная задача определить адаптировался ли ребенок или нет. Можно выделить два факта, которые ответчик должен доказать со ссылкой на ст. 12 (2): а) с момента предполагаемого похищения до момента начала процедур по возвращению ребенка прошло больше одного года; б) ребенок действительно привык к новым условиям жизни и дальнейший переезд окажет негативное воздействие на его жизнь.

Если с момента незаконного перемещения ребенка до момента начала процедур по возвращению ребенка прошло менее одного года, факт его адаптации не может входить в предмет доказывания. Началом незаконного перемещения и удержания ребенка признается дата пересечения границы государства обычного проживания ребенка или, соответственно, дата, в которую ребенок должен был быть возвращен. Рассматриваемый срок прекращает течь с даты начала процедур по возвращению ребенка.

Более сложным в доказывании представляется сам факт адаптации ребенка. Согласно психологическому словарю, под адаптацией понимается приспособление человека к изменяющимся внешним и внутренним условиям; приспособление человека как личности к существованию в

обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами¹.

При изучении зарубежного опыта не удалось найти однозначного ответа на вопрос о том, когда можно считать ребенка адаптировавшимся в новой среде. Национальные суды государств-участников Конвенции 1980 г. по-разному определяют критерии адаптации ребенка, и единственным схожим требованием при определении данного факта считают, что то или иное обстоятельство должно трактоваться достаточно строго.

Позиция судов Новой Зеландии мягче, так как в своих решениях они стоят на позиции, согласно которой интересы ребенка выше целей Конвенцией 1980 г., но ответчику, пытающемуся доказать факт адаптации ребенка, «нужно убедить суд в этом настолько, чтобы у суда не оставалось никаких сомнений»². Формулировка довольно общая, но, как представляется, отражающая заложенный в Конвенции 1980 г. подход и саму философию международного договора, которая заключается в довольно узком толковании обстоятельств-исключений, содержащихся в данном акте.

Адаптировавшийся ребенок должен понимать, что находится в данном месте в безопасности, что нахождение в новом месте не временно, оно постоянно. Ребенок должен чувствовать себя интегрированным в новое для него общество, ему должно быть психологически комфортно в новой среде. Недостаточно констатировать факт утраты контактов с оставленным родителем или с оставленной привычной средой, у ребенка должны появиться новые связи, которые «укореняют» его в новом месте.

Хорошим примером в этом отношении служит рассмотренное в Тверском районном суде г. Москвы дело по спору между подданным Великобритании и гражданкой Российской Федерации о возвращении

---

¹ Большой психологический словарь. - М.: Прайм - ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко, 2003.

² Case: Secretary for Justice v. HJ // URL: <https://www.incatat.com/en/case/1127> (дата обращения: 10.02.2020)

ребенка в Соединенное Королевство¹. Позиция ответчика состояла в том, что ребенок полностью адаптировался в новой среде, привык к жизни с матерью и возвращение ребенка в Соединенное Королевство может причинить ему психологический вред и ввести его в депрессию. Суд не согласился с данной позицией, аргументируя это тем, что ребенок за полтора года совместного проживания с матерью на территории нашей страны не выучил русский язык и общался с ней только на английском языке. Также у ребенка была аллергия на множество продуктов, и он не мог посещать государственный детский сад, который не располагал специальным меню для аллергиков, соответственно ребенок практически все свободное время находился дома с другими родственниками, не заводил новых друзей и т.д. Хотя в Великобритании, по справедливому замечанию суда, ребенок исправно посещал детский сад и внеклассные мероприятия, имел много друзей и развивался в различных направлениях, о чем свидетельствовали письма его педагогов из Соединенного Королевства, предоставленные истцом.

Более того, из писем мальчика к отцу суд сделал вывод, что ребенок скучает по отцу и по родному городу и друзьям, хотя также привязан и к матери, но возвращение ребенка не причинит ему сильного психологического вреда.

Соглашаясь с судом, можно прийти к выводу, что при определении факта адаптации ребенка в новой среде следует исходить из нескольких факторов, как внешних, так и внутренних: знания языка, невозможности посещать образовательные учреждения, наличие друзей-сверстников, психологическое состояние ребенка, свидетельствующее о том, что он не чувствует себя в новом месте спокойно и комфортно, так как скучает по отцу, по остальным членам семьи, не находит себя в новом обществе, так как у него нет новых интересов в данном обществе, новых связей.

---

¹ Дело №2-2****/1* // Архив Тверского районного суда г. Москвы.

Л.А. Скабелина обращает внимание на то, что «выяснить интересы ребенка суд может четырьмя основными способами: 1) опросив ребенка в суде; 2) опросив в суде родителей ребенка и свидетелей; 3) при помощи заключения органов опеки и попечительства; 4) при помощи заключения СПЭ или заключения специалиста»¹. При этом автор отмечает наблюдаемую в последнее время тенденцию, в соответствии с которой в дело всё чаще предоставляются результаты судебно-психологической экспертизы, на разрешение которой ставятся вопросы об отношении несовершеннолетнего к тому или иному родственнику, восприятие им места проживания, а также сама способность к самостоятельным суждениям и принятию решений. Однако, качество подобных заключений далеко не всегда находится на высоком уровне².

Исходя из этого, представляется правильным при оценке юридического факта адаптации ребенка суду использовать как внешние, так и внутренние критерии оценки. Из анализа зарубежной и российской судебной практики следует, что наиболее убедительными доказательствами являются заключения специалистов (детских психологов, педагогов), основанных на общении с ребенком и свидетельствующих об интеграции ребенка в новую среду.

Главный метод оценки адаптации ребенка – общение с самим ребенком, так как только через общение с ребенком можно узнать, адаптировался ли он в новой среде или нет, причем, как справедливо показывает практика, не стоит ему задавать прямых вопросов в этом направлении, а опрашивать его опосредованно, интересоваться его повседневным образом жизни, его чувствами др.

Российская практика не всегда дает возможность для разговора с ребенком наедине. Стоит отметить и сложность такого разговора с ребенком,

---

¹ Скабелина Л.А. Возможности использования адвокатом специальных психологических познаний в международных спорах родителей о детях // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 17.

² Там же.

к которому нужно войти в доверие, почувствовать его эмоциональное состояние, поэтому более верным представляется использовать заключение эксперта-психолога, который после разговора с ребенком может понять степень его интеграции в новой стране, в обществе, его психологическое состояние и другие значимые обстоятельства.

Следующим обстоятельством-исключением, входящим в предмет доказывания по исследуемой категории дел, является возможный риск или угроза причинения физического или психологического вреда ребенку в случае его возвращения в государство обычного проживания. Согласно статистике, именно на этом основании европейские суды чаще всего отказывают в возвращении ребенка (в 2015 г. 34% судебных решений об отказе в возвращении ребенка были обоснованы ссылками на п. «b» ст. 13 Конвенции 1980 г.).

Безопасность ребенка является наивысшей ценностью, в силу чего Конвенция 1980 г. обеспечивает защиту детей от вреда, вызванного незаконным перемещением или удержанием. Однако, в некоторых случаях, возвращение ребенка может причинить ему еще больший вред, и в связи с этим Конвенцией установлены случаи, при доказанности которых, ребенок будет оставлен в стране незаконного перемещения. Среди этих случаев:

- угроза причинения физического вреда ребенку;
- угроза причинения психологического вреда ребенку;
- невыносимые условия, в которых окажется ребенок в случае его возвращения.

Исходя из текста Конвенции 1980 г., перечисленные случаи должны трактоваться ограничительно, с тем чтобы были учтены цели международного договора, наилучшие интересы ребенка, иначе основная идея Конвенции 1980 г., ее философия, ее цели «превратятся в пустой звук»¹.

---

¹ *Pérez-Vera Explanatory Report on the 1980 Hague child abduction convention.* P. 34.

При изучении практики национальных судов других стран видно, что серьезный риск причинения физического или психологического вреда ребенку может произойти в таких случаях, как: а) возвращение в зоны военных действий, массового голода, эпидемии; б) случаи жестокого обращения, глубокого эмоционального подчинения, отсутствия надзора и одновременного бессилия властей (государства обычного проживания) предоставить ребенку надежную защиту его прав¹.

В первом случае, большинство примеров из судебной практики связано с делами, касающимися возвращения в Израиль. Ответчики часто ссылались на то, что в данной стране нестабильная политическая и социальная ситуация, постоянные военные действия и т.д. Но суды не соглашались с подобными утверждениями, обосновывая свою позицию тем, что возвращение ребенка в Израиль не означает, что он подвергнется физической или психологической опасности по смыслу п. «б» ст. 13, так как ребенок до этого жил в этой стране при такой же политической обстановке, и она на него не оказала никакого негативного влияния². При определении физической и психологической угрозы, которые могут быть причинены военными или другими действиями, суды должны оценивать характер данных действий, массовость, опасность. Суд должен проследить последствия указанных, например, военных действий на дальнейшую безопасность ребенка, на то, как эти действия могут отразиться на ребенке. Безусловно, неправильно возвращать ребенка в страну, на территории которой происходят подобные действия, но, как видно, в случае с Израилем, возвращение ребенка в эту

---

¹ Например: case «Friedrich v. Friedrich» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/82> (дата обращения: 10.02.2020)

² См.: A. and A., 5 October 2001, Buenos Aires, Argentina; W., 25 January 2001 [INCADAT cite: HC/E/AR 487]; Kilah & Director-General, Department of Community Services [2008] FamCAFC 81, [INCADAT cite: HC/E/AU 995]; № 03/3585/A, Tribunal de premiere instance de Bruxelles, 17/4/2003 [INCADAT cite: HC/E/BE 547]; C., 4 December 2001, Superior Court of Justice, Ontario, Court File No 01-FA-10575; V.L.K., 11 januar 2002, 13. afc/e/mg, B-2939-01, Vestre Landsret; High Court, Western Division [INCADAT cite: HC/E/DK 519].

страну не подвергнет его серьезному риску, так как в этой стране дети хорошо защищены, их интересы учитываются и защищаются.

Второй случай чаще всего касается домашнего насилия по отношению к матери ребенка и к самому ребенку. По статистике чаще всего «похитителями» ребенка являются матери и примерно в 30% случаях ответчики ссылаются на домашнее насилие, возражая против возвращения ребенка. Позиция ответчиков заключается в том, что они покинули государство обычного проживания ребенка в целях спасения себя и ребенка от насилия, соответственно, возвращение подвергнет ребенка серьезному риску вновь оказаться жертвой агрессивного поведения со стороны истца.

Убедительными доказательствами домашнего насилия служат различные справки о побоях, обращениях в полицию за защитой и т.п. Так, в деле, рассмотренном Дзержинским районным судом города Санкт-Петербург, ответчица ссылалась на систематические побои, причинявшиеся ей и ребенку во время их совместного проживания с мужем в другой стране. Ею были предъявлены предоставленные полицией справки о том, что она обращалась с просьбой о защите. Более того, ответчица ссылалась на то, что ее муж – бывший заключенный и систематически принимает наркотические вещества. Первое обстоятельство было доказано справкой, предоставленной Центральным органом страны обычного проживания ребенка, но доказать наркотическую зависимость супруга ответчица не смогла. Несмотря на это, суд отказал в иске и оставил ребенка с матерью, ссылаясь на п. «б» ст. 13, и полагая, что возвращением в страну постоянного проживания без матери ребенку может быть причинен не только физический, но также и психологический вред¹. Подобное судебное решение представляется оправданным, так как суд защитил ребенка от домашнего насилия, которое могло бы быть ему причинено в случае его возвращения, но, в данный

---

¹ Дело №2-2****/1* // Архив Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербург.

момент, судебная практика государств-участников Конвенции 1980 г. складывается иным образом.

Данный подход представляется весьма противоречивым. Создается ощущение, будто суды не хотят рассматривать исследуемую категорию дел и «передают ответственность» для защиты прав ребенка судам других стран. Из буквального толкования международного договора, следует, что в случае реальности физической и психологической угрозы, ребенок не может быть возвращен в государство обычного проживания. Авторы Конвенции 1980 г. включили данный пункт в целях защиты ребенка от вредных, агрессивных действий. Перед судом, рассматривающим дело о возвращении ребенка, стоит задача наилучшим образом защитить ребенка, его интересы, сделать все для дальнейшей его безопасности.

Безусловно, соглашаясь со многими авторами, следует подчеркнуть, что данная норма должна трактоваться ограниченно, но суд все-таки должен оценить возможность физического и психологического вреда, который может быть причинен ребенку, и защитить его, в случаях, если такой риск, действительно, имеется. Суд должен провести тщательную оценку обвинений, изучить все обстоятельства дела, а не просто убедиться в том, будут ли в дальнейшем защищены права ребенка в другой стране. Подобный подход является отрывочным, неполным, так как суд не изучает, не оценивает все обстоятельства дела, все юридические факты, входящие в предмет доказывания, а перекладывает ответственность за обеспечение интересов ребенка на суд другой страны.

Европейский суд часто делал акцент на том, что при рассмотрении обстоятельств, связанных п. «b» ст. 13 Конвенции 1980 г., суды должны изучить все обстоятельства дела, принять все необходимые меры для защиты ребенка от физического или психологического вреда, который может быть

причинен ему в следствие возвращения¹. В связи с этим, нелогично то, в подобных случаях один суд передает реализацию мер по защите ребенка в суд другой страны.

К сожалению, очень часто ответчики выдвигают свои обвинения в адрес истца без каких-либо доказательств. Так, в деле, рассмотренном эстонским судом², ответчик обвиняла отца в совершении сексуальных действий по отношению к детям, но никаких доказательств не предоставляла. Суд пришел к выводу, что данные заявления беспочвенны, так как еще во время проживания семьи в Канаде она часто оставляла отца с детьми во время поездок за границу. При доказывании возможного риска, который может быть причинен ребенку в случае его возвращения, ответчик должен подкрепить свои доводы убедительными доказательствами. Подобными доказательствами могут быть справки из полиции, справки о травмах, заключения врачей, справки, подтверждающие судимость или какую-либо зависимость истца, которая пагубно может сказаться на ребенке и т.д. Ответчику не просто нужно предоставить данные доказательства, но и доказать взаимосвязь поведения истца и ребенка, наличие вреда, который причиняется ребенку негативным поведением истца. Нужно также помнить о том, что предметом судебной защиты в исследуемой категории дел являются нарушенные права ребенка, поэтому доказывать нужно негативное отношение по отношению к ребенку, а не к самому ответчику.

Следующим основанием для отказа в возвращении является возражение ребенка против возвращения, в том случае, когда ребенок достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение. Данное основание приводит к большому количеству споров, как в теории, так и на практике, так как Конвенция не определяет

---

¹ Постановление Большой Палаты Европейского суда от 26 ноября 2013 г. по делу «X v. Latvia» // <https://www.incadat.com/en/case/1146> (дата обращения: 10.02.2020)

² Case: M.R. v. L.R. // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1177> (дата обращения: 10.02.2020)

точный возраст, при котором может быть заслушано мнение ребенка, не раскрывает понятие степени зрелости.

Согласно статистике, на данный момент суды относительно редко заслушивают мнение ребенка относительно его возвращения в государство обычного проживания. С 2005 по 2014 года только в 14% дел суд обращался к ребенку, а из данных дел, только в 31% – суд не возвращал ребенка на основании его возражения против возвращения¹. Подобная практика вызывает критику в странах Европейского Союза, так как, по мнению многих ученых и правоприменителей, ребенок всегда должен быть заслушан и его мнение должно быть учтено².

Позиция европейских ученых основана на том, что подобное пренебрежение мнением ребенка не отвечает требованиям ст. 11 (2) Регламента Брюссель II (а), согласно которому все дети должны быть заслушаны в ходе судебного процесса, за исключением тех случаев, когда мнение ребенка неуместно³. Многие исследователи отмечают противоречие между двумя актами, так как Регламент вводит обязательное требование к выслушиванию мнения ребенка, а Конвенция 1980 г. подобного требования не содержит. Как отмечает баронесса Хейл, данные правила требуют нового взгляда и переосмысления, так как в современном обществе мнение ребенка должно быть заслушано⁴. Английские судьи при рассмотрении международных дел о похищении ребенка учитывают мнение ребенка 6 лет и старше⁵. Более того, в частности, в германском гражданском процессе

---

¹ Cross-border protection measures in the European Union // Journal of Private International Law. 2016. P. 55-57.

² *Beaumont P., Walker L., Holliday J.* Conflicts of EU Courts on Child Abduction: The reality of Article 11(6)-(8) Brussels IIa proceedings across the EU. // Journal of Private International Law, 12(2), 211-260.

³ Речь идет о возрасте ребенка, когда он настолько мал, что его мнение не может быть принято всерьез.

⁴ *Re D (A Minor) (Abduction: Rights of Custody)* [2006] UKHL 51.

⁵ *Re M (Republic of Ireland)(Child's Objections)(Joinder of Children as Parties to Appeal)* [2015] EWCA Civ 26.

устоялась традиция принимать в расчёт мнение ребенка уже начиная с трех лет¹.

Причины сложившейся практики представляются вполне логичными. Конвенция 1980 г. не устанавливает определенных требований, при которых было бы обязательным выслушать мнение ребенка, как, например, она предусматривает это в вопросах, связанных с адаптацией ребенка – применительно к которым установлен годичный срок со дня похищения до начала процедур по возвращению ребенка (т.е. подачу заявления о возвращении ребенка в юрисдикционный орган), нужно рассматривать вопросы адаптации; не раскрывает понятий возраста и степени зрелости ребенка, при которой его возражение можно принять во внимание, оставляя решение довольно сложных и оценочных понятий на усмотрение судей, которые, во-первых, видят ребенка в первый раз и не могут точно определить степень его зрелости, во-вторых, не имеют большого количества времени для того, чтобы эффективно решать подобные вопросы. Представляется необходимым все-таки проанализировать и понять, в каких случаях мнение ребенка должно быть выслушано и принято во внимание, а в каких случаях на основании возражения ребенка суд может отказать в его возвращении в государство обычного проживания.

Согласно ст. 57 Семейного кодекса РФ, обязателен учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Анализ российской практики показывает, что в нашей стране не сложился единый подход к определению возраста и степени зрелости ребенка при его возражении касательно возвращения. Так, в Пятигорском городском суде было выслушано мнение шестилетнего ребенка, но не принято во внимание. «В Тверском районном суде города Москвы было выслушано и принято во внимание мнение восьмилетнего ребенка, хотя

---

¹ *Хазова О.А.* Присоединение России к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права // Закон. 2012. № 5. С. 181.

в Дзержинском районном суде города Санкт-Петербурга мнение ребенка такого же возраста не было заслушано»¹.

Не случайно, ни Конвенция 1980 г., ни Конвенция о правах ребенка или другие международные акты не устанавливают нижнего возрастного предела. Более того, Комитет по правам ребенка, считает установление возрастных пределов при выражении ребенком своего мнения неправильным². Исходя из комментариев Комитета, можно предположить, что под зрелостью понимается способность понимать и оценивать последствия обсуждаемых вопросов. Также отмечается, что в некоторых вопросах маленькие дети могут демонстрировать понимание и взвешенность своего решения³. Несмотря на это многие государства-участники устанавливают возрастной предел, при достижении которого уже можно будет рассматривать вопрос о степени зрелости ребенка, и о том, стоит ли прислушиваться к его мнению. Так, в Бельгии сложился подход, согласно которому только дети от двенадцати лет и старше должны быть проинформированы о том, что они имеют право быть услышанными. Затем сам ребенок решает – хочет он высказать свое мнение или нет. И, несмотря на Регламент Брюссель II (а), судьи не опрашивают детей, не достигших двенадцати лет. В Нидерландах по всем семейным делам мнение ребенка заслушивается при достижении им возраста двенадцати лет и старше, но в делах о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г., суды в обязательном порядке слушают мнение ребенка, достигшего шести лет, руководствуясь Регламентом Брюссель II (а).

На основе примере этих двух стран видно, что существуют два подхода при учете мнения ребенка в государствах-участниках Конвенции 1980 г., а именно: а) устанавливается возрастной предел, при котором судья может

---

¹ *Кравчук Н.В.* Конвенция о международном похищении детей: законодательные проблемы и перспективы реализации // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 16.

² *Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child.* United Nations Children's Fund. 2007. P. 153.

³ *Lansdown G.* Promoting children's participation in democratic decision-making. Innocenti Insight. UNICEF, 2001. P. 6.

определять степень зрелости ребенка и слушать его мнение (Бельгия, Франция, Литва, Латвия, Эстония, Словения и т.д.); б) мнение ребенка всегда выслушивается при достижении им шестилетнего возраста, а потом суд решает – стоит принимать их во внимание или нет (Нидерланды, Великобритания, Германия, Швеция, Италия и т.д.). Стоит также отметить, что в первом случае возрастной предел варьируется, например, во Франции суды выслушивают мнение ребенка от девяти лет, в Словении от десяти и т.д.

Первый подход представляется наиболее подходящим для нашей страны. Во-первых, Конвенция 1980 г. не ограничивает суды при определении возраста, при котором мнение ребенка должно быть выслушано, и не вводит обязательный учет данного мнения. Во-вторых, как показывает практика других стран, даже в тех случаях, когда суды слушают мнение детей в возрасте от шести до девяти лет, они их, чаще всего, не учитывают, так как считают, что ребенок не достиг той степени зрелости, при которой его мнение отражало бы объективность, последовательность, понимание событий, которые происходят вокруг него¹. Получается, что суды просто «для галочки» опрашивают ребенка, в дальнейшем никак не используя его мнение. Возникает вопрос в правильности такого подхода, так как предполагается неправильным лишней раз вводить ребенка в столь стрессовую ситуацию, заслушивать его мнение в суде, чувствовать себя уязвимым, при том, что его мнение все равно не будет принято во внимание. Определение десятилетнего возраста при учете мнения ребенка в других семейных категориях дел не вызывает никаких сомнения у автора данной работы, и предлагается судам в делах о возвращении ребенка или об

---

¹ См., например: *Cancedda, A., Day, L., Dimitrova, D. & Gosset, M.* Missing children in the European Union. Mapping, data collection and statistics. Rotterdam, European Commission. 2013. URL: http://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/files/missing_children_study_2013_en.pdf (дата обращения: 10.02.2020); *Freeman, M.* Parental Child Abduction: The Long-Term Effects. International Centre for Family Law, Policy, and Practice. 2016. URL: <http://www.childabduction.org.uk/images/longtermeffects.pdf> (дата обращения: 10.02.2020)

осуществлении в отношении ребенка прав доступа информировать детей, которые достигли десятилетнего возраста, о том, что их мнение может быть выслушано.

Думается, что при наличии заключения специалиста (педагога-психолога), подтверждающего уровень развития ребенка, целесообразно обязать суд выяснять и учитывать его мнение при решении затрагивающих его интересы вопросов начиная с шести лет. В числе подобных вопросов, безусловно, и вопросы, связанные с проживанием с тем или иным взрослым, общением с ним и проживанием в том или ином государстве¹.

Целесообразность определения возраста учёта мнения несовершеннолетнего по интересующим его вопросам именно в шесть лет косвенно подтверждается нормами действующего российского законодательства. Так, малолетние в возрасте от 6 до 14 лет уже вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки и получать вещи в дар, если это не требует нотариального удостоверения либо государственной регистрации (ст. 28 ГК РФ), а ч. 1 ст. 67 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² предписывает, что получение начального общего образования в образовательных организациях должно быть начато по достижении детьми возраста шести лет и шести месяцев при отсутствии противопоказаний по состоянию здоровья, но не позже достижения ими возраста восьми лет.

Решение о предпочтительной для ребенка стране постоянного проживания должно приниматься с обязательным учетом нынешнего уровня его психологической и социокультурной адаптации к среде. Очевидно, чем старше ребенок и чем длительнее время его проживания на одном месте, тем глубже степень его интеграции в страну обычного проживания. Так, намного

---

¹ *Пирогова Е.Е.* Проблемы реализации права ребенка выражать свое мнение в суде по делам о защите его прав // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 12-13.

² См.: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

легче интегрировать в новый социум ребенка дошкольного возраста, чем, того, кто уже обзавелся друзьями на старом месте и привык к укладу школьной жизни. Чем старше становится человек, тем более активно и глубоко он осознает себя как личность и соотносит себя с социумом. Нередки ситуации, когда уже начиная с шестилетнего возраста ребенок может дать понять суду степень своей интегрированности в то или иное окружение, а также соотнести степень этой интеграции с привязанностью к каждому из своих отдельно проживающих родителей¹.

Стоит отметить, что не каждое мнение десятилетнего и, тем более, шестилетнего ребенка должно быть оценено судом как основание для его «невозвращения» в государство обычного проживания. Сообразно с Конвенцией 1980 г., должно быть установлено, достиг ли ребенок того степени зрелости, при которых он понимает последствия своего возражения, действительно ли он принимает данные последствия, не оказывается ли на него влияние похитившим родителем или другими лицами, может ли он объективно рассуждать и мыслить, касаясь своего будущего.

Сохраняет свою значимость предложение Н.В. Кравчук включить в ГПК РФ «статью 244.20 следующего содержания: «Опрос ребенка в судебном заседании», согласно которой при необходимости суд вправе опросить в судебном заседании ребенка, способного сформулировать свои собственные взгляды, в целях выяснения его мнения о возвращении в государство постоянного проживания»².

Анализируя прецеденты других стран, можно прийти к выводу, что ни в одном государстве-участнике Конвенции 1980 г. не сложилось единых четких критериев понимания и оценки степени зрелости ребенка. В судебной

---

¹ См.: *Гландин С.В.* Прецедентная практика Верховного суда Англии и Уэльса о факторе психологической привязанности при установлении государства постоянного проживания ребенка по Гаагской конвенции 1980 г. о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Семейное и жилищное право. 2014. № 3. С. 20.

² *Кравчук Н.В.* Конвенция о международном похищении детей: законодательные проблемы и перспективы реализации // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 17.

практике Соединенного Королевства устоялся определенный перечень вопросов, на которые должен ответить судья с тем, чтобы решить, принимать или нет во внимание мнение ребенка: что именно отвечает интересам ребенка, по его мнению, в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе; оказывалось ли влияние одним из родителей на ребенка с тем, чтобы он высказал свои возражения; можно ли ожидать, что возражения ребенка по поводу возвращения в страну постоянного проживания потеряют свою актуальность после возвращения или после разлуки с родителем, который увез ребенка¹?

Бельгийские судьи определяют возражения на возвращение ограниченным образом. Возражения должны быть последовательными, обоснованными и осознанными. Например, в одном из дел, рассмотренным судом, девочка просила оставить ее жить с матерью, так как не хотела навещать своего дедушку и своего отца (хотя она хотела посещать свою бабушку), она счастлива в Бельгии, имеет братьев и сестер, ходит в школу и занимается спортом и подтверждает, что она больше не хочет жить в Нидерландах². Подобное возражение суд посчитал достаточным для применения ст. 13 (2) Конвенции 1980 г.

В свою очередь, в Нидерландах также сложились определенные критерии, на основе которых суд может сделать выводы о степени зрелости ребенка. Они не должны применяться в совокупности, но чем больше манера речи и поведение ребенка соответствуют этим факторам, тем выше вероятность того, что его мнение окажет влияние на исход дела. Среди таких критериев можно выделить: способность в достаточной степени контролировать и понимать текущую ситуацию, а также будущие

---

¹ Re T. (Abduction: Child's Objections to Return) [2000] 2 FCR 159 [INCADAT cite: HC/E/UKe 270], Re M. (A Child) (Abduction: Child's Objections to Return) [2007] EWCA Civ 260, [2007] 2 FLR 72 [INCADAT cite: HC/E/UKe 901].

² *Hammer H., Finkelhor D.* Statistical analysis of applications made in 2008 under The Hague Child Abduction Convention, Parts I-III (National, Regional and Global Reports). // 2016

последствия решения или предпочтения о том, где жить; способность устно выражать свои желания (при необходимости, при содействии переводчика) и четко и всесторонне высказывать свои мысли, чувства и эмоции; способность передать определенную степень последовательности в истории; подлинность, рефлексивность и независимость, соответствующие возрасту ребенка; способность передать ощущение реальности, тщательности и / или детализации в выражении своих взглядов; способность говорить не слишком эмоционально.

Как и в случае с адаптацией, представляется возможным выделить две формы определения достаточной степени зрелости ребенка: внешнюю и внутреннюю. Внешняя форма проявляется в речевых способностях ребенка, внутренняя – в психологических, поведенческих. Две эти формы взаимосвязаны друг с другом, отражают друг друга: спокойная, грамотная речь ребенка отражает его психологическое состояние, его эмоциональность. Когда ребенок четко, последовательно и всесторонне высказывает свои мысли, можно сделать вывод о том, что он способен понимать последствия своего выбора, он способен к объективному мышлению, к пониманию реальной ситуации, которая складывается в его жизни на данный момент. Зрелый ребенок должен уметь обосновывать свой выбор, аргументировать его, и делать это не слишком эмоционально, не выражать при этом какие-либо негативные эмоции и т.д. Эмоциональность ребенка, как представляется, является признаком недостаточной зрелости, например, когда ребенок выражает сильный гнев по отношению к оставленному родителю, можно сделать вывод о том, что он, во-первых, не достаточно зрел, во-вторых, на него может оказывать давление похитивший родитель и т.д. Важное внимание необходимо уделить пониманию того, объективен ли ребенок, последователен ли он в своих суждениях, не оказывается ли на него давление со стороны. Ребенок должен понимать, что отвечает его личным интересам, он должен оценивать действительность, быть способен дать оценку происходящему и уметь аргументировано высказать свое мнение.

Как было отмечено в диссертации ранее, при определении достаточной зрелости ребенка наиболее правильным представляется обращение к эксперту-психологу. Суд вряд ли может самостоятельно определить степень зрелости ребенка по многим причинам. Во-первых, судья увидит ребенка в первый раз и за короткое общение с ним не всегда можно сделать полный аргументированный вывод о степени его зрелости. Во-вторых, ребенок может стесняться и чувствовать себя некомфортно при общении с судьей, что может привести к неправильным выводам. Напротив, психолог обладает специальными знаниями в области возрастной психологии, имеет опыт общения с детьми, способен, на основе общения и с ребенком и наблюдения за его поведением, объективно оценить степень его зрелости. Не случайно, практически во всех странах Европы судьи обращаются к эксперту-психологу для дачи заключения по делу.

Давая оценку позиции ребенка, суд должен четко разделять, против чего именно ребенок высказывает возражения: против возвращения к оставленному родителю и продолжению общения с ним, либо против возвращения в страну своего постоянного проживания. В этой связи важно помнить, что нормы Гаагской Конвенции 1980 г. направлены не на решение вопроса о том, с кем из родителей ребенок должен совместно проживать, а призваны обеспечить его возвращение в ту страну, из которой он был незаконно вывезен¹.

Стоит также отметить, что возражение ребенка на возвращение должно быть определенным образом ограничено. Во-первых, как говорилось ранее, данное возражение должно быть последовательным, объективным и не насыщенным эмоционально. Во-вторых, возражение должно быть обоснованно должным образом, а именно:

– не является достаточным для возражения в смысле ст. 13 (2) простое предпочтение остаться с похитившим родителем;

---

¹ См.: *Хазова О.А.* Присоединение России к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права // Закон. 2012. № 5. С. 182.

– не является достаточным возражение против проживания с одним из родителей, особенно в тех случаях, когда возражение направлено не против личности родителя, а против его/ее воспитательных методов и качеств.

Выделение названных критериев объясняется тем, что они затрагивают вопросы дальнейшей опеки в отношении ребенка. Как отмечалось выше, вопросы опеки решаются в государстве обычного проживания ребенка и не входят в предмет спора по делам о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г. Аргументация ребенка должна быть основана на его личном понимании своего будущего, она должна быть более глубокой, более осознанной, чем просто желание жить с одним из родителей. Ребенок должен понимать, почему он желает остаться в данной стране, объяснять эти причины, а не просто констатировать свое предпочтение.

Как можно заметить, все юридические факты, входящие в предмет доказывания по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, можно назвать ситуативными¹, они воздействуют на правоотношения с учетом судебного усмотрения. В задачи суда при рассмотрении исследуемой категории дел и определении предмета доказывания входит конкретизация обобщенных понятий, содержащихся в Конвенции 1980 г., так как они проявляются в обычной жизни в более конкретных и определенных фактах. Данные факты должны быть обоснованы относимыми доказательствами.

Как справедливо пишет М.К. Треушников, при рассмотрении и разрешении дела должен происходить тщательный анализ входящих в предмет доказывания фактов, с которыми норма материального права, регулирующая спорные правоотношения, связывает правовые последствия и

---

¹ Данное название было взято из работ ученых процессуалистов, посвященных судебным доказательствам в гражданском процессе, например, см: *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М.: Городец. 2005. С. 25.; *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. №4. С. 49.; *Гурвич М.А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 103.

позволяет правильно оценивать доказательства с точки зрения их относимости к делу¹.

При определении перечисленных выше юридических фактов, сложно выделить общие признаки для каждого из них, так как они предполагают довольно широкий выбор тех или иных действий и обстоятельств. Их можно назвать слишком обобщенными, в силу чего в диссертации сделана попытка выделить критерии, которые может использовать суд при оценке соответствующих доказательств.

Важным представляется определение бремени доказывания в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, поскольку, как представляется, в исследуемой категории дел также существуют определенные особенности распределения предоставления доказательств. В науке цивилистического процесса существуют различные мнения по поводу распределения доказывания: некоторые ученые полагают, что у лиц, участвующих в деле существует «обязанность» к доказыванию тех юридических фактов, на которые они ссылаются², другие процессуалисты не рассматривают это как обязанность, а полагают, что лица, участвующие в деле, «обременены» необходимостью совершения тех действий, которые помогут доказать те факты, на которые они ссылаются³.

Наиболее взвешенной представляется позиция, согласно которой у лиц, участвующих в деле, нет обязанности осуществлять доказывание, они обременены необходимостью доказывания лишь основания своих

---

¹ Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2005. С. 25.

² См., например: Гурвич М.А. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. 1975. №5. С.14-15; Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967. С.23.; Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. М., 1969. С. 99 -113.; Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997. С.54-55.

³ См., например: Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 84- 85.; Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М.: Городец. 2004. С. 91.; Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Жилина. М., 2003. С.172.; Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / Под ред.: Фокина М.А. - М.: Статут, 2014. С.163.

требований и возражений, которые обусловлены их материально-правовой заинтересованностью в исходе дела. Именно с данной позиции будет проведен анализ бремени доказывания по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

Общее правило бремени доказывания закреплено в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, и заключается в том, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. В теории цивилистического процесса существует мнение, что данная норма носит общий характер и существует потребность в конкретизации положений этой статьи для практического применения¹. Основная позиция ученых состоит в том, что при анализе названного положения может сложиться неверное мнение, что доказыванию подлежат все обстоятельства, на которые сторона сослалась, а не только юридические факты, которые входят в предмет доказывания. Соглашаясь с данным мнением, представляется правильным добавить, что в понимании общего правила бремени доказывания возникают трудности, так как получается так, что обе стороны ссылаются на одни те же обстоятельства: одна – на наличие данного обстоятельства, другая – его отсутствие. Как отмечалось ранее, общее правило бремени доказывания не может отражать специфику доказывания в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, соответственно, существует необходимость в проведении анализа данного бремени.

На взгляд Н.В. Тригубович, «заявитель должен доказать: 1) незаконность перемещения или удержания ребенка (наличие у него прав опеки (ст. 3 Конвенции)), 2) постоянное проживание ребенка на территории государства-участника Конвенции непосредственно перед незаконным перемещением или удержанием. В абз. 1 ст. 12 и ст. 20 Конвенции не закреплены доказательственные презумпции, поэтому также необходимо

---

¹ Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс / Под ред. М.А. Фокиной, автор гл. – О.В. Баулин. М.: Статут, 2014. С. 163.

руководствоваться ч. 1 ст. 56 ГПК РФ. Бремя доказывания наличия оснований для отказа в возвращении ребенка, предусмотренных ст. 13, прямо возложено на ответчика»¹.

В ст. 3 Конвенции 1980 г. не сказано о доказательственной презумпции в отношении обладания истцом правами опеки. Значит, говорить о презумпции незаконности перемещения ребенка также вряд ли возможно, так как это один из признаков незаконности трансграничного перемещения или удержания ребенка.

Сущностным признаком презумпции является ее нормативное закрепление, что означает ее использование в доказательственной деятельности вне зависимости от желаний участников процесса. Как отмечает М.А. Фокина, «для установления фактических обстоятельств дела в рамках процессуальной формы значение могут иметь только презумпции, закрепленные нормами права»². Закрепление презумпции в законе может происходить прямо или косвенно. Прямая презумпция означает, что из содержания нормы права следует содержание презумпции. Косвенные, в свою очередь, не вытекают из законодательства с той же очевидностью³.

Вряд ли можно утверждать, что в Конвенции 1980 г. содержится презумпция незаконности перемещения ребенка, которая отражается на бремени доказывания в делах исследуемой категории.

Во-первых, само по себе наличие у истца прав опеки – необходимый элемент незаконности перемещения или удержания ребенка согласно ст. 3 Конвенции. Поскольку в этой части никакой (ни косвенной, ни прямой)

---

¹ Тригубович Н.В. Порядок рассмотрения судами дел о возвращении ребенка в государство постоянного проживания в случае его незаконного перемещения или удержания // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 26; Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей: Научно-практический комментарий / Отв. ред. Н.В. Тригубович, О.А. Хазова. М.: Статут, 2016. С. 125-126.

² Фокина М.А. Юридические предположения в гражданском и арбитражном процессах // Современное право. 2009. № 6. С. 71.

³ Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2000. С. 128.

доказательственной презумпции в Конвенции 1980 г. не установлено, истец в соответствии с общими правилами о распределении бремени доказывания должен доказать, что ему принадлежат права опеки (причем содействие истцу может быть оказано посредством применения ст. 15 Конвенции 1980 г.), а ответчик вправе опровергать его утверждения.

Во-вторых, в ст. 13 (а) Конвенции 1980 г. бремя доказывания возложено на ответчика, если он ссылается на перемещение ребенка с согласия истца или неосуществление истцом прав опеки.

Положения анализируемого международного договора предписывают незамедлительное возвращение ребенка. Статья 11 Конвенции 1980 г. закрепляет, что судебные или административные органы стран-участниц должны принимать безотлагательные меры для возвращения детей. В свою очередь, статья 12 Конвенции 1980 г. устанавливает, что если ребенок незаконно перемещен или удерживается в соответствии со статьей 3 и на момент начала процедур в судебном или административном органе Договаривающегося государства, в котором находится ребенок, со дня незаконного перемещения или удержания ребенка прошло менее одного года, этот орган обязан предписать немедленно возвратить ребенка.

Легальное перемещение ребенка требует согласия другого лица, наделенного правами опеки, или разрешения суда. Исходя из текста Конвенции 1980 г., если оставленный родитель обращается в суд с требованием о возвращении ребенка в государство обычного проживания – это предполагает, что его перемещение было незаконным и своего согласия он не давал. Конвенция 1980 г. исходит из того, что права ребенка должны быть защищены должным образом, его перемещение из государства обычного проживания, из места, к которому он привык, в котором складывалась его жизнь, и в котором он рос, отрицательно повлияет на его психологическое и физическое состояние. Перемещение является нарушением его прав, а оставленный родитель пытается восстановить данные права, защитить их.

Как верно подчеркивает О.А. Хазова, «бремя доказывания наличия исключений и, соответственно, оснований для отказа в возврате ребенка возлагается на лицо, выступающее против возвращения ребенка. Иными словами, родитель, похитивший или удерживающий ребенка, должен обратиться с соответствующим заявлением и представить в поддержку своего заявления необходимые доказательства. Перемещение бремени доказывания на лицо, ходатайствующее о возврате ребенка, является грубым нарушением положений Конвенции»¹.

Оставленный родитель в исследуемой категории дел находится в весьма затруднительном положении по ряду причин: он не всегда имеет возможность приехать на территорию страны, в которую перевезли его ребенка, вследствие чего не может в полной мере защищать свои права и законные интересы; чаще всего ответчик чувствует себя более комфортно в той стране, в которую перевез ребенка, что объясняется его связью с данной страной, знанием языка и другими факторами.

Бремя доказывания по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа распределяется следующим образом: истец предоставляет доказательства, подтверждающие у него наличие активной легитимации, т.е. наличие у него права на обращение в суд с данным иском, а также доказательства, подтверждающие незаконность действий ответчика; ответчик, в свою очередь, должен предоставить доказательства, подтверждающие законность перемещения и/или удержания ребенка, или наличие в данном деле обстоятельств-исключений, позволяющих ребенку остаться в той стране, в которую его перевезли.

В исследуемой категории дел истец должен доказать, что он обладает правами опеки по отношению к ребенку. При этом, как отмечалось выше, в каждом государстве родительская опека устанавливается и регламентируется

---

¹ Хазова О.А. Присоединение России к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права // Закон. 2012. № 5. С. 181.

по-разному, следовательно, наличие у истца данных прав производится посредством ссылок на законодательство своей страны либо на судебное решение, указывающее, что данный родитель обладает правом опеки.

Осуществление прав опеки также доказывается истцом по-разному. Как показывает практика, как правило, истец прилагает письменные показания педагогов, родственников похищенного ребенка, свидетельствующие о положительном влиянии истца на ребенка. Истец также может ссылаться на проявление заботы к ребенку в своих показаниях, в подтверждении своих слов предоставлять справки с внеклассных занятий ребенка, на которые он его водил и т.п. Истец также должен доказать тот факт, что ребенка увезли из государства обычного проживания. Обычно это делается выпиской или справкой, подтверждающей место жительства ребенка, указанием на срок, в течение которого ребенок жил в данном месте и т.д.

Ответчик должен предоставить доказательства, подтверждающие законность перемещения ребенка. Законность этих действий может быть подтверждена: а) отсутствием у истца прав опеки по отношению к ребенку; б) неэффективным осуществлением данных прав; в) наличием согласия истца на перемещение ребенка. Доказывание названных юридических фактов «ложится на плечи» ответчику, вследствие презумпции перемещения ребенка, так как именно в его интересах оставить ребенка в стране, но данная презумпция не лишает истца права также предоставлять доказательства, подтверждающие незаконность действий истца.

Наличие обстоятельств-исключений также должен доказывать ответчик, что представляется вполне логичным, так как именно он настаивает на том, чтобы ребенка оставили в стране слушания.

Стоит отметить, что российские суды, изначально учли главные цели Конвенции 1980 г., и стали перекладывать бремя представления доказательств на ответчика, хотя ни в одном решении суда не говорится о доказательственной презумпции незаконности перемещения ребенка. В

мотивировочной части судебного решения чаще всего пишется фраза «учитывая характер разрешаемого судом спора, суд полагает, что бремя представления доказательств лежит на ответчике», но не раскрывается, в чем именно состоит характер спора и почему именно на ответчике лежит бремя доказывания. На ответчике лежит бремя доказывания тех обстоятельств, которыми он решил воспользоваться для защиты от иска.

Структура судебного решения о возвращении ребенка в государство постоянного проживания включает в себя: 1) основанное на нормах Конвенции 1980 г. обоснование принятого решения о возврате ребенка; 2) описание порядка возврата ребенка; 3) описание порядка распределения судебных расходов, а также расходов, связанных с возвращением ребенка (ч. 1 ст. 244.16 ГПК РФ, ст. 26 Конвенции).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Конвенция 1980 г. привносит определенные особенности в доказывание по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. К таким особенностям можно отнести наличие «ситуативных» юридических фактов, предполагающих судебную конкретизацию зафиксированных в законе обобщающих обстоятельств. Предмет доказывания по исследуемой категории дел довольно широк и в него входит множество сложных юридических фактов, до этого неизвестных теории гражданского процесса и складывающейся в нашей стране правоприменительной практике. К таким фактам можно отнести, например, факт адаптации ребенка в новой стране и др.

§ 2.4 Исполнение решений по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа

Рассмотрение дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, при самом скрупулезном правовом

регулировании этих вопросов, потеряло бы всякий смысл без эффективного исполнения принятых судебных решений.

Одной из главных целей Конвенции 1980 г. является незамедлительное возвращение ребенка в государство обычного проживания, исходя из чего представляется важным не только предпринять меры по «ускорению» судебного рассмотрения исследуемой категории дел, но и наладить эффективный и оперативный механизм исполнения судебных постановлений. Длительные процедуры возвращения могут усилить конфликт и антагонизм между сторонами, увеличить период нарушения прав ребенка, подорвать его психологическое и физическое здоровье, что явно не отвечает его наилучшим интересам. Отсутствие налаженной, четкой процедуры исполнения судебных разбирательств может поставить под сомнение жизнеспособность и эффективность международного договора.

Вместе с тем, европейскими учеными уже довольно давно признан тот факт, что слабой стороной Конвенцией 1980 г. является именно ее исполнительная часть¹, в связи с чем в Европе принимаются меры по решению данной проблемы². После присоединения Российской Федерации к Гаагской Конвенции 1980 г. были внесены соответствующие изменения в отечественное законодательство, регулирующее исполнительное производство, и стоит отметить, что эти изменения привнесли определенные особенности в исполнение судебных решений по исследуемой категории дел: прописаны требования к содержанию судебных решений, отражающиеся на исполнении данных актов; появился новый вид исполнительных действий и новый вид исполнительного документа. В связи с этим, представляется необходимым определить сущность исполнительных процедур по делам о

---

¹ См., например: *Freeman, M.* International Child Abduction: The Effects. The reunite Research Unit, International Child Abduction Centre. Oxford. 2006. P. 55.; *Kruger, T.* International Child Abduction: The Inadequacies of The Law. Studies in Private International Law. Oxford. 2011. P. 89.

² Например, Европейский союз установил дополнительные меры в пределах объединенной Европы в Регламенте 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. о компетенции, признании и исполнении решений в области супружеских отношений и родительских правах, вступившем в силу 1 марта 2005 г.

возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, а также провести анализ упомянутых «новелл» исполнительного производства.

После присоединения Российской Федерации к Конвенции 1980 г. и последовавших изменений в отечественном законодательстве у судебных приставов-исполнителей появились новые полномочия относительно розыска ребенка на основании запроса Центрального органа. К сожалению, не всегда оставленный родитель знает реальное место пребывания своего ребенка, что изначально вызывает ряд проблем, а также всячески усложняет процесс по началу судебных процедур о возвращении ребенка, поскольку без установления его местонахождения невозможно определить подсудность дела. Нередки случаи, когда после вынесения судебного решения о возвращении ребенка ответчик может спрятать или удерживать ребенка, препятствуя исполнению решения. Подобная ситуация влечет ряд проблем и нарушает основополагающие цели и принципы Конвенции 1980 г.

Рассматриваемый международный договор содержит положение о розыске ребенка. Так, статья 6 Конвенции 1980 г. наделяет подобным полномочием Центральный орган государства, который должен *самостоятельно или через посредника* принять все необходимые меры для обнаружения незаконно перемещенного или удерживаемого ребенка. Возникает вопрос о том, обладает ли данный орган средствами и опытом для наиболее быстрого установления местонахождения ребенка. Если нет, то какой другой государственный орган способен выполнять соответствующую функцию.

В нашей стране, что, как указывалось ранее, Центральным органом является Министерство просвещения РФ. Функции исполнения судебных решений по рассматриваемой категории дел осуществляют сотрудники Федеральной Службы судебных приставов. Как отмечает Т.А. Семина, именно эти должностные лица обладают наиболее широким опытом в сфере

розыска, и этот опыт крайне необходим¹. Тем самым, получается, что Центральный орган делегирует свои полномочия по розыску ребенка Федеральной службе судебных приставов.

Розыск ребенка может осуществляться не только после вынесения судом решения о возвращении, но и в досудебной стадии, когда перед оставленным родителем стоит вопрос о выборе правильной подсудности. Данное лицо, согласно Конвенции 1980 г., имеет право обратиться в Центральный орган либо по месту постоянного проживания ребенка, либо в любой другой Центральный орган государства-участника Конвенции 1980 г. за содействием в обеспечении возвращения ребенка. Этот орган, в свою очередь, предпринимает все необходимые меры по розыску ребенка. Так, например, если гражданин Эстонии обратится в Министерство просвещения РФ с заявлением о розыске своего ребенка, то данный государственный орган отправляет запрос о розыске незаконно перемещенного или удерживаемого в нашей стране ребенка в Службу судебных приставов, которая, в свою очередь, и осуществляет розыскную деятельность.

Законодатель внес несколько изменений в нормативные акты нашей страны в целях наиболее быстрого розыска детей. Первая редакция затронула ст. 120 ГПК РФ, которая в результате предусматривает обязанность судьи вынести определение о розыске ребенка или ответчика, с которым может находиться ребенок при неизвестности места их пребывания. Внесены изменения и в ст. 65 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»² (далее – Закон об исполнительном производстве), регламентирующую розыск ребенка на основании запросов Центрального органа и исполнительного документа. Эти

---

¹ См.: *Семина Т.А.* Применение в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, заключенной в Гааге в 1980 г. Реформа законодательства. Механизмы медиации // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 3-6.

² См.: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.

запросы должны содержать требования о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации¹.

Согласно внесенным изменениям, постановление о розыске ребенка либо об отказе в объявлении такого розыска выносится судебным приставом-исполнителем в течение суток с момента поступления к нему заявления взыскателя об объявлении розыска или со дня возникновения оснований для объявления розыска. Копия постановления о розыске ребенка подлежит направлению в орган опеки и попечительства по последнему известному месту пребывания ребенка, а также Центральному органу не позднее дня, следующего за днем его вынесения. При обнаружении ребенка судебный пристав-исполнитель незамедлительно информируют об этом орган опеки и попечительства по месту обнаружения ребенка, а также Центральный орган, и прекращает исполнительное производство. Таким образом, российский законодатель включает в исполнительное право новый институт – розыск ребенка в досудебной стадии на основании Конвенции 1980 г. В этой связи небезынтересно установить, входят ли правоотношения по розыску ребенка в предмет исполнительного производства и обоснованно ли наделение исполнительных органов подобными полномочиями.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Закона об исполнительном производстве, исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, содержащие требования о возвращении незаконно перемещенного или удерживаемого на территории Российской Федерации ребенка, должны быть предъявлены к исполнению в течение одного года со дня вступления в законную силу судебного акта.

Участие детского психолога представляется особенно важным. Ребенок, тем более не видевший взыскателя продолжительное время и

---

¹ См.: Письмо ФССП России от 28.05.2014 № 00074/14/30695-АП «О Федеральном законе от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2014. № 7.

нередко негативно настроенный по отношению к нему вторым родителем, может при осуществлении исполнительных действий не пойти на контакт. Если ребенок первоначально отказывается оставаться со взыскателем, это не может служить поводом для возвращения исполнительного документа взыскателю по основанию невозможности исполнить обязывающий должника совершить определенные действия (воздержаться от совершения определенных действий) исполнительный документ, возможность исполнения которого не утрачена (п. 2 ч. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве).

В подобных случаях целесообразно отложить непосредственные действия по отобранию несовершеннолетнего и привлечь специалиста-психолога, как для работы с самим ребенком, так и для проведения бесед с должником, взыскателем и ребенком. Разумеется, это возможно лишь при отсутствии угрозы сокрытия несовершеннолетнего.

При наличии соответствующей рекомендации психолога и при невозможности завершить осуществление исполнительных действий иным образом, по инициативе судебного пристава ребенок может быть временно помещен в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (п. 2 ст. 79, ст. 155.1 СК РФ). И только в том случае, если специалист приходит к заключению о том, что ребенок категорически возражает против того, чтобы его передали взыскателю и желает оставаться с должником, исполнительное производство прекращается по постановлению суда, вынесенному на основании п. 2 ч. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве. Аналогичным образом по делам об обеспечении доступа к ребенку, при его категорическом отказе от общения с взыскателем, психолог или же педагог составляется соответствующий акт¹.

По результатам проведения исполнительских действий, результатом которых стали отобрание и передача ребенка, судебный пристав-исполнитель

---

¹ См.: Стрельцова Е.Г. Исполнение исполнительных документов по неимущественным взысканиям // Вестник исполнительного производства. 2016. № 4. С. 34-36.

также составляет акт. Дополнительной процессуальной гарантией защиты прав несовершеннолетних по рассматриваемой категории дел, как представляется, должно стать своевременное и оперативное направление в Центральный орган всей документации, касающейся осуществления исполнительного производства¹.

До принятия Конвенции 1980 г. судебные приставы-исполнители также осуществляли и продолжают осуществлять розыскную деятельность в отношении должников и детей в делах о воспитании ребенка, но, как представляется, данный вид розыска имеет ряд отличий от розыска ребенка по исследуемой категории дел. Первое отличие заключается в том, что розыск должника или ребенка ведется в рамках исполнительного производства, на основании судебного решения. В случаях розыска ребенка на основании Конвенции 1980 г., соответствующие действия могут осуществляться в досудебной стадии на основании запроса Центрального органа. Второе отличие состоит в том, что после обнаружения ребенка в делах о его воспитании судебные приставы-исполнители должны его передать законным представителям или органам опеки и попечительства. А при розыске ребенка по запросу Центрального органа судебный пристав-исполнитель при обнаружении ребенка просто передает сведения о его местонахождении органам опеки и попечительства, а также Министерству просвещения РФ, но никаких мер по передаче ребенка не предпринимает.

Исполнительное производство по рассматриваемой категории дел завершается не составлением судебным приставом-исполнителем единичного акта проверки, а по итогам ряда проверочных действий, подтверждающих факт беспрепятственного общения взыскателя с ребёнком².

---

¹ См.: *Сухаренко А.Н.* Международное похищение российских детей: правовые аспекты их возвращения // *Международное публичное и частное право.* 2014. № 5. С. 8.

² См.: *Настольная книга судебного пристава-исполнителя: учебно-практическое пособие / И.А. Аксенов, Н.Н. Бакурова, А.Н. Береснев и др.; под ред. В.А. Гуреева, С.В. Сазанова.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 617.

В случаях розыска ребенка по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, розыскные действия судебного пристава-исполнителя носят более административный, нежели исполнительный характер. Представляется необходимым провести четкую грань между исполнительными действиями, совершаемыми судебным приставом-исполнителем, которые носят процессуальный характер, и действиями, осуществляемыми судебным приставом-исполнителем по досудебному розыску ребенка. Это важно определить не только для теории, но и для практики, так как административные действия не могут входить в предмет исполнительного права и не должны осуществляться органами исполнительного производства.

Исполнительный розыск носит сугубо процессуальный характер и проходит строго в рамках исполнительного производства. Как отмечает А.А. Сорокин, исполнительный розыск возникает только тогда, когда совершенные судебным приставом-исполнителем действия не принесли искомого результата и не позволили исполнить требования исполнительного документа в полном объеме¹. Соглашаясь с ученым, можно отметить, что данный критерий также определяет исполнительный розыск. Так, еще Е.В. Васьковский предлагал рассматривать розыскные меры к удовлетворению взыскания как одну из исполнительных мер, представляющую собой меру личного исполнения или косвенного принуждения².

В случаях розыска должника и его дальнейшего нахождения, судебный пристав-исполнитель понуждает должника к реализации требований исполнительных документов. Об этом также свидетельствует анализ законодательства. Так, в соответствии с ч. 14 ст. 65 Закона об исполнительном производстве при обнаружении ребенка, в отношении

---

¹ Сорокин А.А. К вопросу о доктринальном определении понятия «исполнительный розыск» в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 104

² См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. - М.: Зерцало, 2003. С. 373, 375.

которого объявлен розыск, судебный пристав-исполнитель, осуществляющий розыск, принимает меры для передачи ребенка законному представителю, опекуну или попечителю, которому должен быть передан ребенок во исполнение требования исполнительного документа. Исходя из ч. 1 ст. 68 того же закона, мерами принудительного исполнения считаются действия, указанные в исполнительном документе. Действия судебного пристава-исполнителя, осуществляющего розыск, по передаче ребенка можно рассматривать в качестве применения мер принудительного исполнения.

В то же время, можно сделать вывод, что розыск ребенка, осуществляемый судебными приставами-исполнителями в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа в досудебной стадии, не могут являться исполнительными, а носят розыскной, оперативный характер. Это подтверждается тем, что данная розыскная деятельность проходит вне рамок исполнительного производства и не направлена на совершение принудительного исполнения. Розыск ребенка на основании запроса Центрального органа направлен на обнаружение ребенка, цель данного розыска – установить его местонахождение. Речь не идет о принудительных мерах по отношению к ребенку или похитившему родителю, так как пристав посредством розыска не создает никаких обеспечительных условий для применения мер принудительного исполнения, не передает ребенка оставленному родителю, не совершает никаких других действий, кроме установления его местонахождения. Исходя из этого, становится понятным, что розыск ребенка в исследуемой категории дел не может входить в предмет исполнительного права и, соответственно, не должна осуществляться судебными приставами-исполнителями.

Статистика розыска детей по запросу Центрального органа показывает, что Федеральная служба судебных приставов не всегда успешно справляется с выполнением своих обязанностей в установленные сроки, хотя показатели розыска детей по исследуемой категории дел гораздо выше остальных

показателей по розыску остальных категорий. Но стоит учитывать специфику дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

Как отмечалось ранее, исследуемая категория дел должна разрешаться в кратчайшие сроки, что является основной целью Конвенции 1980 г., которая предоставляет родителю один год для возвращения ребенка в страну его постоянного проживания. В течение одного года, при неизвестности местонахождения ребенка, истец должен сначала обратиться в Центральный орган своего государства, который отправляет запрос в Центральный орган другого государства, в котором предположительно находится ребенок. Если ребенок предположительно находится на территории нашего государства, то Министерство просвещения направляет запрос в Федеральную службу судебных приставов, которые обязаны в течение одного дня вынести постановление о начале розыска ребенка. На практике на отправление запросов между Центральными органами стран перед началом розыска ребенка проходит около двух месяцев. Тем самым, получается, что на розыск ребенка у судебных приставов-исполнителей есть около четырех месяцев, с тем, чтобы у истца было время на подготовку искового заявления, его подачу и рассмотрение дела в суде.

Необходимо обратить внимание на минимальные сроки, которые предоставляются судебным приставам-исполнителям для розыска детей незаконно перемещенных и удерживаемых в нашей стране. Статистика показывает, что не всегда сотрудникам Федеральной службы судебных приставов удается соблюсти требования законодательства в этой части. Так, в 2016 г. 50 % дел были завершены по истечению двухмесячного срока, 38 % были завершены в течение полугода, а 12 % дел так и не были прекращены. Статистика за 2017 г. не сильно отличается от данных показателей¹. С одной стороны, приведенные цифры вполне соотносятся с цифрами

---

¹ Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов // URL: www.fssprus.ru/statistics (дата обращения: 10.02.2020)

результативности розыска по другим категориям дел, но, с другой стороны, учитывая особую важность исследуемой категории дел (обусловленную психологическим и физическим состоянием ребенка, который, как правило, находится в неизвестной ему среде, необходимостью защиты ребенка от негативных последствий его незаконного перемещения и удержания, чем и обусловлены сжатые сроки розыска), данные показатели отражают несовершенство розыскной деятельности судебных приставов-исполнителей, наличие проблем в осуществлении ими своих полномочий.

Следует отметить, что в отечественной научной литературе, в частности В.Ф. Кузнецовым, предлагалось наделить функциями реализации требований исполнительных документов о воспитании детей органы опеки и попечительства¹. Аргументация учёного состоит в том, что специалисты этих государственных органов, в отличие от судебных приставов, обладают необходимыми знаниями и навыками по общению с несовершеннолетними и их родителями.

Признавая справедливость названных доводов, представляется возможным подчеркнуть, что органы опеки и попечительства не наделены необходимым объёмом полномочий, который позволил бы им применять меры государственного принуждения в делах рассматриваемой категории. Сотрудники органов опеки и попечительства безусловно должны оказывать содействие в исполнении решений по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, однако полностью перекладывать на них эти функции вряд ли целесообразно.

В этой связи, в частности, В.П. Кудрявцев пишет: «исключать службу судебных приставов из процесса исполнения таких судебных актов в настоящее время не стоит, поскольку серьезность разрешаемых в судебном заседании вопросов предполагает реальное исполнение выносимых судами решений, которое может быть обеспечено силой государственного

---

¹ Кузнецов В.Ф. Реализация решений, не связанных с передачей имущества или денежных сумм: Дис. ... к.ю.н. Свердловск, 1986. С. 84.

принуждения. Именно Федеральная служба судебных приставов и ее структурные подразделения являются теми представителями государства, которые способны реализовать предписания суда помимо или против воли сторон закончившегося процесса»¹.

Государственное принуждение можно определить как состоящий в ограничении прав или возложении дополнительной юридической обязанности на индивидуальных и коллективных субъектов метод государственного воздействия, который реализуется посредством издания властными органами индивидуальных правовых актов управления о применении закрепленных в нормах законодательства мер².

В современных государствах создан специальный аппарат правоохранительных органов, наделенных особыми полномочиями. В Российской Федерации центральное место среди подобных структур занимают органы внутренних дел. Значение государственного принуждения, применяемого сотрудниками полиции, состоит в поддержании правопорядка и обеспечении безопасности посредством предупреждения и пресечения правонарушений, восстановления нарушенного состояния, а также процессуального обеспечения и наказания правонарушителей. Использование в деятельности сотрудников полиции мер государственного принуждения является объективной необходимостью и призвано способствовать реализации задач и функций исполнительной власти, а в некоторых ситуациях меры государственного принуждения являются фактически единственным средством обеспечения нормальных условий функционирования государственной системы.

Исходя из важности исследуемой категории дел и необходимости более быстрого осуществления розыскной деятельности, представляется

---

¹ Кудрявцева В.П. Исполнение требований неимущественного характера. - М.: Статут, 2015. С. 175.

² Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2014. С. 202; Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник. 5-е издание. - М.: Эксмо, 2010. С. 437-438;

целесообразным передать полномочия по осуществлению розыска ребенка по запросу Центрального органа органам внутренних дел, которые обладают четким правовым инструментарием, позволяющим осуществлять розыск в максимально сжатые сроки.

Как отмечалось выше, розыск ребенка по запросу Центрального органа по своему юридическому характеру является оперативно-розыскной деятельностью, а не исполнительным действием. Учитывая это обстоятельство, а также показатели статистики, отражающие проблемы, имеющиеся в практике исполнительных органов, передача полномочий по розыску ребенка в досудебной стадии органам внутренних дел является вполне обоснованной. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ розыск лиц входит в основные направления деятельности полиции. Стоит также отметить, что у органов внутренних дел уже имеется подобный опыт в розыске ответчиков по определенным категориям дел. Так, согласно ст. 120 ГПК РФ в делах о защите интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также по требованиям о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, и при неизвестности местонахождения ответчика судья, выносит определение о розыске ответчика, которое осуществляют органы полиции.

Как разъяснено в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции», розыск ответчика через органы внутренних дел по требованиям, указанным в ст. 120 ГПК РФ, может быть объявлен по определению судьи как при подготовке дела, так и во время его судебного

---

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.

разбирательства¹. Необходимо отметить, что согласно данным положениям в указанных категориях дел органы внутренних дел осуществляют розыск до вынесения решения, в то время как после вынесения решения и выдачи исполнительного листа розыск осуществляется Федеральной службой судебных приставов, а иногда во взаимодействии с органами полиции.

В других государствах-участниках Конвенции 1980 г. розыск ребенка также делегирован Центральным органам. В большинстве случаев, розыском ребенка занимается полиция, иногда привлекая и другие государственные органы. Например, в Германии, в случаях, когда местоположение ребенка неизвестно, Центральный орган этой страны (Федеральная служба юстиции) обращается в полицию и Федеральную дорожную инспекцию с заявлением о розыске ребенка. Если в течение нескольких дней не удалось определить местонахождение ребенка, Центральный орган может обратиться в Федеральную уголовную полицию с заявлением об объявлении ребенка в розыск. Во Франции запрос Центрального органа передается в прокуратуру, которая рассылает розыскные сводки по всем полицейским участкам страны. Стоит отметить, что в названных странах на розыск ребенка уходит от двух дней до двух недель. Тем самым, опыт зарубежных стран говорит в пользу необходимости наделения полномочиями по розыску несовершеннолетних по рассматриваемой категории дел именно органы внутренних дел.

Исходя из целей максимально оперативного розыска ребенка на основании запроса Центрального органа, а также опыта, имеющегося у сотрудников органов внутренних дел, представляется правильным, если данный вид розыска будет производиться именно указанными органами. Розыск ребенка по исследуемой категории дел не может входить в предмет исполнительного производства, он не является мерами принудительного исполнения, а также не отвечает целям и требованиям Конвенции 1980 г.,

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10.

соответственно, не может выполняться судебными приставами-исполнителями.

В Российской Федерации Центральный орган отправляет свой запрос для розыска ребенка в Службу судебных приставов РФ.

Несмотря на то, что в ФЗ «Об исполнительном производстве» имеется целая глава, посвященная исполнительным документам, легальное определение указанного понятия не закреплено. Тем самым, несмотря на разнообразие точек зрения, представленных в науке цивилистического процесса в отношении понятия исполнительного документа, ученые в своих работах выделяют сходный набор его признаков, в качестве которых выступают:

- официальный характер данного документа;
- установленный законом порядок выдачи: закон регламентирует не только порядок выдачи, но и определенную форму данного документа, сроки выдачи, субъекта, который правомочен его выдавать и т.д.;
- содержащееся в исполнительном документе требование о совершении или воздержании от совершения определенных действий;
- направленность исполнительного документа принудительное исполнение;
- инициирование данным документом исполнительного производства¹.

Учитывая названные признаки, представляется целесообразным проанализировать на предмет соответствия им запрос Центрального органа и, соответственно, сделать вывод о том, может ли он рассматриваться в качестве исполнительного документа.

---

¹ Гуреев В.А., Гуцев В.В. Исполнительное производство: учебник. М.: Статут, 2014. С. 108; Голубева А.Р., Салькова Н.В., Селионов И.В. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. - М.: Деловой двор, 2008. С. 14; Решетникова И.В. Исполнительное производство: учебник / А.В. Закарлюка, М.А. Куликова, И.В. Решетникова, Е.А. Царегородцева; под ред. И.В. Решетниковой. - М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. С. 98.

Запрос передается непосредственно судебному приставу-исполнителю не позднее дня, следующего за датой его поступления в подразделение судебных приставов. Решение о возбуждении исполнительного производства либо об отказе в возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель должен принять в течение одних суток с момента поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов. Копия постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении либо об отказе в возбуждении исполнительного производства не позднее дня, следующего за днём вынесения указанного постановления, направляется в Министерство просвещения РФ. Введено также новое основание для отказа в возбуждении исполнительного производства – достижение ребенком возраста, при котором Конвенция 1980 г. не подлежит применению в отношении ребенка. Согласно ст. 4 международного договора таким возрастом является шестнадцать лет.

На основании запроса Центрального органа России о розыске ребенка судебный пристав-исполнитель объявляет розыск, а также выносит постановление о розыске ребенка в течение суток со дня возникновения оснований для объявления розыска. Копия данного постановления направляется в Центральный орган РФ и в органы опеки и попечительства по последнему известному месту пребывания ребенка. При обнаружении ребенка судебный пристав-исполнитель, осуществляющий розыск, информирует органы опеки и попечительства по месту обнаружения ребенка и Министерство просвещения Российской Федерации. В указанные государственные органы направляется копия постановления о прекращении розыскного дела.

Как отмечалось ранее, розыск ребенка на основании запроса Центрального органа не может входить в предмет исполнительного права и, соответственно, регулироваться им. Исходя из выдвинутого в диссертации предложения, согласно которому розыск ребенка на досудебной стадии

должен осуществляться органами внутренних дел, не представляется верным отнесение запроса Центрального органа к исполнительным документам.

В науке одной из главных характерных черт исполнительных документов признается его принудительное исполнение. Исполнительный документ всегда содержит требование о совершении определенных действий, которое подлежит принудительному исполнению. Сама природа исполнительных документов заключается в том, что они направлены на совершение тех действий, которые не совершаются добровольно, и требуют принудительного исполнения. Как отмечает Е.А. Деготь, «отличительной особенностью исполнительного документа является наличие в нем властного предписания (требования), подлежащего принудительному исполнению»¹. А.С. Мамыкин также пишет о том, что правовая природа исполнительного документа заключается в том, что он является основанием для принудительного исполнительного производства². И.В. Решетникова в качестве одного из существенных признаков исполнительных документов выделяет требование, которое содержится в исполнительном документе и подлежит принудительному исполнению³.

Ученые всегда считали и продолжают считать наличие в исполнительном документе мер принуждения его характерной чертой, что неудивительно исходя из предмета исполнительного права, а также главных его задач и целей – принудительного исполнения требований, содержащихся в юрисдикционном акте. В запросе Центрального органа о розыске ребенка подобных требований не содержится. Данный запрос не влечет никаких других последствий, помимо установления местонахождения незаконно перемещенного или удерживаемого ребенка. Ни судебный пристав-исполнитель, ни кто-либо другой не имеет право забрать ребенка, передать его в страну постоянного проживания без решения суда, и, соответственно,

---

¹ Деготь Е.А., Деготь Е.Б. Исполнительный процесс: научно-практ.пособие. М., 2006. С. 74.

² Мамыкин А.С. Исполнительное производство: уч. Пособие. М., 2011. С. 82.

³ Решетникова И.В. Исполнительное производство: уч. М.: Юстиция, 2017. С. 97.

должностные лица осуществляют в подобных случаях лишь розыскную деятельность. В их обязанности входит лишь уведомление Центрального органа Российской Федерации и органов опеки и попечительства о месте нахождения ребенка и лица, с которым тот находится. После этого исполнительное производство прекращается.

Запрос Центрального органа о розыске ребенка носит сугубо административный характер. Это межведомственный документ, направленный от одного органа к другому с целью установить определенный факт (местонахождение ребенка). В силу этого, целесообразно исключить запрос Центрального органа о розыске ребенка из ст. 12 ФЗ «Об исполнительном производстве» и отнести его к межведомственным документам.

Учитывая специфику и важность дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, сжатость сроков рассмотрения исследуемой категории дел и исполнения судебных решений, представляется также важным отметить необходимость судебного контроля в исполнительном производстве, который осуществляется начиная с вынесения судом законного и обоснованного решения о возвращении ребенка в страну его постоянного проживания.

Категория судебного контроля является весьма спорной и непроработанной в науке цивилистического процесса. Понятие судебного контроля также не закреплено на законодательном уровне. Несмотря на это, данная категория не только широко используется в отечественной юридической науке, но и вызывает интерес многих ученых¹.

В делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на судебный контроль за исполнительным

---

¹ *Никитин С.В.* Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: вопросы теории и практики: дис. д.ю.н. - М. 2010. С. 9; *Дюкова Е.А.* Конституционно-правовые основы контрольной деятельности судебной власти в Российской Федерации: автор. дис. ... к.ю.н. - М., 2008. С. 8; *Ярошенко Л.В.* Судебный контроль в исполнительном производстве. - М., 2017. С. 25.

производством следует обратить пристальное внимание, так как применение этого правового инструмента способно удержать органы исполнительной власти и их должностных лиц от незаконных, противоправных действий. Судебный контроль в исполнительном производстве включает в себя дополнительные полномочия суда, например, такие как приостановление или отложение исполнительных действий, изменение способа исполнения, разъяснение исполнительного документа и т.д. Также данный вид контроля может служить в качестве превентивной меры, оказывающей профилактическое воздействие на субъектов исполнительного производства, уберегающей их от незаконных действий. Предметом судебного контроля в исследуемой категории дел должны являться, во-первых, проверка собственных решений суда, нуждающихся в разъяснении, а, во-вторых, акты судебных приставов-исполнителей, а также их действия или бездействие, которые могут иметь или имеют юридические последствия.

Разъяснение судебных решений самим судом учеными рассматривается как контроль суда за собственными актами¹. После присоединения России к Конвенции 1980 г., ст. 433 ГПК РФ подверглась изменениям и законодатель дополнил данную норму, определив более краткий срок (5 дней) рассмотрения заявлений о разъяснении исполнительного документа, который содержит требование о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Данные изменения представляются оправданными исходя из важности целей скорейшего рассмотрения и исполнения судебных решений по исследуемой категории дел.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 17 июня 2010 г. № 869-О-О, положения статьи 433 ГПК РФ устанавливают порядок разъяснения исполнительного документа в тех случаях, когда он содержит неясности, затрудняющие исполнение вступившего в законную силу судебного решения, и направлены на защиту

---

¹ Например, см.: *Ярошенко Л.В.* Указ. соч. - М., 2017. С. 33.

прав лиц, участвующих в деле, в том числе права на своевременное и правильное исполнение судебного решения, а потому не могут считаться нарушающими конституционные права¹.

Стоит отметить, что законодатель закрепляет специальные требования к содержанию и форме решений по исследуемой категории дел. Согласно ст. 244.16 ГПК РФ, судебное решение в резолютивной части должно содержать не только порядок возвращения ребенка, но также и указание на распределение судебных расходов и расходов, связанных с возвращением ребенка. Причиной для такого решения законодателя послужила специфика данной категории дел, заключающаяся в международно-правовом характере данных споров и в кратких сроках, в течение которых ребенок должен вернуться в страну постоянного проживания.

С момента рассмотрения дела и до момента исполнения судебного решения существует небольшой промежуток времени, в который на практике очень сложно уложиться. Исходя из этого, представляется правильным определение порядка возвращения ребенка в самом судебном решении, так как это поможет его исполнить в более короткие сроки и, соответственно, вернуть незаконно перемещенного ребенка. Так, в судебном решении Пятигорского городского суда, в резолютивной части решения суд обязал ответчика, в течение одной недели с момента вступления решения суда в законную силу, передать несовершеннолетнего ребенка, а также документы на ребенка, а именно паспорт государства Великобритании, отцу ребенка для возвращения ребенка на территорию Великобритании². Определяя порядок передачи ребенка, судья определил срок, в течение которого ответчик должен передать ребенка отцу, а также то, какие именно документы должны

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2010 № 869-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружина Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 433 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

² Решение по делу № 2-81**/17** // Архив Пятигорского городского суда.

быть переданы истцу для скорейшего возвращения ребенка в страну постоянного проживания.

Определение судебных расходов и расходов, связанных с возвращением ребенка, в резолютивной части решения также представляется правильным. Согласно ст. 26 Конвенции 1980 г., после выдачи предписания о возвращении ребенка или предписания относительно прав доступа, судебные или административные органы могут в случае необходимости обязать лицо, которое переместило или удерживало ребенка или которое препятствовало осуществлению прав доступа, оплатить необходимые издержки, понесенные заявителем или от имени заявителя, включая расходы на проезд, расходы, связанные с установлением местонахождения ребенка, расходы, связанные с юридическим представительством заявителя, и расходы по возвращению ребенка. Таким образом, получается, что данное положение ст. 244.16 ГПК РФ не противоречит нормам Конвенции 1980 г.

Законодатель подчеркивает важность определения судебных и других расходов в самом решении, так как это накладывает дополнительную ответственность на того, кто незаконно переместил ребенка в другую страну, а также способствует скорейшему исполнению решения и возвращению ребенка в страну постоянного проживания.

Н.Б. Зейдер писал, что после вынесения решения суд может выносить ряд определений, которые будут способствовать лучшему исполнению решения, защите интересов участников дела при исполнении данного решения, например, определение о разъяснении решения или об установлении порядка его исполнения¹. Соглашаясь с ученым, можно сделать вывод о том, что судебное решение должно содержать четко прописанный порядок для возвращения ребенка в страну его постоянного проживания, но в случае неясности условий, содержащихся в исполнительном листе, родители ребенка или судебный пристав-исполнитель

---

¹ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. - М., 1966. С. 63.

могут обратиться в суд с заявлением о разъяснении исполнительного листа для более быстрого и эффективного исполнения судебного решения. Данное положение выступает инструментом контроля суда за собственным актом и порядком его исполнения. Следует согласиться с П.В. Крашенинниковым в том, что «разъяснение судом порядка исполнения судебных решений повышает эффективность исполнения, так как значительно повышает правомерность совершаемых в процессе исполнения процессуальных действий»¹.

Еще одной контрольной функцией суда в исполнительном производстве является возможность отсрочки или рассрочки, изменение способа и порядка исполнения судебного решения, закрепленная в ст. ст. 203 ГПК РФ, 434 ГПК РФ, ст. 37 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Ученые отмечают проблемы законодательного регулирования данного института². Проблемы носят не только теоретический, но и практический характер. Законодатель не закрепляет перечень оснований для изменения способа и порядка исполнения, определенных форм выражения, ограничений в применении данного института, непонятным остается право суда выйти за пределы заявленных сторонами требований, избрании нового способа исполнения и т.п. Как пишет Л.В. Ярошенко, «разнообразное толкование в применении институтов отсрочки и рассрочки исполнения решения суда вызвано отсутствием нормативного регулирования»³.

В своих определениях Конституционный суд РФ не раз отмечал, что, несмотря на отсутствие установленного законом перечня оснований для отсрочки и рассрочки исполнения судебного решения, а также для изменения способа и порядка исполнения, законом установлен определенный критерий

---

¹ Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Аргунов, В.В. Аргунов, А.В. Демкина и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2012. 506 с.

² Например, см.: Егорова А.А. О некоторых ограничениях в применении института изменения способа и порядка исполнения решения суда в гражданском процессе // Вестник исполнительного производства. 2016. N 2. С. 78 - 84.; Ярошенко Л.В. Указ. соч. - М., 2017. С. 55.

³ Ярошенко Л.В. Указ. соч. - М., 2017. С. 55-56.

для разрешения судом подобных обстоятельств – затруднение исполнения судебного акта, и в каждом отдельном случае суд сам решает вопрос о наличии данных обстоятельств. Так, в одном из определений Конституционный суд указал, что установление в каждом конкретном случае того, может ли быть изменен способ и порядок исполнения решения суда с учетом содержания решения и фактических обстоятельств дела, – исключительная прерогатива суда, вынесшего решение, которая вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является проявлением его дискреционных полномочий. Гарантией процессуальных прав лиц в данном случае выступает возможность подачи частной жалобы на определение суда, вынесенное по результатам рассмотрения заявления об изменении способа и порядка исполнения решения суда¹.

Интересной представляется позиция некоторых ученых, предлагающих ограничить данный институт в некоторых категориях дел². Авторы исходят из целей ускорения исполнения судебного решения, отсутствия законодательно установленного, налаженного механизма судебного контроля и реагирования на исполнение решений и т.д. Представляется целесообразным и необходимым установить пределы, границы, при которых будет допущена возможность отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Подобная необходимость представляется оправданной по ряду причин.

Во-первых, стоит отметить, что судебное решение по исследуемой категории дел должно содержать подробный порядок возвращения незаконно

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2664-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новосада Владимира Федоровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 203 и статьей 434 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

² Например, см.: *Плотников Д.А.* Особенности исполнения судебных решений по делам, возникающим из публичных правоотношений, в гражданском судопроизводстве // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2015. № 1. С. 37-42.

перемещенного или удерживаемого ребенка. В нем должны быть указаны не только сроки возвращения ребенка, но и то, каким образом и при каких обстоятельствах ребенок должен быть возвращен в страну его постоянного проживания. Порядок возвращения ребенка является дополнительным и обязательным требованием, предъявляемым к судебным решениям по исследуемой категории дел. Вынося решение, суд не только решает вопрос о законности, либо незаконности перемещения/удержания ребенка, но и обосновывает свое решение, определяет необходимый порядок исполнения решения. В этой связи думается, что определение порядка возвращения ребенка является важным и неотъемлемым компонентом сущности решений по исследуемой категории дел.

Как отмечал Н.Б. Зейдер, судебное решение является актом, значение которого простирается далеко за пределы тех узких интересов, которые имеются у сторон в данном конкретном деле. По его мнению, судебное решение представляет собой процессуальный акт, являющийся результатом деятельности суда, активно осуществляемой им по выяснению фактических обстоятельств дела, разрешению спора, защите нарушенного или оспоренного права и, в конечном итоге, по охране правопорядка¹. Соглашаясь с ученым, можно отметить, что нельзя изменить сущность судебного решения в целях облегчения его исполнения. Конституционный суд РФ в Определении от 23 ноября 2017 г. № 2664-О также отмечает, что изменение способа и порядка исполнения судебного постановления, не должно менять его сущности. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что при изменении порядка исполнений решений по исследуемой категории дел, изменится и сущность данных решений, что является недопустимым.

Во-вторых, в силу специфики исследуемой категорией дел Конвенцией 1980 г. и главой 22.2 ГПК РФ введены краткие сроки для рассмотрения

---

¹ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. - М.: Юридическая литература, 1966. С. 16-17.

заявлений по данным делам, их пересмотра и исполнения. Конвенция 1980 г. содержит понятие «незамедлительного возвращения ребенка». Страны-участницы Конвенции 1980 г. должны предпринять все необходимые меры для более быстрого возвращения ребенка, в ином случае Конвенция 1980 г. вводит меры ответственности. Как справедливо отмечается в научной литературе, «процессуальное законодательство не относит решения судов по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа к числу решений, подлежащих немедленному исполнению в силу положений ст. 211 ГПК. Вместе с тем представляется, что в целях обеспечения незамедлительного возвращения детей и эффективного соблюдения права опеки и доступа (ст. 1 Гаагской конвенции 1980 г.) решение суда по рассматриваемой категории дел может быть обращено к немедленному исполнению по правилам ст. 212 ГПК (факультативное немедленное исполнение) при наличии соответствующих оснований»¹.

Ст. 11 международного договора закрепляет право истца или Центрального органа другого государства требовать объяснений о причинах задержки в случаях, если судебные или административные органы страны, в которой незаконно находится или удерживается ребенок, не вынесли соответствующее решение в течение шести недель. Европейский суд по правам человека также отмечает, что отсрочка в исполнении решения не должна вредить сущности права, гарантированного ст. 6 Конвенции. Иначе говоря, задержка исполнения судебного акта может приобрести форму нарушения права на справедливое судебное разбирательство, если оно не может быть оправдано конкретными обстоятельствами дела, и влечет умаление требования разумного срока². Отстрочив исполнение решений по

---

¹ Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. С. 459.

² «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) от 19 марта 1997 г. // Отчеты о судебных разбирательствах и решениях (Reports of Judgments and Decisions) 1997-II.

исследуемой категории дел, суд нарушит основополагающие принципы Конвенции 1980 г., направленные на кратчайшие сроки возвращения ребенка.

Как верно пишет В.П. Кудрявцева, «семейным конфликтам свойственны продолжительность и поступательно-накопительное развитие, когда первоначально небольшие разногласия в семье постепенно перерастают в непримиримое противостояние, в котором самым уязвимым субъектом оказываются дети, наиболее остро переживающие ссоры между самыми близкими им людьми. Все эти обстоятельства негативно сказываются на процедуре принудительного исполнения решений о воспитании детей, внутрисемейные проблемы порождают сложности при исполнении судебных актов не только организационного, но и морально-этического характера»¹.

Исходя из этого, становится ясным, что возможность отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа меняет сущность судебного решения и нарушает принципы международного договора. Однако, бывают случаи, при которых исполнение судебного решения не может произведено в силу объективных причин.

По общему правилу, как разъяснено в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»², по смыслу положений ст. 37 Закона об исполнительном производстве, ст. 434 ГПК РФ, ст. 358 КАС РФ и ст. 324 АПК РФ основаниями для предоставления отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа могут являться неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, препятствующие исполнению

---

¹ Кудрявцева В.П. Исполнение требований неимущественного характера. М.: Статут, 2015. С. 175.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

должником исполнительного документа в установленный срок. Вопрос о наличии таких оснований решается судом в каждом конкретном случае с учетом всех имеющих значение фактических обстоятельств, к которым, в частности, могут относиться тяжелое имущественное положение должника, причины, существенно затрудняющие исполнение, возможность исполнения решения суда по истечении срока отсрочки. При предоставлении отсрочки или рассрочки судам необходимо обеспечивать баланс прав и законных интересов взыскателей и должников таким образом, чтобы такой порядок исполнения решения суда отвечал требованиям справедливости, соразмерности и не затрагивал существа гарантированных прав лиц, участвующих в исполнительном производстве, в том числе права взыскателя на исполнение судебного акта в разумный срок (п. 25 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ).

Представляется, что пределами, при которых необходимо допускать возможность отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа должен считаться ограниченный круг обстоятельств, таких как состояние здоровья ребенка на момент исполнения решения, а именно болезнь ребенка, а также чрезвычайные происшествия, которые могут затруднить перемещение ребенка в государство его обычного проживания (военные действия, природные катаклизмы, техногенные катастрофы и т.п.).

Тем самым, нормы, регулирующие порядок отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения должны трактоваться ограниченным образом. Нельзя допустить изменение порядка исполнения судебного решения по неубедительным, недостаточным и необоснованным причинам. Судебное решение должно исполняться разумно, с максимальным учетом интересов ребенка; необходимо обеспечить ребенку дополнительные гарантии его безопасности при перемещении.

Таким образом, с учетом выявленной специфики исполнительного производства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, в данном параграфе диссертации внесены следующие предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения:

- передать полномочия по осуществлению розыска ребенка по запросу Центрального органа органам внутренних дел, которые обладают четким правовым инструментарием, позволяющим осуществлять розыск в максимально сжатые сроки;

- исключить запрос Центрального органа о розыске ребенка из ст. 12 ФЗ «Об исполнительном производстве» и отнести его к межведомственным документам;

- закрепить требование своевременного и оперативного направления в Центральный орган всей документации, касающейся осуществления исполнительного производства;

- установить пределы, при которых будет допущена возможность отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. А именно: болезнь ребенка, а также чрезвычайные происшествия, которые могут затруднить перемещение ребенка в государство его обычного проживания (военные действия, природные катаклизмы, техногенные катастрофы и т.п.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Защита прав и законных интересов ребенка является одним из приоритетных направлений государственной политики. Обеспечение защиты указанных прав и интересов обуславливает необходимость эффективной работы судебного механизма по рассмотрению гражданских дел, затрагивающих вопросы судьбы ребенка.

Одной из наиболее значимых категорий дел в этой области являются споры о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа. Присоединение Российской Федерации к Конвенции 1980 г. явилось большим шагом вперед на пути к эффективной защите детей, пострадавших от незаконного перемещения и удержания. Конвенция 1980 г. создает прочные механизмы взаимодействия межнациональных судебных и иных органов власти, позволяющие в краткие сроки восстанавливать нарушенные права. Вместе с тем, в настоящее время, ввиду новизны и специфики международно-правовых норм, у российского правоприменителя возникает ряд трудностей, связанных с реализацией требований Конвенции 1980 г.

В ходе исследования особенностей рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, в диссертации выявлены недостатки правового регулирования подсудности указанной категории дел, ее субъектного состава, доказывания, исполнения судебных решений, а также иных гражданско-процессуальных вопросов.

На базе проделанной работы можно сделать следующие основные теоретические выводы и внести предложения, направленные на совершенствование законодательства и практики его применения.

Концепция учета наилучших интересов ребенка состоит в защите субъективных прав и законных интересов ребенка посредством многоступенчатой процессуальной системы. В диссертации предложен процессуальный алгоритм действий, с помощью которого суд может

выявлять и учитывать наилучшие интересы ребенка в каждом конкретном деле. Во-первых, судом рассматривается утверждение о серьезном риске, который может иметь место в случае возвращения ребенка в государство обычного проживания. Во-вторых, суд должен проанализировать данный риск, понять, действительно ли данное утверждение верно или нет. Подобный анализ возможен только при подробном, тщательном изучении всех обстоятельств конкретного дела. Суд должен оценить все факторы, влияющие на принятие решения, взвесить все доказательства, которые могут подтвердить наличие или отсутствие данного риска. В-третьих, суд должен как можно более полно и детально обосновать свое решение, указать причины, по которым он решил оставить или вернуть ребенка. Необходимо выявить причинно-следственную связь между утверждением о риске, с которым связано возвращение ребенка, и своим решением. Обосновывая свое решение, суд должен проанализировать и сравнить, в каком случае будут учтены наилучшие интересы ребенка – при его возвращении или нет.

Значимость требования тщательного учета наилучших интересов ребенка при рассмотрении дел анализируемой категории обуславливает необходимость его закрепления в гражданском процессуальном законодательстве. В этой связи статью 244.12 ГПК РФ, регламентирующую порядок рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, целесообразно изложить в следующей редакции:

«Дела по заявлениям о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа на основании международного договора Российской Федерации (далее – дело о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа) рассматриваются и разрешаются по общим правилам искового производства *на основе учета наилучших интересов ребенка и с особенностями, установленными международным договором Российской Федерации и настоящей главой*».

Тем самым, будут повышены гарантии защиты прав детей, незаконно разлученных с кем-либо из своих родителей, а также закреплена обязательность учета наилучших интересов ребенка и обеспечена реализация права на судебную защиту ребенка с обязательным приоритетным учетом его прав и законных интересов.

Дела о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа представляют собой осложненные иностранным элементом и не предусматривающие возможность подачи встречного искового заявления или соединения нескольких исковых требований семейные споры о восстановлении нарушенных в стране-участнице Конвенции 1980 г. прав ребенка, прав опеки оставленного родителя или иного законного представителя и прав доступа, рассматриваемые и разрешаемые по правилам искового производства на основе учета наилучших интересов ребенка, посредством возвращения ребенка или устранения препятствий к доступу к ребенку в случае незаконности его перемещения или удержания и отсутствия позволяющих оставить ребенка обстоятельств-исключений из принципа незамедлительного возвращения похищенного ребенка.

Подсудность по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа включает в себя два вида подсудности одновременно. Территориальная и родовая подсудность, находясь во взаимосвязи, объединены в едином судебном центре. Исходя из этого, в диссертации сделан вывод о том, что данный вид подсудности наиболее правильно именовать централизованной подсудностью, так как рассмотрение исследуемой категории дел сосредотачивается в строго определенных судах, центрах, и только они имеют право разрешать дела о возвращении ребенка и выносить по ним решения. Тем самым происходит централизация подсудности в одном месте.

Спорным является решение законодателя отнести исследуемую категорию дел к подсудности районных судов. Исходя из анализа специфики

и сложности дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, в диссертации сделан вывод, согласно которому суд, являющийся судебным центром рассмотрения исследуемой категории дел, должен находиться в административном центре федерального округа, что позволит обеспечить его транспортную доступность и удобство рассмотрения дел. Этот подход необходимо отразить в ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ.

Тем самым, по делам данной категории должна быть установлена единая централизованная подсудность, сочетающая категорию дела, категорию суда и территориальную компетенцию и, тем самым, объединяющая в едином судебном центре родовую и территориальную подсудность.

Применительно к специфике субъектного состава по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, в диссертации обоснована необходимость наделения Центрального органа, назначенного в Российской Федерации в целях обеспечения исполнения обязательств по международному договору Российской Федерации, правом на подачу искового заявления в защиту нарушенных прав ребенка. Решение законодателя не наделять названный орган подобным правом является нарушением норм Конвенции 1980 г., согласно которым Центральные органы стран-участниц в некоторых случаях обязаны защищать нарушенные незаконным перемещением или удержанием права ребенка. При этом, полномочиями Центрального органа в рассматриваемой сфере необходимо наделить не Министерство просвещения РФ, а Министерство юстиции РФ.

Анализ правоприменительной практики по делам исследуемой категории показал, что заключения, даваемые органами опеки и попечительства, не отвечают целям международного договора. В своих заключениях указанные органы затрагивают вопросы воспитания ребенка, что не входит в предмет рассмотрения исследуемой категории дел и

противоречит нормам Конвенции 1980 г. Наиболее верным будет, если в своих заключениях данные органы будут исследовать вопросы нарушения прав ребенка при их незаконном перемещении или удержании, выражать свою позицию и мнение касательно только этих вопросов. Исключение органов опеки и попечительства из участия в рассмотрении дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа нецелесообразно, так как специалисты этих органов обладают необходимыми познаниями и опытом, что позволяет привлекать их с целью выяснения мнения ребёнка относительно возвращения в страну постоянного проживания. При этом, органы опеки и попечительства не должны вторгаться в область воспитания ребёнка, так как эти вопросы находятся за рамками предмета рассмотрения.

Исследуя проблемы доказывания по указанной категории дел, автор приходит к выводу, что в предмет доказывания входят факты нарушения прав опеки при перемещении или удержании ребенка, а также, по инициативе ответчика, факты наличия обстоятельств-исключений, заложенных в Конвенции 1980 г. Доказывание названных фактов вызывает немалые сложности, исходя из чего в диссертации Верховному Суду РФ предложено разъяснить единые критерии доказывания наиболее сложных вопросов. В их числе: (а) при определении вопроса адаптации ребенка – объективные критерии, касающиеся различных аспектов социальной жизни ребенка, в том числе вопросов его интеграции в образовательную и медицинскую системы; (б) в вопросах, связанных с возражением ребенка против возвращения, нельзя руководствоваться одним критерием возраста ребенка и следует учитывать степень зрелости ребенка, под которой подразумевается понимание им последствий своего выбора. При наличии заключения специалиста (педагога-психолога), подтверждающего уровень развития ребенка, целесообразно обязать суд выяснять и учитывать его мнение при решении затрагивающих его интересы вопросов начиная с шести лет. В числе подобных вопросов, безусловно, и вопросы, связанные с

проживанием с тем или иным взрослым, общением с ним и проживанием в том или ином государстве.

На ответчике, совершившем незаконное перемещение и/или удержание, лежат обязанности по доказыванию: законности своих действий, т.е. того, что перемещение не нарушило права ребенка и было выполнено с согласия оставленного родителя, либо же без нарушения прав опеки другого родителя; наличие в деле обстоятельств-исключений, которые позволяют ребенку остаться в том государстве, в которое его перевезли, в силу необходимости учета наилучших интересов ребенка, так как дальнейшее перемещение повторно нарушит его права.

При исследовании изменений, произошедших в исполнительном праве после присоединения Российской Федерации к Конвенции 1980 г., автор приходит к выводу, что розыск ребенка по запросу Центрального органа в досудебной стадии не является исполнительным розыском, не может входить в предмет исполнительного права и, соответственно, осуществляться судебными приставами-исполнителями. Более целесообразной представляется передача данных полномочий органам внутренних дел. Неправильным видится и отнесение самого запроса Центрального органа о розыске ребенка к исполнительным документам, так как в нем отсутствуют властные предписания о совершении или воздержании от совершения определенных действий, которые подлежат принудительному исполнению. По этой причине следует исключить данный вид документа из ст. 12 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Возможность отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа меняет сущность судебного решения и нарушает принципы международного договора. Однако, бывают случаи, при которых исполнение судебного решения не может произведено в силу объективных причин. Речь идет о состоянии ребенка на момент исполнения решения, а именно таких обстоятельствах, как болезнь ребенка и

чрезвычайные происшествия, которые могут отразиться на перемещении ребенка в государство обычного проживания (например, военные действия, природные катаклизмы и т.д.); в подобных случаях оправданным представляется изменить порядок и сроки исполнения судебного решения.

При этом, нормы, регулирующие порядок отсрочки, изменения способа и порядка исполнения судебного решения, следует трактовать ограниченным образом. Нельзя допустить изменение порядка исполнения судебного решения по необудительным, недостаточным и необоснованным причинам. Судебное решение должно исполняться разумно, с максимальным учетом интересов ребенка; необходимо обеспечить ребенку дополнительные гарантии его безопасности при перемещении.

Тем самым, представляется, что сформулированные в ходе проведенного анализа практические предложения по оптимизации процедуры разрешения гражданских дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, в том числе по совершенствованию Гражданского процессуального кодекса РФ и правоприменительной практики, будут способствовать гармонизации общественных отношений в данной сфере и позволят повысить гарантии прав ребёнка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, и нормативные документы

1. «Конвенция о правах инвалидов» (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.02.2013 № 6. Ст. 468.
2. «Конвенция о контактах, связанных с детьми» (ETS № 192) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 15.05.2003) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Факультативный протокол 2000 г. к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 66/138 от 19 декабря 2011 г. Док. ООН A/RES/66/138.
4. Факультативный протокол 2000 г. к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 54/263 от 25 мая 2000 г. Док. ООН A/RES/54/263.
5. Замечание общего порядка № 14 о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3). Комитет ООН по правам ребенка (КПР). 29 мая 2013 г. Док. ООН CRC /C/GC/14.
6. Рекомендации УВКБ ООН по определению наилучших интересов ребенка. УВКБ ООН. 1 мая 2008 г. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4b697d1e2.html> (дата обращения: 10.02.2020)
7. «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации

10.12.1994) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.04.1995. № 17. Ст. 1472.

8. «Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления» (Заключена в г. Гааге 29.05.1993) // Международное частное право. Сборник документов. - М.: БЕК, 1997. С. 712-720.

9. Африканская хартия прав и основ благосостояния ребенка // OAU doc. CAB/LEG/24.9/49 (1990).

10. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.

11. «Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 25.10.1980) // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.12.2011. № 51. Ст. 7452.

12. «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (Заключена 18.12.1979) // Ведомости ВС СССР. 23.06.1982. № 25. Ст. 464.

13. «Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам» (Заключена в г. Гааге 18.03.1970) // Международное частное право. Сборник документов. - М.: БЕК, 1997. С. 737-744.

14. «Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам» (заключена в г. Гааге 15.11.1965) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.12.2004. № 50. Ст. 4951.

15. «Декларация прав ребенка» (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 385-388.

16. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. № 67.

17. Женевская декларация прав ребенка 1924 г. // Международные акты о правах человека: Сб. документов. - М., 2002. С. 30-32.

18. Регламент № 2201/2003 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000» [рус., англ.] (Вместе со «Свидетельствами», «Сравнительной таблицей...») (Принят в г. Брюсселе 27.11.2003) (Регламент Брюссель-II) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

20. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

21. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

22. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

23. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

24. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.11.2011. № 48. Ст. 6725.

25. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.

26. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.

27. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.

28. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.08.1996. № 34. Ст. 4029.

29. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.10.2004. № 42. Ст. 4108.

30. Постановление Правительства РФ от 22.12.2011 № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.01.2012. № 1. Ст. 141.

31. Письмо ФССП России от 25.08.2014 №00011/14/50543-СВС «О возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка и об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2014. № 10.

32. Письмо ФССП России от 28.05.2014 № 00074/14/30695-АП «О Федеральном законе от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2014. № 7.

33. Письмо ФНП от 27.02.2010 № 329/06-01ТВ «О согласии законных представителей на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» // Нотариальный вестник. 2010. № 5.

34. Гражданский процессуальный кодекс Чешской Республики.

Судебная практика

35. Постановление ЕСПЧ от 18 июня 2019 г. «Дело «Владимир Ушаков (Vladimir Ushakov) против Российской Федерации»» (жалоба № 15122/17) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 6.

36. Постановление Европейского суда от 19 июля 2016 г. по делу «E.S. v. Romania and Bulgaria» // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22tabview%22:%5B%22document%22%5D,%22itemid%22:%5B%22001-164917%22%5D%7D> (дата обращения: 10.02.2020)

37. «Международное похищение детей» (Обзор постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, подготовленный Секретариатом Европейского Суда по правам человека (февраль 2015 года)) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1(25).

38. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 21 октября 2015 г. по делу «G.S. v. Georgia» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1349> (дата обращения: 10.02.2020)

39. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 15 января 2015 г. по делу «M.A. v. Austria» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1336> (дата обращения: 10.02.2020)

40. Постановление Европейского суда от 13 января 2015 года по делу «Manic v. Lithuania» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1356> (дата обращения: 10.02.2020)

41. Постановление Европейского суда от 1 октября 2014 г. по делу «Blaga v. Romania» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1274> (дата обращения: 10.02.2020)

42. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 26 ноября 2013 г. по делу «X v. Latvia» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1146> (дата обращения: 10.02.2020)

43. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 7 июня 2013 г. по делу «Raw and Others v. France» // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["002-7511"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата обращения: 10.02.2020)

44. Постановление Европейского суда от 21 мая 2012 г. по делу «Karrer v. Romania» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1149> (дата обращения: 10.02.2020)

45. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 3 мая 2012 г. по делу «Ilker Ensar Uyanik c. Turquie» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1169> (дата обращения: 10.02.2020)

46. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 26 июля 2011 г. по делу «Shaw v. Hungary» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1150> (дата обращения: 10.02.2020)

47. European Court of Human Rights. Sneersone and Kampanella v. Italy. Application № 14737/09. Judgment of 12.07.2011.

48. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 6 июля 2010 г. по делу «Neulinger and Shuruk v. Switzerland» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1001> (дата обращения: 10.02.2020)

49. Европейский суд по правам человека. Никишина против России. Жалоба № 37614/02. Постановление от 29.11.2007 г.

50. Постановление Большой Палаты Европейского суда от 24 апреля 2003 г. по делу «Sylvester v. Austria» // URL: <https://www.incadat.com/en/case/502> (дата обращения: 10.02.2020)

51. «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) от 19 марта 1997 г. // Отчеты о судебных разбирательствах и решениях (Reports of Judgments and Decisions) 1997-II.

52. Судебное дело «Re S (Minors) (Child Abduction: Wrongful Retention)»
// URL: <http://incadat.com/index.cfm?act=search.detail&cid=117&lng=1&sl=1>
(дата обращения: 10.02.2020).

53. Case: Bezirksgericht Zürich (Zurich District Court) (Switzerland) // URL:
<https://www.incadat.com/en/case/425> (дата обращения: 10.02.2020)

54. Case: CA Dijon, 15 juillet 2008, № de RG 08/00923 // URL:
<https://www.incadat.com/en/case/958> (дата обращения: 10.02.2020)

55. Case Friedrich v. Friedrich // URL: <https://www.incadat.com/en/case/82>
(дата обращения: 10.02.2020)

56. Case: M.R. v. L.R. // URL: <https://www.incadat.com/en/case/1177> (дата
обращения: 10.02.2020)

57. Case: Secretary for Justice v. HJ // URL:
<https://www.incadat.com/en/case/1127> (дата обращения: 10.02.2020)

58. European Court of Human Rights. Hoffmann v. Austria. Application №
12875/87. Judgment of 23.06.1993.

59. «Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на
основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного
похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного
Суда РФ 18.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

60. Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2664-О
«Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новосада
Владимира Федоровича на нарушение его конституционных прав частью
первой статьи 203 и статьей 434 Гражданского процессуального кодекса
Российской Федерации» // Справочная правовая система
«КонсультантПлюс».

61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О
практике применения судами законодательства при разрешении споров,
связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при
непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении

или лишения родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2013 № 37 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»» // Российская газета. 20.12.2013. № 288.

64. Определение Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 201-В11-8 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

65. Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2010 № 869-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дружбина Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 433 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10.

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

68. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 15.

69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

70. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.10.2013 № 80-КГ13-10 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

71. Постановление президиума Московского областного суда от 02.04.2008 № 262 по делу № 44г-1208 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

72. Дело № 2-2****/1* // Архив Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербург.

73. Дело № 2-2****/1* // Архив Тверского районного суда г. Москвы.

74. Решение по делу № 2-81**/** // Архив Пятигорского городского суда.

75. Решение по делу № 2-81**/17** // Архив Пятигорского городского суда.

76. Решение по делу № 2-39**-1* // Архив Пятигорского городского суда.

77. Решение по делу № 2-39**-14 // Архив Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону.

78. Решение по делу Дело № 2-29**/16 // Архив Пятигорского городского суда.

79. Решение по делу № 4г-14**/1* // Архив Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербург.

Книги, диссертации, авторефераты диссертаций

80. Абрамова А.С. Защита прав и интересов детей-граждан России при их усыновлении иностранными гражданами и лицами без гражданства по законодательству Российской Федерации: дисс. ...канд. юрид.наук. - М., 2008. - 230 с.

81. Адамович В.И. Очерк русского гражданского процесса. Вып. 1. - 2-е изд., испр. и доп. - С.-Петербург: Типо-литогр. и фототипия П. И. Бабкина, 1985. - 192 с.
82. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. - М.: Госюриздат, 1961. - 187 с.
83. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Норма - Инфра-М, 2013. - 432 с.
84. Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. - 136 с.
85. Аргунов В.Н., Борисова Е.А., Иванова С.А. и др. Практикум по гражданскому процессу. Учебное пособие / Под ред. М.К. Треушникова. - М.: Городец, 2008. - 256 с.
86. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. - М.: Городец, 2004. - 272 с.
87. Бахарева О.А., Цепкова Т.М. Лишение родительских прав: монография. - Саратов: Наука, 2010. - 112 с.
88. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник. 5-е издание. - М.: Эксмо, 2010. - 680 с.
89. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. - М.: Прайм – ЕВРОЗНАК. 2003. - 92 с.
90. Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе. Учебное пособие / Отв. ред.: М.С. Шакарян. - М.: РИО ВЮЗИ, 1989. - 81 с.
91. Бородич К.Ю. Усыновление детей-граждан России иностранными гражданами: дисс. ...канд.юрид.наук. - М., 2005. - 175 с.
92. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - М.: Юрид. лит., 1976. - 264 с.
93. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. - М.: Зерцало, 2003. - 464 с.
94. Вилкут М.А. Стороны-основные лица искового производства. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1968. - 76 с.

95. Виртук Н.В., Горшенев В.М., Добровольская Т.Н. и др. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред.: Горшенев В.М., Недбайло П.Е. - М.: Юрид. лит., 1976. - 279 с.
96. Власов А.А. Гражданский процесс Российской Федерации. - М.: Юрайт, 2017. - 584 с.
97. Голубева А.Р., Салькова Н.В., Селионов И.В. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. - М.: Деловой двор, 2008. - 352 с.
98. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. - 4-е изд., перераб. - С.-Петербург: Типография М. Меркушева, 1907. - 424 с.
99. Гражданский процесс / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. - М.: Гардарика, Проспект, 2001. - 480 с.
100. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. - 702 с.
101. Гражданский процесс. Учебник / Отв. ред.: Осипов Ю.К. - М.: БЕК, 1996. - 475 с.
102. Гражданский процессуальный кодекс советских республик / Текст и практический комментарий под ред. проф. А. Малицкого. - 2-е изд., испр. и доп. - Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1929. - 452 с.
103. Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. - М.: Велби, Проспект, 2004. - 584 с.
104. Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия: Избранные труды: в 2 т. - Краснодар: Совет. Кубань, 2006. Т. 2. - 544 с.
105. Гурвич М.А. Право на иск / Отв. ред.: Клейнман А.Ф. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - 216 с.
106. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. - М.: Юрид. лит., 1976. - 176 с.

107. Гуреев В.А., Гущев В.В. Исполнительное производство: учебник. М.: Статут, 2014. 504 с.
108. Гуреев П.П. Судебное разбирательство гражданских дел. - М.: Госюриздат, 1958. - 199 с.
109. Деготь Е.А., Деготь Е.Б. Исполнительный процесс: научно-практ. пособие. - М.: Новый Индекс, 2006. - 336 с.
110. Джалилов Д.Р. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1963. - 22 с.
111. Джандосова Е.В. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу. Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 203 с.
112. Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - 159 с.
113. Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в гражданском процессе. - М.: Госюриздат, 1958. - 164 с.
114. Дюкова Е.А. Конституционно-правовые основы контрольной деятельности судебной власти в Российской Федерации: автор. дис. ... к.ю.н. - М., 2008. - 22 с.
115. Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения: учеб. пособие. - Ярославль: ЯГУ, 1975. - 93 с.
116. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - М.: Рус. яз. 2000. - в 2 т. - 1209 с.
117. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. - М.: Юрид. лит., 1966. - 192 с.
118. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. - М.: Городец, 1997. - 320 с.
119. Избранные решения Европейского суда по правам человека. Вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности / Сост. К. Кириченко. - М.: Московская Хельсинкская группа, 2010.

120. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. - М.: Городец, 2006. - 192 с.

121. Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве. Дисс. ... д-ра юрид. наук. - М., 2019. - 407 с.

122. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Очерки по истории. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. - 119 с.

123. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. Учебник. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. - 407 с.

124. Козлов Ю.М. Административное право: учебник для вузов. - М.: Юристъ, 2005. - 703 с.

125. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г.А. Жилина. - М.: ТК Велби, 2003. - 840 с.

126. Комментарий к Гражданскому Процессуальному Кодексу Российской Федерации: Постатейный научно-практический / Авт. кол.: С.Ф. Афанасьев, О.А. Бахарева, А.С. Викут и др.; Отв. ред. М.А. Викут. учеб. и справ. изд. - М.: ТОН-ДЭКСТРО, 2003. - 864 с.

127. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года: Научно-практический комментарий / Отв. ред. Н.В. Тригубович, О.А. Хазова; Исслед. Центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. - М.: Статут, 2016. - 320 с.

128. Кудрявцева В.П. Исполнение требований неимущественного характера. - М.: Статут, 2015. - 272 с.

129. Кузнецов В.Ф. Реализация решений, не связанных с передачей имущества или денежных сумм: Дис. ... к.ю.н. - Свердловск, 1986. - 193 с.

130. Кулапов В.В. Защита субъективных прав и законных интересов детей в Российской Федерации (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2004. - 30 с.

131. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / Под ред.: Фокина М.А. - М.: Статут, 2014. - 496 с.
132. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. - Минск: Изд-во БГУ, 1969. - 204 с.
133. Лилуашвили Т.А. Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: Автореф. дис...к.ю.н. - М., 1961. - 20 с.
134. Малицкий А. Комментарий к ГПК советских республик. - Харьков: Государственное издание Украины, 1929. - 547 с.
135. Мамыкин А.С. Исполнительное производство: Учебное пособие. - М.: РАП, 2011. - 414 с.
136. Маркелова М.Н. Международно-правовая защита прав детей в условиях вынужденной миграции: Дис. ... к.ю.н. - М., 2019. - 263 с.
137. Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе / Отв. ред.: В.С. Тадевосян. - М.: Наука, 1969. - 247 с.
138. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: учебно-практическое пособие / И.А. Аксенов, Н.Н. Бакурова, А.Н. Береснев и др.; под ред. В.А. Гуреева, С.В. Сазанова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. - 1054 с.
139. Настольная книга судьи по гражданским делам / Под ред. Н.К. Толчеева. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2008. - 656 с.
140. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. - М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1908. - 403 с.
141. Никитин С.В. Судебный нормоконтроль в гражданском процессе и арбитражном процессе: Вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2010. - 49 с.
142. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. - М., 1997. - 944 с.
143. Осипов Ю.К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. - М.: Госюриздат, 1962. - 112 с.

144. Осокина Г.Л. Гражданский процесс: Общая часть. - М., 2003. - 669 с.
145. Осокина Г.Л. Подведомственность и подсудность дел гражданского судопроизводства / Сост.: Осокина Г.Л. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. - 40 с.
146. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Аргунов, В.В. Аргунов, А.В. Демкина и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2012. 506 с.
147. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров. - Учеб.изд. - М.: Проспект, 2014. - 568 с.
148. Проблемы развития процессуального права России: монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. М.: Норма; Инфра-М, 2016. - 223 с.
149. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для бакалавриата и магистратуры. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2019. - 362 с.
150. Решетникова И.В. Исполнительное производство: учебник / А.В. Закарлюка, М.А. Куликова, И.В. Решетникова, Е.А. Царегородцева; под ред. И.В. Решетниковой. - М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. - 354 с.
151. Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. - М.: Норма, 2000. - 288 с.
152. Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / Под ред. А.Я. Сухарева. - М.: Наука, 1987. - 288 с.
153. Советский гражданский процесс: Учеб./ Отв. ред. К.И. Комиссаров, В.М. Семенов. - М.: Юрид. лит., 1978. - 432 с.
154. Тадевосян В.С. Прокурорский надзор в СССР / Отв. ред.: К.А. Мокичев. - М.: Госюриздат, 1956. - 300 с.
155. Титова Т.А. Конвенция о правах ребенка в системе общей регламентации прав человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2000. - 21 с.

156. Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Городец, 2018. - 832 с.
157. Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. - 160 с.
158. Треушников М.К. Судебные доказательства. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Городец, 2005. - 288 с.
159. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография / Я.О. Алимова, Н.Н. Викторова, Г.К. Дмитриева; отв. ред. Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. - 208 с.
160. Фаткулин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Науч. ред.: Я.С. Аврах. - 2-е изд., доп. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. - 206 с.
161. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2011. - 62 с.
162. Ченцов Н.В. Проблемы защиты государственных интересов в гражданском судопроизводстве / Под ред.: Р.Е. Гукасян. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. - 184 с.
163. Шакарян М.С. Учение о сторонах в советском гражданском процессе. Учебное пособие / Отв. ред.: А.К. Сергун. - М.: РИО ВЮЗИ, 1983. - 68 с.
164. Юдельсон К.С. Избранное: Советский нотариат. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. - М.: Статут, 2005. - 616 с.
165. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. - М.: Госюриздат, 1951. - 295 с.
166. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. - М.: Инфотропик Медиа, 2012. - 608 с.
167. Ярошенко Л.В., Судебный контроль в исполнительном производстве. - М.: Проспект, 2017. - 128 с.

168. Борминская Д.С. К вопросу о присоединении Российской Федерации к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2011. № 5. С. 2-10.

169. Веняляйнен М. Медиация и юридическая помощь в трансграничных семейных спорах // Семейное и жилищное право. 2014. № 1. С. 33-38.

170. Воеводина Т.Г. Исполнение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Законность. 2013. № 7. С. 62-65.

171. Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 5-25.

172. Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 204-211.

173. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право России, Франции и Европейского союза: новые горизонты для совместного правосудия (обзор научно-исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна) // Международное право и международные организации. 2014. № 1. С. 117-165.

174. Гландин С.В. Прецедентная практика Верховного суда Англии и Уэльса о факторе психологической привязанности при установлении государства постоянного проживания ребенка по Гаагской конвенции 1980 г. о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Семейное и жилищное право. 2014. № 3. С. 17-21.

175. Григорьев А.Н., Исаенкова О.В. Участие прокурора в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3. С. 6-10.

176. Грось Л.А. Влияние гражданского права на процессуальные нормы // Российская юстиция. 1996. № 3. С. 20-23.

177. Гурвич М.А. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. 1975. № 5. С. 14-17.

178. Гусаков С.Ю. Практика применения норм об отказе в возбуждении исполнительного производства // Практика исполнительного производства. 2018. № 3. С. 13-24.

179. Демкина А.В. Споры о детях: место жительства ребенка и порядок осуществления родительских прав // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 76-84.

180. Дергунова В.А., Голубенко К.А., Закожурникова Д.О. Правовое регулирование порядка выезда несовершеннолетних граждан из Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 82-90.

181. Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе // Советское государство и права. 1957. № 4. С. 61-70.

182. Долинская В.В., Долинская Л.М. Согласие родителя на выезд несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации // Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): Сборник научно-практических статей / Под общ. ред. А.Е. Тарасовой. М.: Инфра-М, 2016. С. 82-90.

183. Дюка А.В., Сюкияйнен Э.Л. Право ребенка на общение с обоими родителями: законодательное закрепление и судебная практика во Франции и Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 52-57.

184. Егорова А.А. О некоторых ограничениях в применении института изменения способа и порядка исполнения решения суда в гражданском процессе // Вестник исполнительного производства. 2016. № 2. С. 78-84.

185. Жеруолис И.А. О соотношении материального и процессуального в иске // Формы защиты права и соотношение материального и процессуального в отдельных правовых институтах. Межвузовский тематический сборник. - Калинин: Изд-во Калининского университета, 1977. С. 12-19.

186. Зайцев И.М., Ткачев Н.И. Специализация исковой формы защиты права // Вестник Московского университета. Серия право. 1988. С. 81-84.

187. Кабанов В.Л. К вопросу о концептуальном содержании принципа наилучших интересов ребенка в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10. С. 65-68.

188. Кабанов В.Л. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей как компонент российского права // Семейное и жилищное право. 2014. № 1. С. 28-32.

189. Карташкин В.А., Юсупов Р.М. Традиционные ценности человечества и обеспечение прав человека // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2013. № 3. С. 41-49.

190. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49-56.

191. Кон И.С. Сексуальная культура XXI века // Юридическая психология. 2007. № 2. С. 22-30.

192. Кравчук Н.В. Конвенция о международном похищении детей: законодательные проблемы и перспективы реализации // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 12-17.

193. Кравчук Н.В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 97-103.

194. Кравчук Н. Положение о немедленном возвращении ребенка в страну постоянного проживания и исключения из него в праве Гаагской конвенции о международном похищении детей и практике Европейского суда по правам человека // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 1. С. 139-144.

195. Краснова Т.В. Содержание родительских прав: перспективы укрепления правового положения родителей в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 102-106.

196. Матвеева Н.В. Усыновление (удочерение) детей иностранными гражданами: система и стадии // Труды филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде. - Вологда, 2010, Вып. 9. С. 75-95.

197. Низамиева О.Н., Ксенофонтова Д.С. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 142-164.

198. Пирогова Е.Е. Проблемы реализации права ребенка выражать свое мнение в суде по делам о защите его прав // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 10-13.

199. Плотников Д.А. Особенности исполнения судебных решений по делам, возникающим из публичных правоотношений, в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 37-42.

200. Поляков И.Н. Доступность и эффективность гражданского судопроизводства: насущные проблемы и пути их решений // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва 31 января – 1 февраля 2001 г. - М.: Лиджист, 2001. С. 308-322.

201. Пчелинцева Л.М. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: новые разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. 2006. № 3. С. 64-76.

202. Ростовцева Н.В. О применении в России Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Судья. 2014. № 8. С. 45-50.

203. Семина Т.А., Тригубович Н.В. К вопросу о реализации в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 2-6.

204. Семина Т.А. Применение в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, заключенной в г. Гааге 25 октября 1980 г. Реформа законодательства. Механизмы медиации // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 3-6.

205. Скабелина Л.А. Возможности использования адвокатом специальных психологических познаний в международных спорах родителей о детях // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 12-19.

206. Смирных С.В. Субъективные права детей в современном международном праве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 184-187.

207. Сорокин А.А. К вопросу о доктринальном определении понятия «исполнительный розыск» в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 104-107.

208. Сталев Ж.С. Материальное право и формы его защиты // Вопросы развития и защиты прав граждан. Межвузовский тематический сборник. - Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1977. С. 14-22.

209. Стрельцова Е.Г. Исполнение исполнительных документов по неимущественным взысканиям // Вестник исполнительного производства. 2016. № 4. С. 12-45.

210. Строгович М.С. О системе науки судебного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 55-70.

211. Сухаренко А.Н. Международное похищение российских детей: правовые аспекты их возвращения // Международное публичное и частное право. 2014. № 5. С. 5-8.

212. Тарусина Н.Н. Проблемы оптимизации взаимодействия семейного и гражданско-процессуального права и законодательства // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском

судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва 31 января – 1 февраля 2001 г. - М.: Лиджист, 2001. С. 326-340.

213. Татаринцева Е.А. Субъектный состав правоотношений по фактическому воспитанию ребенка в свете требований международных стандартов // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 18-22.

214. Тригубович Н.В. Незаконное перемещение или удержание ребенка согласно Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. и российскому законодательству // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 6-11.

215. Тригубович Н.В. Определение юрисдикции по спорам, связанным с воспитанием детей, с участием иностранных граждан // Семейное и жилищное право. 2017. № 6. С. 23-28.

216. Тригубович Н.В. Порядок рассмотрения судами дел о возвращении ребенка в государство постоянного проживания в случае его незаконного перемещения или удержания // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 25-29.

217. Тригубович Н.В., Семина Т.А., Чернов А.В. Применение медиации при разрешении споров о детях, в том числе в рамках реализации положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2013. № 1. С. 8-11.

218. Тригубович Н.В. Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство // Закон. 2018. № 6. С. 69-78.

219. Туманова Л.В. Необходимость расширения сферы административного судопроизводства // Судья. 2017. № 3. С. 15-17.

220. Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики (окончание) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 80-88.

221. Фокина М.А. Юридические предположения в гражданском и арбитражном процессах // Современное право. 2009. № 6. С. 71-80.

222. Хазова О.А. Гагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года и Гагская конвенция о защите детей 1996 года: сопоставительный анализ основных положений // Гагские конвенции о защите детей в Российской Федерации. Применение, исполнение и возможное присоединение. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2013. 460 с.

223. Хазова О.А. Некоторые аспекты трактовки понятий незаконного перемещения и незаконного удержания ребенка в контексте Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей 1980 г. // Закон. 2016. № 10. С. 175-186.

224. Хазова О.А. Присоединение России к Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права // Закон. 2012. № 5. С. 175-184.

225. Шелютто М.Л. Заблаговременное (превентивное) признание (отказ в признании) решений иностранных судов в соответствии со ст. 24 Гагской конвенции 1996 г. // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 180-198.

226. Шелютто М.Л. О применении правил о международной подсудности дел, возникших из правоотношений родителей и детей // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 25. С. 156-187.

227. Шелютто М.Л. Переселение ребенка или проживающего отдельно от него родителя: в чем пробельно российское законодательство // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 30-32.

228. Шелютто М.Л. Применение положений Гагской конвенции 1996 г. в сфере защиты детей о признании и исполнении иностранных судебных решений // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 26. С. 110-131.

229. Шелютто М.Л. Споры об изменении места жительства детей (их переселении с одним из родителей за границу или в пределах страны) // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 24. С. 57-75.

230. Щепеткова А.Н. Порядок осуществления Минобрнауки России функций центрального органа Конвенции 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 12-18.

231. Ярошенко Т.В. Особенности рассмотрения дел о возвращении ребенка на основании международного договора Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 35-38.

Электронные ресурсы

232. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов // URL: www.fssprus.ru/statistics (дата обращения: 10.02.2020)

233. Дело Ирины Беленькой, обвиняемой в похищении дочери URL: http://ria.ru/trend/kidnapping_Belenkaya_17042009 (дата обращения: 10.02.2020)

234. Суды удовлетворяют 76% исков связанных с возвращением ребенка на основании международного договора России URL: <http://dagalin.org/statistics/family/16> (дата обращения: 10.02.2020)

235. Толковый словарь Ушакова URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 10.02.2020)

Литература на иностранных языках

236. 02/7742/A, Tribunal de premiere instance de Bruxelles, 27/5/2003 [INCADAT cite: HC/E/BE 546].

237. Appeal to the Supreme Court by mother against an order for the return of children under the Hague Convention, on the grounds that the judge had failed to apply Article 13(b) of the Convention. Appeal dismissed. URL: <https://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed83890> (дата обращения: 10.02.2020)

238. Beaumont P.R., McEleavy P.E. *The Hague Convention on International Child Abduction* (Oxford Private International Law Series). Oxford: University Press, 1999.

239. Beaumont P., Walker L., Holliday J. Conflicts of EU Courts on Child Abduction: The reality of Article 11(6)-(8) Brussels IIa proceedings across the EU. // *Journal of Private International Law*, 12(2), 211-260.

240. Booth, A. & Amato, P.R. Parental predivorce relations and offspring postdivorce wellbeing. *Journal of Marriage and Family*, 63, 2001. P. 197-212.

241. Cancedda, A., Day, L., Dimitrova, D. & Gosset, M. Missing children in the European Union. Mapping, data collection and statistics. Rotterdam, European Commission. 2013. URL: http://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/files/missing_children_study_2013_en.pdf (дата обращения: 10.02.2020)

242. Clive E.M. *The Concept of Habitual Residence* // *Juridical review*. 1997. Part 3.

243. Costa J.P. *The Best Interests of the Child in the Recent Case-Law of the European Court of Human Rights*. Franco-British-Irish Colloque on Family Law. Dublin, 14 May 2011.

244. Cross-border protection measures in the European Union // *Journal of Private International Law*. 2016. P. 55-57.

245. Dalley, M.L. *The Left-Behind Parents' View of the Parental Abduction Experience: Its Characteristics and Effect on the Canadian Victims*. Ottawa: Royal Canadian Mounted Police, 2007.

246. Duncan W. *The Maintenance of a Hague Convention. Adapting to Change a Discussion of Techniques to Ensure that a Convention Remains «Fit for purpose»*

// Venturini G., Bariatti S. Nuovi strumenti del diritto internazionale privato. Liber Fausto Pocar. Vol. II. Milan: Giuffr , 2009.

247. Freeman, M. Parental Child Abduction: The Long-Term Effects. International Centre for Family Law, Policy, and Practice. 2016. URL: <http://www.childabduction.org.uk/images/longtermeffects.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

248. Freeman, M. The Effects and Consequences of International Child Abduction. Family Law Quarterly. 1998.

249. Guide to Good Practice under the Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction: Part II Implementing Measures (Permanent Bureau of the Hague Conference on Private International Law, Jordan Publishing Limited, Hague 2003).

250. Hague Conference. Guide to Good Practice under The Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction, Part I – Central Authority Practice, Bristol, Jordan Publishing. 2003.

251. Hague Conference. Guide to Good Practice under The Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction, Part III – Prevention Measures, Bristol, Jordan Publishing, 2014.

252. Hammer H., Finkelhor D. Statistical analysis of applications made in 2008 under The Hague Child Abduction Convention, Parts I-III (National, Regional and Global Reports, 2008).

253. *Hillebrand S., Maa  L., S nmez C.* Hague Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction // URL: https://www.ejtn.eu/Documents/Themis%202012/THEMIS%202012%20BUCHA REST%20DOCUMENT/Written_paper_Germany_2.pdf (дата обращения: 10.02.2020)

254. Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child. United Nations Children's Fund. 2007.

255. Kon ina Peternel, Mateja, Mednarodna ugrabitev otrok, Pravosodni bilten,  t. 2013/3.

256. Kruger, T. *International Child Abduction: The Inadequacies of The Law*. Studies in Private International Law. Oxford. 2011.

257. Lansdown G. *Promoting children's participation in democratic decision-making*. Innocenti Insight. UNICEF, 2001.

258. Lubin, B.E. *International Parental Child Abduction: Conceptualizing new remedies through application of The Hague Convention*. Washington University Global Studies Law Review, 4 (2). 2005.

259. McEleavy, P. *The European Court of Human Rights and The Hague Child Abduction Convention: Prioritising Return or Reflection?* Netherlands International Law Review, 62(3), 2015.

260. *Pérez-Vera E. Explanatory Report on the 1980 Hague Child Abduction Convention*. HCCH Publications, 1982. // URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=2779> (дата обращения: 10.02.2020)

261. Schuz Rh. *The Hague Child Abduction Convention: A Critical Analysis*. Oxford, 2013.

262. Shaw, Malcolm N. *International Law*. Sixth Edition. New York. Cambridge University Press. 2008.

263. Silberman L.J. *The Hague Convention on Child Abduction and Unilateral Relocations by Custodial Parents: A Perspective from the United States and Europe* - Abbott, Neulinger, Zarraga // New York University School of Law. Public Law & Legal Theory Research Paper Series Working Paper. № 12-02. 2012. P. 733-742.

264. Stoecker E., *International Child Abduction and Children's Rights: Two Means to the Same End*, 32 Michigan Journal of International Law 511. 2011.

265. Strasburger, R. Lee, 'The Best Interests of the Child?: The Cultural Defense as Justification Child Abuse' // 25 Pace International Law Review. 2013.

266. Taryn Lindhorst and Jeffrey L. Edleson, *Battered Women, Their Children, and International Law: The Unintended Consequences of the Hague Child Abduction Convention* (Northeastern University Press, Boston 2012).

267. Telli K. The role of Central authorities in the application of the 1980 Hague Convention on child abduction: a critical analysis of a genuine area of public international law // 7 Ankara Bar Review 39, 2014.

268. Trimmings, K. Child Abduction within the European Union, Oxford, Hart Publishing. 2013.

269. Yarcheski, A., Scoloveno, M.A., Mahon, N.E. Social support and wellbeing in adolescents: the mediating role of hopefulness. Nursing Research, 43 (5), 1994.